

2008
2012

206749

ЖЕ-1632

1915

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЬ

LE BIBLIOPHILE RUSSE

III

ПЕТРОГРАДЪ.

dessiné par Plathol

gravé par Schomburg

dc-1632

dc 5743
mg

ЖИ 206 749

№ 3. Мартъ 1915 г.

РУССКІЙ БИБЛЮФИЛЪ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИКО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЙ.

ВЫХОДИТЬ 8 РАЗЪ ВЪ ГОДЪ.

LE BIBLIOPHILE RUSSE

REVUE ILLUSTRÉE

DES AMATEURS DE LIVRES ET DE GRAVURES.

PARAÎT 8 FOIS PAR AN.

Pétrograd.

Петроградъ. Рыночная, 10.

149
10682

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

АНБ ім. В. Стефанина
АН УРСР

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ.

(А. А. Воейкова-„Свѣтлана“).

(Продолженіе).

В. А. Перовскій. Рисунок карандашомъ А. А. Воейковой.

Глава VI.

(Продолженіе).

Изъ переписки Свѣтланы съ Козловымъ, представляющей рядъ записокъ къ слѣпому поэту, рѣдко выходившему по болѣзни изъ дому, рисуется намъ образъ жизни Саши и характеръ литературныхъ занятій ея кружка. Записки эти даютъ много новыхъ данныхъ для біографіи Козлова, и вообще весьма интересны въ историко-литературномъ отношеніи.

Въ нихъ упоминаются многіе участники вечеровъ Свѣтланы и даются ихъ любопытныя характеристики.

Свѣтлана разбираетъ новые стихи Козлова, хвалитъ ихъ, обмѣнивается съ поэтомъ стихами Жуковскаго, посылаетъ ему книги и описываетъ свои чтенія съ крестнымъ нѣмецкихъ и англійскихъ авторовъ, которыя происходили у нея по вечерамъ въ пятницы и понедѣльники.

Живая, остроумная, веселая красавица - Свѣтлана умѣла располагать къ себѣ всѣхъ, хотя немного знавшихъ ее.

Вигель, посѣтившій домъ Воейковыхъ еще въ Дерптѣ, въ 1818 г., такъ писалъ о нихъ въ своихъ запискахъ: „Совершенная разница въ наружности, чувствахъ, обхожденіяхъ супруговъ бросается въ глаза. Онъ былъ мужиковатъ, аляповатъ, неблагороденъ, она же настоящая сильфида, существо неземное, какъ увѣряли меня, ибо я только вскользь видѣлъ ее“.

Гречъ въ своихъ запискахъ говоритъ: „Воейковъ обязанъ былъ всѣмъ своимъ существованіемъ несравненной женѣ своей прекрасной, умной, образованной, и добрейшей Александрѣ Андреевнѣ, бывшей его мученицей, сдѣлавшейся жертвою этого человѣка. Всякъ кто зналъ ее, кто только приближался къ ней становился ея чителемъ и другомъ. Благородная, братская къ ней привязанность Жуковскаго, преданная безсмертію въ посвященіи „Свѣтланы“, извѣстна всѣмъ. Потомъ, первыми ея гостями были Александръ Ивановичъ Тургеневъ, и Василій Алексѣевичъ Перовскій. Булгаринъ нѣкоторое время сходилъ отъ нея съ ума. Между тѣмъ эти связи были чистыя и свѣтлыя и ограничились благородной дружбою. Разумѣется въ свѣтѣ толковали не такъ: поносили ее клеветами и лгали на нее“.

Воейкову прощали многіе его поступки и, по словамъ Греча, „подводили ихъ подъ милостивый манифестъ прекрасныхъ глазъ Александры Андреевны“, которая, какъ онъ говоритъ дальше, „оставила по себѣ въ душахъ всѣхъ, кто зналъ ее, неуловимое

воспоминаніе ея достоинствъ, добродѣтелей и страданій“. Кс. Полевой въ своихъ запискахъ также говоритъ о Воейковой, какъ о необыкновенной женщинѣ, ради которой все прощалось ея мужу, отталкивавшему всѣхъ какъ своей уродливой внѣшностью, такъ и недостатками характера¹⁾. Отношенія къ Свѣтланѣ Булгарина, о которыхъ упоминаетъ Гречъ, характеризуются однимъ его французскимъ письмомъ, сохранившимся въ ея бумагахъ, и относящимся къ эпохѣ предшествовавшей ссорѣ автора его съ Воейковымъ. Вотъ это письмо полностью:

Madame,

Я смущенъ, уничтоженъ, тронутъ до глубины моей души такою добротою ко мнѣ съ вашей стороны, которую я не заслужилъ; хотя я не удивляюсь, такъ какъ вы — ангелъ доброты и это ваше свойство — распространять вокругъ себя веселье, утѣшеніе и счастье. Если бы я былъ краснорѣчивъ какъ Ж. Ж. Руссо, геніаленъ, какъ Вольтеръ и чувствителенъ, какъ Бернарденъ де С. Пьеръ, я бы и то не нашелъ словъ, чтобы выразить вамъ все мое почитаніе, уваженіе и почти божественное поклоненіе, какъ и привязанность ко всей вашей семьѣ.

Съ этими чувствами пребываю до смерти вашимъ рыцаремъ и вмѣстѣ съ тѣмъ почтительнымъ и покорнымъ слугою²⁾.

Ө. Булгаринъ.

13 февраля 1823 г.

Н. Маркевичъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Жуковскомъ³⁾ говоритъ: „Какое счастье имѣть племянницею Свѣтлану. Но скоро нашъ незабвенный поэтъ лишился этого блаженства“.

¹⁾ О его наружности, см. „Записки“ Кс. Полевого, стр. 29.

²⁾ Madame,

Je suis confondu, anéanti, ému jusqu'au fond de mon âme pour tant de bontés de votre part pour moi que je n'ai pas méritées, mais je ne suis pas étonné — parce que vous êtes un ange bienfaisant et c'est votre propriété que de répandre autour de vous la joie, la consolation et la félicité. — Si j'étais éloquent comme J. J. Rousseau, spirituel comme Voltaire et sensible comme Bernardin de St. Pierre, je ne trouverais pas encore de mots pour vous exprimer toute mon estime, respect et vénération presque divine pour votre personne et attachement pour toute votre famille.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être jusqu'à la mort votre chevalier porte-couleur et en même temps le très humble et très obéissant serviteur.

F. Boulgarine.

13 Février 1823.

³⁾ Современникъ 1853 г. № 12.

Онъ вспоминаетъ далѣе какъ эта умная, веселая, добродѣтельная красавица — Свѣтлана, прослыша что онъ влюбленъ, писала ему, можетъ быть, намекая на свои чувства къ Тургеневу. „Ce n'est pas le premier amour qui est inéfacable: il vient du besoin d'aimer. Mais lorsqu'après avoir connu la vie, et dans toute force du jugement on rencontre l'âme que l'on avait cherché, l'imagination est subjuguée par la vérité et l'on a raison d'être malheureux“¹⁾.

По словамъ Бартенева, гр. А. В. Адлербергъ, знавшій хорошо Воейкову, не иначе какъ съ умилениемъ говорилъ о ней и воодушевлялся при одномъ имени Свѣтланы²⁾.

Графиня Блудова³⁾ рассказываетъ намъ, что императоръ Александръ I съ большимъ уваженіемъ относился къ Александрѣ Андреевнѣ и нерѣдко въ Царскомъ Селѣ подолгу проводилъ время въ бесѣдѣ съ нею. Извѣстно, что императоръ Николай I, а главное императрица Александра Феодоровна также очень благоволили къ ней, какъ къ другу Жуковского и любили ея общество. Изъ переписки Свѣтланы съ Козловымъ мы видимъ, что она бывала во дворцѣ совершенно запросто, а ея дѣти проводили вечера въ играхъ съ великими княжнами.

На всѣхъ знавшихъ ее, Свѣтлана производила впечатлѣніе какой-то неземной, какой-то духовной, свѣтоточивой красоты. Она умѣла своей отзывчивой и чуткой душою понять чужое горе, утѣшить и ободрить пришедшаго къ ней со своими сомнѣніями и горестями ближняго, очаровать его своей ласковой и лучезарной улыбкой.

Въ своихъ воспоминаніяхъ графиня А. Д. Блудова, знавшая Александру Андреевну въ первые годы послѣ ея замужества, рисуетъ намъ такъ „поэтическій образъ А. А. Воейковой“: „Молодая, прекрасная, съ нѣжно-глубокимъ взглядомъ ласковыхъ глазъ, съ легкими кудрями темнорусыхъ волосъ и черными бровями, съ болѣзненнымъ, но свѣтлымъ видомъ всей ея фигуры, она осталась для меня такимъ неземнымъ видѣніемъ изъ времени моего дѣтства, что долго я своего ангела-хранителя воображала съ ея чертами“...

Какая-то тихая, затаенная грусть видна въ большихъ, глубокихъ глазахъ „Свѣтланы“ на приложенномъ здѣсь ея портретѣ работы Олешкевича (1821 г.). Какъ будто тайное

¹⁾ Первая любовь не бываетъ неизгладимой; она происходитъ изъ потребности любить. Когда уже познавши жизнь и въ полной силѣ сужденія мы встрѣчаемъ душу, которую искали, воображеніе подчиняется истинѣ и тогда мы вправѣ быть несчастными.

²⁾ „Р. Арх.“, 1911 г., 8.

³⁾ Извѣстная писательница Антонина Дмитріевна (1812—91). См. ея „Записки“ въ „Русск. Архивъ“ 1872 г.

предчувствіе злого недуга, подстерегающаго свою жертву, свѣтится въ этихъ глубокихъ, печальныхъ глазахъ, составлявшихъ удивительный контрастъ съ ея заразительно веселымъ смѣхомъ, и, по словамъ поэта, говорившихъ не о земныхъ радостяхъ, не о здѣшнихъ печаляхъ...

Очарованье красоты
Въ тебѣ не страшно намъ
Не будишь насъ, какъ солнце, ты
Къ мятежнымъ суетамъ.

Отъ дольней жизни, какъ луна,
Манишь ты въ край иной
И при тебѣ душа полна
Священной тишиной.

(Боратынскій).

Чрезвычайно трогательными рисуются намъ отношенія Свѣтланы къ слѣпому поэту Козлову, съ которымъ такъ много общаго имѣла ея мечтательная, романтическая душа.

Всѣ ея письма къ нему дышатъ какою то особою нѣжностью, сердечною заботливостью, искреннимъ и теплымъ участіемъ, жалостью къ несчастному, больному поэту, къ этому, по выраженію Екатерины Афанасьевны Протасовой ¹⁾, „Богомъ избранному мученику“.

Она совершенно искренно страдала сама его страданіями и переносила свою нѣжность къ нему на его жену и дѣтей.

Свѣтлана называла поэта кузеномъ, братомъ и другомъ, какъ и онъ ее Сашей или сестрой. Она подписывалась въ письмахъ къ нему „votre amie de coeur et d'âme“, или „de coeur et d'âme votre soeur et amie“. Дружба къ нему, по ея собственнымъ словамъ — „большая часть того малаго счастья, что досталось ей на землѣ“ ²⁾.

Свое отношеніе къ Свѣтланѣ Козловъ высказалъ во многихъ стихахъ, всегда цѣня высоко ея дружбу и считая себя созданнымъ ею для поэзіи. Графъ Е. Е. Комаровскій, въ письмѣ къ Козлову отъ 25 декабря 1825 года писалъ о блаженствѣ поэтическаго вдохновенія, которое долженъ переживать поэтъ: „любой счастливецъ нашего вѣка, если бы умѣлъ цѣнить какъ слѣдуетъ такія чувства, отдалъ бы всѣ свои сокровища за эти минуты восторговъ, эти порывы блаженства, эти видѣнія безсмертія, столь часто при мнѣ переполнявшіе вашу душу. И когда послѣ этихъ воздушныхъ полетовъ вы снисходите опять на землю, васъ ожидаетъ Ангелъ-женщина, столь дорогая нашимъ музамъ (Свѣтлана), и могущая легко примирить васъ съ жизнью“ ³⁾.

¹⁾ См. переписку съ Козловымъ, ч. II.

²⁾ См. тамъ же.

³⁾ „Р. Арх.“ 24, 177, 314.

„Вотъ тебѣ стихи слѣпого къ Свѣтланѣ, писалъ А. И. Тургеневъ, Вяземскому, еще въ 1821 году; онъ недавно и грамотѣ русской выучился, но несчастье (слѣпота) и Свѣтлана были его вдохновителями — и онъ поэтъ“. Рѣчь идетъ здѣсь о стихотвореніи „Къ Свѣтланѣ“, напечатанномъ въ „Сынѣ Отечества“ 1821 г., со слѣдующимъ примѣчаніемъ издателя: „это первый опытъ страдальца, въ цвѣтушихъ лѣтахъ лишившагося ногъ, а потомъ зрѣнія, но сохранившаго весь жаръ сердца и силу воображенія“¹⁾.

Съ Козловымъ познакомилась Александра Андреевна, вѣроятно, около 1818 года, въ первое время его болѣзни, когда онъ, въ самомъ расцвѣтѣ своей блестящей свѣтской карьеры былъ пораженъ сперва параличемъ ногъ, а потомъ и болѣзнью глазъ, приведшей въ 1821 году къ окончательной слѣпотѣ. Новый путь въ безцвѣтной и мрачной жизни, путь поэтическаго вдохновенія, давшій ему новую цѣль и смыслъ существованія, указала ему Свѣтлана, побуждавшая его къ поэтическимъ трудамъ, ободрявшая его первые опыты и разбиравшая ихъ со всею строгостью истиннаго друга. Ей, своей музѣ, и посвятилъ поэтъ первый стихотворный опытъ, появившійся въ печати.

Какъ вводишь радость ты съ собой,	Подвластна грудь моя тебѣ,
То сердце будто размѣется,	Ее ты услаждать умѣешь.
Въ немъ на привѣтный голосъ твой	Но ты Свѣтлана обо мнѣ,
Родное что то отзовется.	Ты слишкомъ много сожалѣешь.

Далѣе поэтъ хотя и жалуется на свою участь, на судьбу, лишившую его зрѣнія, но находитъ утѣшеніе въ сохранившемся въ груди „жарѣ чувства“, благодаря которому онъ „еще любить, еще мечтаетъ“. Сознвая это, онъ чувствуетъ какъ:

И скоро исчезаетъ страхъ,	Быть можетъ благостью Его
Молитва сердце согрѣваетъ	Въ ней имя и мое найдется;
И вдругъ на радужныхъ лучахъ	И я соединю въ одно
Надежда съ вѣрою слетаетъ.	Все то, что столько сердцу мило,
И ты, и ты ночная тѣнь	Всѣ чувства вмѣстѣ, чѣмъ оно
Разсѣбьешься, пройдутъ туманы	Страдало, радовалось, жило.
И расцвѣтетъ мой ясный день	Съ какою радостью тогда
День свѣтлый, какъ душа	Мы насладимся счастьемъ вѣчнымъ
Свѣтланы.	И ты, Свѣтлана, навсегда
И въ оный часъ, какъ у Него	Тамъ будешь другомъ мнѣ
Прощенья книга разогнется,	сердечнымъ!

¹⁾ 21 февраля 1822 г. Тургеневъ писалъ ему же: „вотъ газета и стихи слѣпого въ альбумъ ангела-Воейковой“. (Напечатаны въ „Новостяхъ Литературы“, подъ назв. „Къ С-ѣ“. Позднѣе они назывались „Въ альбомѣ ****“ и представляютъ собою переводъ изъ Байрона).

Въ стихотвореніи „Къ другу В. А. Жуковскому“, по случаю его возвращенія изъ-за границы, онъ говоритъ:

Свѣтлана добрая твоя
Мою судьбу перемѣнила
Какъ ангелъ Божій низлетя
Обитель горя постѣтила.
И безутѣшнаго меня
Отрадой первой подарила.
Случалось ли когда, что вдругъ

Невольной угнетенъ тоскою,
Я слезы лилъ, — тогда мой другъ
Свѣтлана плакала со мною;
Въ надеждахъ вѣры устремлять
Всѣ чувства на дѣтей искала
И чѣмъ мнѣ сердце услаждать
Своимъ то сердцемъ отгадала.

Козловъ боготворилъ Свѣтлану и чтилъ ее какою-то святою любовью, какъ онъ самъ писалъ объ этомъ Тургеневу, въ письмѣ, которое тотъ показалъ Сашѣ ¹⁾. Ей посвятилъ онъ кромѣ приведенныхъ стиховъ — „Насъ семеро“, „Разбойникъ“, „Шотландскій вечеръ“ и прекрасное стихотвореніе, написанное по поводу годовщины ея смерти „Воспоминанія 14 февраля“.

Въ салонѣ Воейковой къ Козлову относились съ особымъ почтеніемъ, благодаря его несчастьямъ, и Блудова писала такъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Вотъ на своихъ низкихъ подвижныхъ креслахъ слѣпой поэтъ Козловъ, на котораго смотрѣли мы съ такимъ глубокимъ почитаніемъ, что умолкали въ самомъ разгарѣ нашихъ игръ, когда катился онъ въ креслахъ въ гостинную Александры Андреевны“.

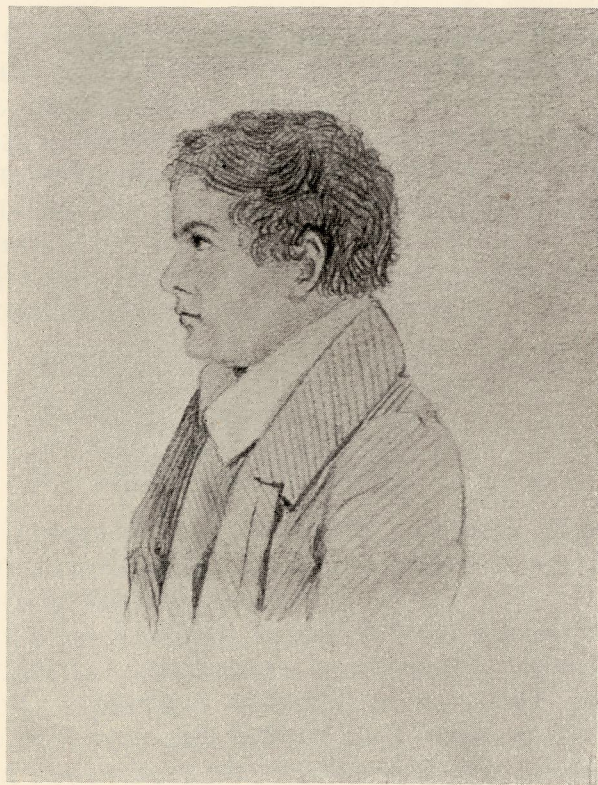
Свѣтлана сама признавалась въ письмахъ къ поэту, что его горести она принимаетъ близко къ сердцу, и что одинъ почеркъ несчастнаго слѣплого способенъ трогать ее до слезъ.

Она сидѣла у его постели, во время его болѣзни, читала ему вслухъ, и просила его въ письмахъ не начинать безъ нея новаго чтенія.

Посвященіе ей поэтомъ стиховъ всегда радовало и трогало ее и за стихотвореніе „Къ Свѣтланѣ“, она благодарила его слѣдующими строками: „Cher cousin, combien je suis sensible à ce que vous me dites dans vos vers! ²⁾ Отъ всего сердца, полного дружбою и участіемъ подаю вамъ руку на вѣчную дружбу“. Она просила его непременно своею рукою написать ей въ альбомъ, и бѣдный слѣпецъ, ошупью, царапалъ ей свои стихотворенія.

¹⁾ См. переписку съ Козловымъ.

²⁾ Дорогой Кузенъ какъ меня трогаетъ то, что вы говорите въ вашихъ стихахъ.

Н. М. Языковъ. Рисунокъ карандашѣмъ А. А. Воейковой.
Изъ альбома.

Какъ трогательно кажется намъ молитва религіозной женщины за бѣднаго страдальца, въ которой она выражаетъ желаніе быть настолькоъ праведной, чтобы Богъ услышалъ эту ея молитву.

Вообще, полная поэзія переписка Свѣтланы съ Козловымъ раскрываетъ намъ всю ея прекрасную душу и рисуетъ лучезарный образъ женщины, у которой, по ея собственнымъ словамъ, „le moral fait toujours oublier le physique“ ¹⁾.

Знакомство Свѣтланы съ Языковымъ возникло позднѣе, когда въ 1823 году она снова очутилась въ Дерптѣ, безъ мужа, живя у матери, послѣ смерти Маши Мойеръ.

Молодой поэтъ, на котораго сперва обратилъ вниманіе А. Ф. Воейковъ въ Петербургѣ, пріѣхалъ въ Дерптъ съ его рекомендательными письмами къ тамошнимъ профессорамъ, и конечно познакомился тамъ и со Свѣтланой.

Вліяніе ея на его поэзію было огромно и онъ самъ писалъ объ этомъ въ своихъ извѣстныхъ стихахъ:

Забуду ль Васъ когда нибудь,
Я, Вами созданный? Не Вы ли
Мнѣ пѣсни первыя внушили
Мнѣ свѣтлый указали путь,
И сердце биться научили ²⁾.

„Воейкова, говорилъ онъ позднѣе, имѣетъ полное право называться пробудительницею, звѣздою моего таланта поэтического, ежели онъ у меня имѣется“ ³⁾.

Характеръ поэзіи Языкова, поэзіи буйныхъ радостей жизни, разгульной молодости, любовныхъ похожденій, обусловливался его необузданной, страстной натурой, и въ этомъ смыслѣ, непосредственнаго поэтического вліянія Свѣтланы надо искать въ немногихъ, но за то лучшихъ его произведеніяхъ: „Баянъ“, „Пловецъ“, „Ливанія“, „Воспоминаніе о А. А. Воейковой“ и др. По его словамъ она замалчивала его любовныя и легкомысленныя, или, по его выраженію „неучтивыя“ стихотворенія, разбирая лишь остальные ⁴⁾. Свѣтлана облагородила своимъ вліяніемъ талантъ Языкова и, по его собственнымъ словамъ, вложила въ его душу все то свѣтлое и хорошее, что онъ еще сохранилъ ⁵⁾.

¹⁾ Нравственное всегда заставляетъ забывать физическое.

²⁾ На стр. 18 нами приведено неизданное стихотвореніе Языкова, въ которомъ онъ также называетъ себя созданнымъ ею.

³⁾ См. Язык. Архивъ, т. I, стр. 201.

⁴⁾ См. тамъ же, письмо 14 апр. 1825 г.

⁵⁾ Язык. Арх., письмо 21 апр. 1827 г.

несмотря на то, что цѣломудренная Свѣтлана относилась къ нему какъ къ талантливому мальчику, и, по его же собственнымъ словамъ, дѣлала видъ, что не понимала его многочисленныхъ любовныхъ признаній въ стихахъ ¹⁾).

Отношенія его къ Александрѣ Андреевичу выясняются намъ теперь по его письмамъ къ братьямъ, опубликованнымъ въ первомъ томѣ Языковскаго Архива ²⁾).

Любовь его зарождалась постепенно. Еще до пріѣзда Воейковой въ Дерптъ, онъ предупреждалъ брата въ письмѣ отъ 20 декабря 1822 г., что она скоро должна пріѣхать въ Дерптъ, и что, по слухамъ, „всякій, кто ее видѣлъ хоть разъ вблизи, непременно въ нее влюбляется“.

23 февраля онъ познакомился съ ней, но о впечатлѣніи, произведенномъ ею, написалъ братьямъ только 2 июня, по случаю посѣщенія Воейковой у нея на дачѣ въ Камби (имѣніе ген. Кнорринга), гдѣ она проводила лѣто. Фривольный духъ юноши сказался и здѣсь:

„Кстати, или не кстати о Воейковой, пишетъ онъ. Это такая женщина, какой я до Дерпта не видывалъ: прекрасно образована а лице — какого должно искать съ фонаремъ, между потомками ребра Адамова. Мнѣ кажется, что въ ней есть одинъ только недостатокъ, и то только для волочащихся молодцовъ — недостатокъ тотъ самый, какой имѣютъ Русскіе глаголы, тотъ, что она не имѣетъ сослагательнаго наклоненія“.

Около того же времени Свѣтлана отзывалась о Языковѣ въ письмѣ къ Козлову, называя его „преинтереснымъ юношей“, который желаетъ познакомиться съ Козловымъ и „восторгается его посланіемъ къ Жуковскому“.

Позднѣе Языковъ характеризовалъ Свѣтлану такъ ³⁾:

„Прекрасная женщина, какъ образована, какъ умна, и какъ чисто очаровательна — даже для самага разборчиваго вкуса! Ты вѣрно знаешь, каковъ ея мужъ; подлецъ, сквернавецъ и гадкой; не смотря на это, никто отъ нея не слыхалъ ни слова о томъ, что она его не любитъ, что вышла за него поневолѣ: а между тѣмъ это всѣмъ извѣстно: не правда ли прекрасная, божественная женщина! Жаль только, что судьба съ нею такъ глупо распорядилась: какъ жить вмѣстѣ подлости и благородству, черту и Ангелу, красотѣ и безобразію!“

¹⁾ Язык. Арх. I, 174.

²⁾ Изд. 1914 г.

³⁾ Язык. Арх. I, 160.

Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ онъ сообщаетъ брату, что обѣдаетъ почти ежедневно у Воейковой и сидитъ у нея съ часу до четырехъ часовъ дня. При этомъ онъ старается разувѣрить брата въ его предположеніяхъ о влюбленности.

29 августа 1823 года онъ писалъ: „у меня съ В. теперь весьма сильная дружба... Я ей показываю и даже вписываю въ альбомъ мои стихи“.

Постепенно онъ уже откровенно сознается въ своей любви къ „божественной“ Воейковой, его „отвлекающей отърадѣ“¹⁾, вдохновляющей его поэтическое вдохновеніе.

По поводу ея просьбы объ окончаніи стихотворенія „Баянъ“, онъ писалъ брату: „Я увѣренъ, что употреблю все стараніе исполнить требованіе особы во всѣхъ смыслахъ прекрасной. Не знаю, успѣю ли въ этомъ, но ты самъ согласишься, что существуютъ такія уста и такой очаровательный взглядъ, которымъ ни въ чемъ настоящемъ и будущемъ отказать не возможно“.

Въ извѣстномъ стихотвореніи „Къ А. А. Воейковой“, написанномъ по поводу ея ожидаемаго пріѣзда въ Дерптъ (1825 г.), онъ говоритъ:

Клянусь моими божествами
Я непритворно васъ зову;
Ужъ долго грѣшными мечтами
Я занималъ свою молву!
Вы сильны дать огонь и живость
Пѣвцу, молящемуся вамъ

И благородство и стыдливость
Его уму, его мечтамъ.
Приму съ улыбкой ваши узы,
Не буду пѣть моихъ проказъ!
Я, видя васъ — любимецъ музы!
Я только трубадуръ безъ васъ.

А. Н. Вульфъ онъ писалъ:

Мы другъ другу объясняли
Сердца тайныя печали
И желанія свои.
Помнишь ли, какъ нѣжно-пылки

Въ честь Воейковой потомъ
Пили, били мы бутылки
У пруда передъ костромъ?..

А. Н. Вульфъ въ своихъ запискахъ²⁾ пишетъ: „бывало недѣли въ 2 разъ придетъ къ намъ дикарь Языковъ, заберется въ уголъ, промолчитъ весь вечеръ, полюбуется Воейковой, выпьетъ стаканъ чаю, а потомъ въ стихахъ и изливаетъ пламенную страсть свою къ красавицѣ, съ которой и слова-то было не промолвить“.

По его собственному признанію, онъ благоговѣлъ передъ Свѣтланой и въ присутствіи ея перерождался. Онъ ждалъ ея пріѣзда для „приободренія“ своей музы, въ отсутствіе ея терявшей

¹⁾ Яз. Арх. I., 121.

²⁾ Р. Арх. 1867. 5. 6. 720.

свое вдохновеніе. Въ альбомы Воейковой онъ писалъ множество стиховъ и строгая и требовательная къ поэту Свѣтлана сопро-
вождала ихъ иногда своими примѣчаніями ¹⁾).

Но легкомысленный и любившій легкія похождения поэтъ не удовлетворялся чистымъ поклоненіемъ предмету своей страсти. Строгость и недоступность Свѣтланы порой сердили самоувѣ-
реннаго юношу, какъ это можно было видѣть и изъ приведен-
наго выше его письма. Въ эти моменты его отзывы о ней полны
колкости и злобы, и выраженія порой достаточно вульгарны. То онъ осуждаетъ еѣ, что она при своемъ вліяніи на него еще
мало изъ него сдѣлала, то даже намекаетъ на вымогательство
у него стиховъ, для журнала мужа, издававшего тогда „Лите-
ратурныя Новости“, въ которыхъ А. А. дѣятельно сотрудничала
и, дѣйствительно, нерѣдко пересылала мужу стихи Языкова.

Вотъ что писалъ онъ въ минуту раздраженія (14 апрѣля
1824 г.): „Я не понимаю поступки В. со мною: въ обращеніи
она чрезвычайна холодна со мною, а непрестанно проситъ сти-
ховъ моихъ — можетъ быть послѣднее дѣлается въ пользу
мужа. 1 апрѣля именины Дириной ²⁾); на этотъ случай я написалъ
пространное поздравленіе именинницѣ, думая возбудить сорев-
нованіе въ ея побѣдительницѣ: на другой день получилъ аль-
бомъ В — ой и нашелъ въ немъ вышеупомянутые стихи, ея
переписанные и нѣкоторые изъ нихъ подчеркнутые — такіе,
притомъ, которые на ея счетъ были сказаны ³⁾. Я написалъ ей
довольно много разнаго рода стихотвореній — и хмѣльныхъ, и
любовныхъ и неучтивыхъ; первыя — она хвалила, вторыхъ —
будто не понимаетъ, ни слова о нихъ не говоритъ, какъ и о
послѣднихъ. Стихи о перчаткѣ ⁴⁾), написаны мною тоже въ ея
альбомѣ; она спросила меня, не переводъ ли это; я отвѣ-
чалъ, что удивляюсь, почему она не понимаетъ, что это под-
линникъ, и дѣло кончено ⁵⁾. Теперь я вижу, и очень ясно, что
вся ея благосклонность ко мнѣ имѣла цѣлю только выманить
у меня стиховъ: она успѣла, каналья! — впрочемъ, надѣюсь, въ
послѣдній разъ. Мнѣ жаль только времени, нѣсколькихъ вече-

¹⁾ См. ч. II. Бумаги А. А. Воейковой.

²⁾ Марія Николаевна Дирина, впоследствии въ замуж. ф. Рейцъ. За ней уха-
живалъ Языковъ. См. Язык. Арх. 174.

³⁾ Вотъ эти подчеркнутыя Свѣтланой слова:

Предъ нимъ, въ оберткѣ божества,
Однѣ бездушныя слова!
Одно холодное участіе!
Кого-жъ ему любить? мечты...

⁴⁾ См. ниже.

⁵⁾ Т. е., она сдѣлала видъ, что не понимаетъ, что это стихотвореніе написано
на нее.

ровъ, когда я противъ воли стихотворствовалъ; разъ семь она получала отъ меня альбомъ свой съ новыми стихами — и затѣмъ же снова его ко мнѣ присылала. Послѣднія пьесы могли бы, кажется, ясно показать, что я объ ней думаю — не тутъ-то было. Не помню всего, много вздора, это естественно. Вотъ примѣръ:

Не часто-ль тягостною мукой
За откровенныя слова,
Души простой и близорукой,
Платилъ мнѣ слѣпокъ божества?
Не часто-ль послѣ вдохновенья
Отрадъ возвышенныхъ я ждалъ,
Заранѣ чуждъ наслажденья,
Заранѣ сердцемъ ликовалъ —
И только знаки отверженья
Въ глазахъ красавицы читалъ?

Любовь, любовь! я помню живо
Щастливый день, какъ въ первый
разъ
Ты сильнымъ пламенемъ зажглась
Въ моей груди самолюбивой:
Тогда всѣ чувства бытія
Въ одно прекрасное сливались:
Онѣ свѣтлѣли, возвышались
И гордо радовался я.

Желчный тонъ этого письма, полного несправедливыхъ выходокъ къ предмету своей страсти, объясняется легко оскорбленнымъ самолюбіемъ влюбленного юноши, котораго строгая Свѣтлана третировала немного свысока, не позволяя ему „забываться“. Обѣщаніе больше не писать ей стиховъ въ альбомъ онъ, конечно, скоро забылъ и уже черезъ нѣсколько недѣль (25 мая) жалѣлъ объ отсутствіи „воспламенительницы“ своей музыки, „по заказу“ которой онъ бы хотѣлъ писать стихи. Не разъ еще онъ писалъ свои произведенія и на листочкахъ ея альбома.

Много страдалъ Языковъ и отъ ревности, совершенно безпричинной, при чемъ ея главнымъ объектомъ былъ товарищъ его, А. Н. Тютчевъ¹⁾, также бывавшій у Александры Андреевны и писавшій стихи въ ея альбомѣ. По этому случаю и написаны стихи „Перчатка“, о которыхъ онъ упоминаетъ въ приведенномъ письмѣ.

„Вотъ тебѣ анекдотъ поэтическій, писалъ онъ брату 1 апрѣля 1825 года. В—а, не знаю, какимъ изъ духовъ подземнаго царства возбужденная, подарила въ знакъ памяти Тютчеву, котораго ты знаешь заочно, перчатку; къ моему солюбовнику написалъ я слѣдующіе стихи:

Какимъ восторгомъ ты пылаешь,
Какъ сладостны твои мечты
Когда подарокъ красоты
Устами жадными лобзаешь.

Душа кипитъ, душа полна
Живой надеждой наслажденья,
И ей доступны вдохновенья
И возвышается она;

¹⁾ Александръ Николаевичъ, товарищъ Языкова по Дерптскому университету, малоизвѣстный поэтъ. (1805 — 1831). См. „Р. А.“ 1867, 731.

А я — напрасно я Киприду
Моей богиней называлъ
Одну печаль, одну обиду
Мнѣ подарилъ мой идеалъ.

Дай руку: съ гордостью спокойной
На побѣдителя смотрю
И, стиснувъ зубы, говорю
Обѣтъ, измѣнницы достойный ¹⁾.

Въ слѣдующемъ письмѣ (отъ 5 апрѣля) онъ выражается еще рѣзче:

„Ну, братъ, видно мнѣ не вкусить отъ В — ой плода за-
прещеннаго. Она на слѣдующей недѣлѣ отсюда уѣзжаетъ, а
до сихъ поръ я ничего рѣшительно не сдѣлалъ, даже не при-
творился влюбленнымъ и разсѣяннымъ“.

Затѣмъ идутъ слѣдующіе стихи:

Напрасно я любви Свѣтланы
Надежно, пламенно искалъ;
Напрасно пьяный и непьяный
Ее хвалилъ, ее пѣвалъ.
Я понялъ вѣтренность прекрасной,
Пустые взгляды и слова —

Во мнѣ утихнулъ жаръ опасный
И не кружится голова!
И сердце вольность сохранило,
За холодъ, холодомъ плачу;
Она res publica ²⁾ мой милой,
Я съ ней бороться не хочу.

Впрочемъ, не далѣе, какъ черезъ два дня, онъ уже сооб-
щаетъ, что писалъ ей въ альбомъ элегію ³⁾, совершенно раз-
личную отъ приведеннаго, довольно-таки рѣзкаго стихотворенія.

Она меня очаровала,
Я въ ней нашелъ всѣ красоты,
Всѣ совершенства идеала
Моей возвышенной мечты.
Напрасно я простую долю
У небожителей просилъ
И миръ души и сердца волю
Какъ драгоценности хранилъ.
Любови торжественная сила,
Какъ искра Зевсова огня

Всего меня воспламенила,
Всего проникнула меня.
Пускай не мнѣ ея награда,
Она — мой рай, моя звѣзда
Въ часы вакхической отрады,
Въ часы покоя и труда.
Я безкорыстно повинуюсь
Порывамъ страсти молодой,
И восхищаюсь и люблюсь
Непобѣдимой красотой.

Слова его, прибавленные при сообщеніи брату этихъ сти-
ховъ: „видишь, какъ я умѣю притворяться“, кажутся простой
рисовкой, передъ искреннимъ тономъ самого стиха.

Ближайшія страницы альбома также полны прекрасными
стихами поэта, уже забывшаго свои огорченія и желавшаго
принести Свѣтланѣ, передъ ея отъѣздомъ, новые „дары музы“.
На послѣдней страницѣ альбома Языковъ написалъ:

¹⁾ Въ альбомѣ Свѣтланы къ этимъ стихамъ написано ея примѣчаніе. „0 (нуль)
за то что переводъ“. Рукою Языкова приписано: „Ошибка переписчика, это подлин-
никъ“. Стихи помѣчены 2 апрѣля 1825 г.

²⁾ Этотъ каламбуръ онъ уже писалъ брату въ письмѣ отъ 11 марта. См. Язык.
Арх., стр. 161 и 167.

³⁾ Въ альбомѣ Свѣтланы это стихотвореніе записано 1-го апрѣля, и показан-
ная разрядкою слова подчеркнуты самимъ Языковымъ.

Эпиглогъ.

Когда-нибудь, порою скуки,
Бродя очами по листьямъ, —
Гдѣ сердца радости и муки
Я безкорыстно славилъ вамъ,
Гдѣ жаромъ страсти небывалой
Я пѣсни сонныя живилъ,
Когда мнѣ чувствъ не доставало
А умъ и въ умъ неприходилъ. —

* *
*

Надъ безобразными строками
Вы было вспомните о мнѣ,
Поэтѣ созданномъ — лишь
вами
Въ непоэтической странѣ —

Прошу стихи мои — улыбкой
Ихъ нечитая, — наградить:
Въ нихъ музы нѣтъ, не можетъ
быть;
Они написаны ошибкой.

* *
*

Теперь прошайте — богъ дороги
Пусть васъ поконитъ и хранитъ
И лошадей чухонскихъ ноги
Проворнымъ бѣгомъ одаритъ;
Не видя тучъ, не слыша грома,
Стрѣлой неситесь по полямъ
И будьте веселы, какъ дома —
А впрочемъ, какъ угодно вамъ ¹⁾.

Впрочемъ, въ день самый отъѣзда Воейковой изъ Дерпта, онъ просидѣлъ весь день дома, и не пошелъ ее провожать, находясь, вѣроятно, снова въ состояніи ревности, противъ провожавшихъ ее до первой станціи „многихъ кавалеровъ“ ²⁾. Отъѣздъ Воейковой изъ Дерпта, въ общемъ, не прекратилъ ея вліянія на поэзію Языкова, и онъ всегда съ нетерпѣніемъ ждалъ ея пріѣздовъ, для „подогрѣванія“ своей музыки, признавая, что она „можетъ располагать движеніями моихъ помысленій, какъ господинъ рабомъ, какъ магнитъ желѣзомъ“. Каждое ея появленіе повергало его въ прахъ, несмотря на все его стараніе насмѣшками маскировать свое истинное чувство. 21 апрѣля 1827 г. онъ писалъ: „В — а, какъ слышно, скоро будетъ здѣсь, этотъ случай, конечно, оживитъ мою жизнь, музыку и вообще все мое хорошее...“

Уѣзжая за границу, Свѣтлана оставила Языкову альбомъ, который онъ долженъ былъ заполнить стихами ³⁾, но увы, ей не суждено было ихъ прочитать.

Извѣстіе о ея смерти отмѣчено въ его письмѣ къ брату довольно сухо, но зато написанное вскорѣ стихотвореніе на ея смерть, приведенное нами выше ⁴⁾, является вполне достойнымъ вѣнкомъ на ея могилу.

Вліяніе Свѣтланы на поэзію Жуковского признавалось всегда имъ самимъ. Онъ называлъ ее своею музою, вдохно-

¹⁾ Написано по случаю отъѣзда Саши изъ Дерпта и не было издано.

²⁾ См. письмо отъ 10 мая. 183.

³⁾ Онъ писалъ брату, что нѣкоторые изъ этихъ альбомныхъ стихотвореній, онъ не предназначаетъ къ печати. (См. Яз. Арх. I).

⁴⁾ Стр. 14.

влявшею его на поэтическое настроеніе, въ то хорошее Муравьевское время, „золотой вѣкъ“, когда для него жизнь и поэзія была одно, и когда, по его собственнымъ словамъ, онъ былъ поэтомъ въ полномъ смыслѣ этого слова: „то была поэтическая жизнь, и только тогда я былъ поэтомъ“¹⁾. Въ ней видитъ онъ своего „самого сходнаго“ съ нимъ „товарища“, своей гармоническою душой отзывавшагося его поэтическому настроенію.

Въ стихахъ, написанныхъ по поводу Сашиной свадьбы²⁾, онъ говоритъ, что воспоминаніе о ней для него связано съ воспоминаніемъ о томъ, „что вдохновеніемъ всю душу зажигало“. О ней же, вѣроятно, говоритъ и стихотвореніе „Къ мимо пролетѣвшему генію“³⁾, который обладаетъ способностью призывать его вдохновеніе и вносить покой въ его волнуемую душу.

Въ „Письмѣ къ * * *“⁴⁾ онъ говоритъ:

Всегда, всегда разгорячаешь
Ты пламенной своей душой
И сердце и разсудокъ мой,
О, сколь ты даромъ обладаешь
Быть милой для твоихъ друзей...

Въ письмѣ къ Тургеневу онъ называлъ Сашу своимъ „геніемъ“, которому записалъ въ альбомъ слѣдующія строфы изъ Лалла Рукъ съ любопытной припиской:

Ахъ! не съ нами обитаетъ
Геній чистой красоты!
Лишь порой онъ навѣщаетъ
Насъ съ небесной высоты!
Чтобъ о небѣ сердце знало
Въ темной области земной
Лучшей жизни покрывало
Приподъемлетъ онъ порой.

И во всемъ, что здѣсь прекрасно,
Что нашъ миръ животворитъ,
Убѣдительно и ясно
Онъ съ душою говоритъ!
А когда-жъ насъ покидаетъ
Въ даръ любви, у насъ въ виду
Въ нашемъ небѣ зажигаетъ
Онъ прощальную звѣзду.

„Кто Васъ знаетъ, тому знакомъ и геній чистой красоты! Съ кѣмъ вы были, для того зажглась навсегда прекрасная, утѣшительная звѣзда, и эта звѣзда никогда не утратитъ своего милаго блеска“. 1821 (5?) декабря 29“⁵⁾.

¹⁾ См. Веселовскаго, „В. А. Жуковский“, стр. 382. Письмо къ г-жѣ Моро де Мельтьеръ 1826 г.

²⁾ „Ты свѣтъ увидѣла во дни моей весны“.

³⁾ См. Сочиненія, изд. 1894 г., т. II, стр. 74. 1819 г.

⁴⁾ Сочиненія, т. I, стр. 318.

⁵⁾ Какъ извѣстно, стихотвореніе „Лалла Рукъ“ посвящалось имп. Александрѣ Теодоровнѣ, и слова эти относились къ ней; здѣсь Жуковский примѣняетъ ихъ къ Сашѣ.

Грустно сложившіяся обстоятельства любви поэта къ Машѣ вносятъ элементъ меланхоліи въ стихотворенія, ей посвященные. Наоборотъ, вліяніе Свѣтланы выражается въ бодрыхъ, жизнерадостныхъ, веселыхъ по своей формѣ стихахъ („Свѣтлана“, предисловіе къ „Громобою“ и др.). Цѣлый рядъ шутивныхъ стиховъ Жуковскаго также связанъ съ веселой Свѣтланой, вдохновительницей его поэтической фантазіи на радостный и смѣхотворный ладъ.

Печально развивавшіяся обстоятельства замужней жизни Свѣтланы нашли откликъ въ стихотвореніи Жуковскаго „Жизнь“, написанномъ въ августѣ 1819 года, очевидно, по поводу особенно обострившихся отношеній съ Воейковымъ и рѣшенія его поселиться вмѣстѣ съ крестницей.

Поэтъ вспоминаетъ въ началѣ какъ:

Было время, былъ день ясный,	И за ней вились толпою
Были пышны берега,	Свѣтлокрылыя друзья:
Были роши сладкогласны	Юность легкая съ мечтою
Были зелены луга.	И живыхъ надеждъ семья.

Затѣмъ все пропало, наступила угрюмая, унылая жизнь. Друзья разлетѣлись, на небѣ мгла и туманъ, она одна въ ладѣ, среди безбрежной пучины, плыветъ, послушная велѣньямъ рока.

Но вотъ откуда-то повѣялъ вѣтерокъ, пролетѣло что-то свѣтлое, въ небѣ зажглись звѣзды:

И въ нее проникла радость
Прежней вѣры тишина,
И какъ будто снова младость
Съ упованьемъ отдана.

Послѣдняя строфа намекаетъ на новаго спутника, самого поэта, который готовъ сдѣлать жизнь друга счастливой.

Будь сіянье, будь ненастье,
Будь, что надобно судьбѣ;
Все для жизни будетъ счастье
Добрый спутникъ при тебѣ.

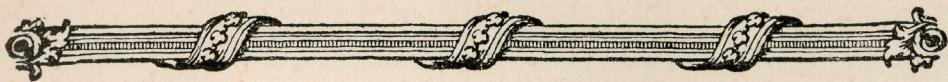
Лучшія воспоминанія молодости, зари поэтического вдохновенія, остались для Жуковскаго навсегда связанными съ мыслью о Свѣтланѣ, его „геніи“ и его „ясной надеждѣ“¹⁾.

¹⁾ См. письмо его къ А. И. Тургеневу, по случаю смерти Саши. Переписка съ Тургеневымъ, стр. 253.

Катя и Саша Воейковы, рисунки А. А. Воейковой. Собств. гр. Н. А. Бревернъ де ла Гарди.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

Глава VII.

Душевное состояніе Свѣтланы. — Увлеченіе мистицизмомъ. — Выписки изъ ея альбомовъ. — Отношенія къ Жуковскому и Перовскому. — Разрывъ съ Тургеневымъ. — Его письма.

Литературныя занятія и новые интересы къ искусству и поэзіи наполнили собою душу Свѣтланы, придали новую цѣль и смыслъ ея жизни, а искренняя привязанность и трогательная заботливость друзей привлекли ея нѣжное сердце и создали ей если не счастливое, то, по крайней мѣрѣ, относительно спокойное существованіе.

Душевное состояніе Саши въ это время выясняется намъ изъ ея записей въ альбомы, чрезвычайно важныхъ для ея характеристики, раскрывающихъ передъ нами всѣ интимныя стороны ея души. Вотъ что писалъ Перовскій Жуковскому по поводу альбомовъ Саши, уже послѣ ея смерти, посылая ему сдѣланныя имъ изъ нихъ выписки. „Товарищъ! взгляни сколько въ этихъ выпискахъ такого, что теперь къ намъ можно приноровить! сколько такого, чему подражать должно! Чувствую, дай Богъ исполнить. До сихъ поръ *je me sens encore trop indigne d'elle...*“ ¹⁾.

Прежде всего, мы знакомимся по этимъ альбوماмъ съ тѣмъ кругомъ чтенія, который составила себѣ Свѣтлана, кругомъ весьма обширнымъ и разнообразнымъ, включавшимъ въ себя такихъ авторовъ, какъ Руссо, Жанлисъ, Сталь, Эджвортъ, Паскаль, Шиллеръ, Шекспиръ, Байронъ, Кантъ, Шопенгауеръ, Сисмонди и многіе другіе.

Одинъ перечень этихъ именъ указываетъ, что уму Свѣтланы, основательно подготовленному Жуковскимъ, были доступны серьезныя сочиненія философскаго характера, которыя интересовали ее наравнѣ съ произведеніями всемірной литературы и модными романами сентиментальнаго характера.

Большое мѣсто удѣляетъ она въ альбомахъ разсужденіямъ о Богѣ, религіи и молитвѣ, которая являлась всегда утѣшительницей въ ея печальной жизни. „Молитва небомъ намъ дана, замѣна счастію она“, перефразируетъ Саша извѣстный

¹⁾ „Я чувствую себя слишкомъ недостойнымъ ея“. Почти всѣ эти выписки сдѣланы на французскомъ языкѣ и приводятся въ переводахъ. Онѣ записаны Перовскимъ въ особую тетрадку, которая находится въ нашемъ распоряженіи.

стихъ Пушкина. „Душа женщины, говоритъ она также, сдѣлалась бы льдомъ, или сгорѣла бы отъ страсти, безъ помощи молитвы. Она одна вноситъ нѣкоторое успокоеніе, нѣкоторое равновѣсіе между жизнью, какъ она есть, и мечтою о возможномъ, или вѣрнѣе о невозможномъ, такъ какъ счастье болѣе невозможно, чѣмъ мы воображаемъ“... „Нѣжная душа имѣетъ потребность въ молитвѣ, также какъ и въ любви“.

Глубокая религіозность Свѣтланы, ея искренняя вѣра, съ годами приняли нѣсколько мистическій характеръ, который мы уже отмѣтили когда-то у ея сестры. Извѣстную роль въ этомъ, кромѣ общаго вліянія эпохи, должно было сыграть и знакомство Саши со знаменитой Ю. Криденеръ, находившейся въ 1821 году въ Петербургѣ и имѣвшей большое вліяніе при дворѣ императора Александра, увлекавшагося ея ученіемъ и проповѣдями. Близкая ко двору, Свѣтлана, вѣроятно, въ Царскомъ Селѣ познакомилась съ нею и мистическое ученіе новой пророчицы не могло не оставить слѣда въ душѣ Саши, столь подготовленной обстоятельствами жизни и воспитаніемъ для его воспріятія.

О близости Саши къ Криденеръ свидѣтельствуетъ записка къ Козлову, въ которой Саша отъ имени ея даетъ поэту позволеніе посѣтить одно изъ собраній, происходившихъ у проповѣдницы.

Въ альбомѣ Саши сохранился засохшій цвѣтокъ, подаренный ей Юліею Криденеръ, равно какъ и литографированный портретъ послѣдней, данный ею Свѣтланѣ. Тамъ же записано владѣлицею альбома разсужденіе о Христѣ, съ заголовкомъ „Société biblique“, можетъ быть навѣянное проповѣдями Криденеръ.

Неудачно сложившаяся семейная жизнь заставила жизнерадостную Свѣтлану постепенно придти къ убѣжденію въ невозможности для нея счастья на этомъ свѣтѣ. Другъ и учитель ея Жуковскій давно уже указывалъ ей на другой, невѣдомый міръ, куда и она устремляла теперь все больше и больше свои духовныя очи. Жалобы на судьбу мы отъ нея не услышимъ, она слишкомъ покорна во всемъ Провидѣнію, но тѣ чувства, что переживала она, порою выливались на страницахъ ея альбома горькими и безотрадными строками.

„Страдать и умереть — вотъ все, что мнѣ осталось, по волѣ судьбы; теперь, когда смерть стала ближе, я смотрю на нее безъ ужаса, я никому не сдѣлала зла“.

„Бываютъ въ жизни моменты, когда испытываемая радость похожа на солнце, среди покрытаго облаками неба. Оно не такъ тепло, чтобы согрѣть и не такъ свѣтло, чтобы освѣтить, но это

все таки солнце и тучи все таки пронизываются его лучемъ. Мое солнце не освѣтитъ меня никогда“.

Сколько здѣсь горькаго разочарованія, сколько безнадежной увѣренности въ невозможности измѣненія къ лучшему ея судьбы! Не даромъ Свѣтлана когда то писала въ альбомѣ, что въ 25 лѣтъ для женщины уже нѣтъ будущаго, что все что совершилось съ нею — совершилось безповоротно.

Земная жизнь вся для нея была въ прошломъ, настоящаго у ней не существовало, будущее принадлежало небу, и свѣтлая надежда на это будущее поддерживала все ея существованіе и сохраняла ее отъ отчаянья.

„Жуковскій сдѣлалъ сегодня, писала она 19 мая 1825 г., восхитительное сравненіе между слѣдомъ, который лебедь оставляетъ на водѣ и жизнью человѣка, которая должна всегда протекать безшумно, оставляя за собою свѣтлый и сіяющій слѣдъ, взирая на который отдыхаетъ душа. Я хочу записать также прекрасное сравненіе, сдѣланное Жуковскимъ, жизни съ натянутымъ на рамѣ полотномъ, на которомъ искусный живописецъ готовъ начертать хорошую картину — существующую только въ будущемъ и съ помощью этого будущаго. Освѣщенная точка, придающая жизнь всей картинѣ, это несчастье. Жизнь — рядъ нулей, несчастье ставитъ имъ цифру, иногда сзади, иногда спереди“.

И все-таки, несмотря на все разочарованіе въ своей жизни, Свѣтлана, всегда болѣвшая душою за другихъ больше, чѣмъ за себя, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ находитъ, что ея судьба еще можетъ считаться завидной, въ сравненіи съ положеніемъ другихъ, приводя при этомъ въ примѣръ сестру Машу, которая не смѣетъ даже вспомнить о своей любви къ Жуковскому, будучи связана навсегда бракомъ съ Мойеромъ.

Безкорыстная и незлобивая Свѣтлана считаетъ свою судьбу лучшей уже потому, что ей ни вспоминать, ни мечтать не о комъ¹⁾.

Смиреніе Саши такъ велико, что она иногда благодаритъ судьбу за пріятно проведенный день, спрашивая себя, какой не-пріятностью она за него заплатитъ.

Иной разъ она не въ силахъ справиться съ собою, очевидно въ дни особо бурныхъ сценъ, устраиваемыхъ мужемъ, и хочетъ найти забытье хотя бы во снѣ. „Вечеръ, единственное ожиданіе за весь день. Пробужденіе, снова тяжелый ударъ, напоминающій каждое утро вамъ ваше горе.“

¹⁾ См. ея записи 1822 г., № 2, стр. 50.

Бѣдная женщина, „воспитанная въ несчастіи“ ¹⁾, даже не знаетъ, въ чемъ можетъ состоять ея счастье: „И что такое счастье? Даже когда счастье стоитъ олицетворенное передъ вами, то душа чего-то еще хочетъ. Кажется, душа легче умѣетъ сносить несчастіе, чѣмъ счастье. Созданные страдать мы дѣлаемъ себѣ *un point d'honneur* переносить съ постоянствомъ и въ самихъ себѣ горести, которыя намъ посылаетъ судьба, и не придаваясь отчаянію, между тѣмъ какъ мы создаемъ себѣ родъ удовольствія тѣмъ, что омрачаемъ наше счастье сомнѣніями, подозрѣніями и другими грустными мыслями, которыя нерѣдко примѣшиваемъ къ своему счастью. Пушкинъ сказалъ:

Привычка небомъ намъ дана,
Замѣна счастію она.

а я бы хотѣла измѣнить:

Молитва небомъ намъ дана,
Замѣна счастію она.

Гораздо позднѣе она сознавалась матери съ горечью (1826): „Я на свѣтѣ не для радости и счастья“ ²⁾.

Воспоминанія счастливой юности не могли не усугублять горя бѣдной женщины, которая въ дѣтствѣ своемъ могла ждать такъ много радостей, отъ измѣнившаго ей послѣ рока. Въ приведенныхъ выше словахъ о поѣздкѣ Маши въ Муратово мы видѣли эти грустно-свѣтлыя воспоминанія ³⁾. Въ другомъ мѣстѣ она писала: „Я не знаю ничего равнаго той полнотѣ жизни, тому покою и удовлетворенію, которую я испытывала въ эпоху 15 лѣтъ, эпоху невинности и ученья“. „Съ тѣхъ поръ счастье кончилось“, говорила она.

„Когда въ теченіе нашей жизни явятся обстоятельства, предоставляющія намъ выборъ двухъ путей и мы предпочитаемъ изъ нихъ тотъ, который сулитъ намъ наибольше лишеній, возможно, что это наша заслуга. Но этой заслуги у меня нѣтъ — я не имѣла выбора моего жизненнаго пути“.

Мысли о смерти въ головѣ Саши нераздѣльны съ размышленіями о своей судьбѣ. Только въ будущемъ мірѣ она мнитъ найти себѣ забвенія и награду за то, что переноситъ здѣсь.

¹⁾ Elevée dans le malheur, какъ писалъ Тургеневъ Бонштетену про нее. См. ниже.

²⁾ См. ч. II, переписка съ матерью.

³⁾ № 2, стр. 50.

Туда душа перенесетъ
 Любовь и образъ милой.
 О други, смерть не все возьметъ
 Есть жизнь и за могилой.

Французскія стихотворенія о смерти наполняютъ альбомъ вмѣстѣ съ выписками прозой и собственными изреченіями.

„Какъ непонятна идея смерти; человѣкъ приходитъ въ міръ страдаетъ и радуется, немного пробѣгаетъ по свѣту, и конечно — онъ умираетъ, его забываютъ даже тѣ люди, которые ему дѣлали наибольшее зло, или наибольшее добро. Самая любящая душа, та которая имѣла наиболѣе силы, исчезаетъ безъ всякаго слѣда — не возвращаясь никогда къ человѣку, котораго она любила больше всѣхъ! Забывается ли тамъ все, что было здѣсь, или тамъ существуетъ новое дѣтство для души, послѣ смерти? И можетъ быть могила служить ей новой колыбелью?“

Смерть Маши еще болѣе настроила Свѣтлану на печальный ладъ. Теперь, кромѣ счастья она надѣется найти на небѣ и свою любимую сестру, своего нѣжнаго и преданнаго друга. Она съ какою то радостью стремится умереть. „Какъ смерть моего ангела-сестры меня примирила со смертью вообще, говоритъ она, она стала для меня менѣе таинственна и гораздо менѣе чуждой чѣмъ жизнь“.

„Я только что сдѣлала прелестную прогулку въ 5 часовъ утра, совершенно одна, пишетъ она въ началѣ іюня 1823 г. въ Camby ¹⁾, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти сестры. Мнѣ казалось, что гуляя, я могу зайти невѣдомо куда, гдѣ мнѣ будетъ хорошо, Въ настоящее время нѣтъ мѣста, гдѣ бы я чувствовала себя хорошо, кромѣ могилы моей сестры! Тамъ мое будущее, котораго я не боюсь! будущее, которое неотвратимо и которое я буду чувствовать все время, пока я существую!

Каково будетъ будущее дѣтей? Я имѣю основаніе опасаться за него, спокойствіе въ этомъ отношеніи для меня невыносимо!

Небо стало теперь для меня какъ бы домомъ, обитаемымъ любимыми существами, но въ который я не знаю, когда я войду. Тамъ я найду тогда мою сестру“.

Свѣтлана не проситъ себѣ у Бога долгой жизни, и какъ бы предугадывая свою раннюю кончину, подчеркиваетъ послѣднія строки французскаго стихотворенія:

¹⁾ Имѣніе бар. Кнорринга, гдѣ лѣтомъ жила Воейкова.

Ma vie est un orage affreux,
Qui ne peut être un longue orage! ¹⁾

Словами другого французскаго писателя она говорить далѣе:

„Въ самомъ дѣлѣ, для чего желать долгой жизни? Что можно получить отъ нея, развѣ только исчерпать до конца удары существованія и испытать въ полномъ объемѣ всѣ горести, которыя составляютъ удѣлъ человѣчества“ ²⁾.

Въ чемъ же находила себѣ утѣшеніе бѣдная Свѣтлана, что скрашивало хотя немного ея тяжелую и безпросвѣтную жизнь, кромѣ религіи и молитвы, которыми она хотѣла замѣнить себѣ счастье?

Съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, она заинтересовалась вопросами литературы, поэзіи и искусства, много читала и любила разсуждать на тему прочитаннаго со своими друзьями, съ другой стороны ея радостью въ жизни были дѣти, заботы о ихъ воспитаніи и здоровьѣ.

„Занятія съ моими дѣтьми, моя единственная, реальная радость“, сознавалась Саша и, молила Бога позаботиться о судьбѣ ея дѣтей, быть ихъ Отцомъ и поддержать ихъ физическое и моральное существованіе.

Она хочетъ постараться сдѣлать юность своихъ дочерей счастливой, хотя сама носитъ „въ душѣ страхъ за ихъ будущее“.

Но истиннымъ утѣшеніемъ для души Свѣтланы была та свѣтлая дружба, которую она нашла среди окружавшихъ ее лицъ.

Дружбу цѣнила Свѣтлана съ дѣтства выше всего на свѣтѣ и ставила ее всегда неизмѣримо выше любви.

Альбомы ея полны выписокъ въ прозѣ и стихахъ о цѣнности дружбы, о ея значеніи и утѣшеніи въ жизни. И съ этой стороны она могла быть вполнѣ удовлетворена, имѣя такихъ друзей, какъ Жуковскій, Перовскій и Тургеневъ.

¹⁾ Моя жизнь — ужасная буря, которая не можетъ быть продолжительна.

²⁾ Здѣсь интересно привести слѣдующія замѣтки отъ начала августа 1824 года. 1824, 1 аout.

Ma bonne Catiche a pleuré hier dans son lit à l'idée de ce qu'elle deviendrait apres ma mort! (Моя добрая Катя плакала вчера вечеромъ въ своей постелѣ при мысли, что съ нею будетъ послѣ моей смерти).

Le 5.

Sachka s'est mise à pleurer de l'idée de Catiche de ce qu'elles deviendroient à ma mort; Catiche lui a dit: полно Саша вить помни что Богъ не умираетъ! (Сашка начала плакать отъ мысли Кати, что съ ними будетъ послѣ моей смерти. Катя ей сказала).

„Ничто такъ не тяжело, писала она, какъ чувствовать себя бесполезной людямъ, которыхъ любишь больше всего! Сознавать что не можешь ничего сдѣлать для ихъ радости, не говоря уже о счастья! Это всегда было наиболѣе тягостной стороною моею судьбы! Я не могу сказать себѣ: въ жизни много прекраснаго и безъ счастья—но отъ друзей, ни кому столько прекраснаго не бываетъ, какъ мнѣ; и это прекрасное еще лучше собственнаго — милѣе“.

„Человѣкъ безъ друзей, записываетъ она изреченіе нѣмецкаго писателя, все равно что лѣвая рука безъ правой“.

„Дружба!—все есть средство, она одна только цѣль!“

На первомъ планѣ въ этомъ отношеніи стоитъ, конечно, Жуковскій, къ которому такъ нѣжно и трогательно относилась Свѣтлана, какъ къ поэту, крестному и другу. Мы видѣли ея радость по поводу пріѣзда его изъ-за границы ¹⁾, о немъ же она писала въ альбомѣ: „сколькихъ горестей мнѣ бы не пришлось избѣгнуть, если бы Жуковскій не былъ подлѣ меня. Его добродѣтель — лучшая религія въ мірѣ“!

„Я провела утро въ разговорѣ съ Жуковскимъ, читаемъ мы въ другомъ мѣстѣ, — часъ бесѣды съ нимъ возвышаетъ душу, почти до его высоты!“

„Я не могу припомнить ни одного сколько-нибудь возвышеннаго ощущенія, ни одного добродѣтельнаго дѣйствія или мысли, безъ того, чтобы къ нимъ не примѣшивалась идея о Жуковскомъ. Всѣ событія моею жизни, всѣ движенія моего сердца соединяются съ памятью о немъ. Съ тѣхъ поръ какъ я размышляю — это мой идеаль добродѣтели и я вознаграждена его дружбою“.

Смерть ихъ общаго друга и сестры — Маши Мойеръ, какъ мы увидимъ, еще болѣе сблизить и сдружить поэта и его Свѣтлану...

Дружбою къ Перовскому Свѣтлана замѣнила свою дружбу съ Тургеневымъ, отъ котораго она, по разнымъ причинамъ, постепенно стала отдаляться. Самый характеръ отношеній перваго, чисто братскій и идеальный, привлекалъ ее болѣе, чѣмъ реальная и бурная страсть Тургенева.

1 ноября 1823 года она писала Перовскому: „Права, которыя св. крещеніе дало вамъ надъ моимъ сыномъ ²⁾, до такой степени

¹⁾ См. письмо къ Козлову, № 2, стр. 48.

²⁾ П. былъ крестнымъ отцомъ Андрея Воейкова.

успокаиваютъ меня на его счетъ, что я не могу вамъ описать. Я увѣрена, что умирая я не оставлю его одного, предоставленнаго самому себѣ. Другъ мой! приказываю его вамъ! Какъ весело думать о счастливыхъ предзнаменованіяхъ при которыхъ онъ родился, быть такъ любимымъ и такими превосходными существами!“

„Мнѣ кажется, писала она въ другой разъ, что я люблю Андрея еще больше потому, что онъ вашъ крестникъ, потому что онъ привязанъ къ вамъ и потому, что существуютъ между нами родственныя связи. Если Господь дастъ мнѣ счастье прежде покинуть эту обитель страданья, надо чтобы вы ему замѣнили мать! Какъ бы я хотѣла умереть съ этой идеей!“

„Спасибо мой братъ, писала она ему въ томъ же 1823 году, за эти слова, разувѣряющія меня въ непостоянствѣ друзей, я увѣрена въ моемъ добромъ братѣ — и я не могу себѣ вообразить, что бы могло перемѣнить васъ по отношеніи ко мнѣ! Тѣмъ не менѣе я была ими (словами) очень тронута и повторяю ихъ съ удовольствіемъ! Горе тому, кто вѣритъ въ непостоянство дружбы, которая исчезнетъ только вмѣстѣ съ нравственнымъ чувствомъ человѣчества. Вы мои друзья, моя ходячая добродѣтель. — Вѣрю вамъ покуда себѣ буду вѣрить. Я сознаю, что я не заслуживаю всей дружбы моихъ друзей, но я чувствую также, что я ее не недостойна! И вы мой горячо любимый братъ! Я буду достойна всегда, чтобы вы желали быть моимъ братомъ! Ничто насъ не раздружитъ! Я увѣрена въ васъ, какъ и въ моемъ Жуковскомъ и общаю вамъ жизнью своей стоить этой милой увѣренности, существующей въ васъ обоихъ. — Заслужу ее!“¹⁾

Это письмо, этотъ настоящій дифирамбъ дружбѣ, характеризуетъ то дѣйствительное утѣшеніе, которое имѣла Саша въ общеніи съ друзьями, умѣвшими утѣшать ее въ ея горестяхъ и предотвращать многія изъ нихъ, своимъ вліяніемъ на ея мужа. Мы видимъ, что въ этомъ гимнѣ Свѣтлана не удѣлила мѣста своему недавнему вѣрному другу, Тургеневу, котораго она когда то ставила рядомъ съ Жуковскимъ²⁾; теперь его замѣнилъ всецѣло Перовскій. „Ты знаешь, писала она Жуковскому, что послѣ тебя всѣхъ больше ему (П—му) рада?“ О своей привязанности къ Перовскому писала она и матери³⁾: „Это милое твореніе ужасно дорого душѣ“, „Другъ мой, что они оба для

¹⁾ Оба письма находятся въ выпискахъ, сдѣланныхъ Перовскимъ. Они написаны частью по французски, частью по русски.

²⁾ См. № 2, стр. 32.

³⁾ См. ч. II, письма къ Жуковскому и матери.

Саша и Катя Воейковы. Рисунки А. А. Воейковой.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

меня дѣлають (Жуковскій и Перовскій) это право люди не могутъ дѣлать, а только два ангела“.

Въ отношеніяхъ къ себѣ Перовскаго Свѣтлана не обманулась. Онъ дѣйствительно остался ей вѣренъ и за могилой, принимая участіе въ устройствѣ судьбы ея дѣтей, которая всегда такъ беспокоила Сашу въ связи съ предчувствіемъ своей ранней кончины, и боязнью оставить ихъ на рукахъ порочнаго и жестокаго отца.

На отношеніяхъ Саши къ Тургеневу приходится остановиться нѣсколько дольше.

Приведенныя выше обстоятельства перваго знакомства ихъ, а также письма Тургенева и Саши къ Жуковскому, давали полную возможность предположить существованіе въ нихъ обоихъ чувства взаимнаго влеченія. Отношеніе къ этому вопросу Жуковскаго, не сразу подмѣтившаго родъ чувства Тургенева, намъ уже извѣстно. Онъ мечталъ соединить ихъ узами идеальной дружбы и не могъ допустить мысли объ иномъ характерѣ ихъ отношеній; 31 января 1825 года онъ писалъ Тургеневу ¹⁾: „пора бы твоему чувству дать иное направленіе, пора бы изъ этого омута по крайней мѣрѣ вытащить нашу дружбу“. Онъ желалъ бы вернуть „старое время со всею его простотою, какъ мы втроемъ, ты, я и Саша еще могли быть спокойно счастливы другъ другомъ. Но то что у тебя въ сердцѣ, несбыточное невозможное (т. е. любовь къ Сашѣ) все будетъ портить и мы, достойные другъ друга, будемъ только рознить сами себя съ собою“.

Жуковскій всѣми силами старался не допустить сближенія Тургенева съ Сашей, видя въ этомъ опасность для нея. О его поступкахъ въ этомъ направленіи не разъ упоминаетъ Тургеневъ въ приводимыхъ ниже письмахъ и глубоко терзается отношеніемъ къ нему своего лучшаго друга. Конечно, Жуковскій не опускалъ случая вліять въ этомъ смыслѣ и на Сашу, стараясь отдалить ее отъ Тургенева и покровительствуя идеальной дружбѣ съ Перовскимъ.

Глубокое сознаніе чувства долга передъ семьею, религіозность и нравственная чистота Саши помогли ей скоро справиться съ возникшимъ въ ней, было, чувствомъ. Привыкшая жертвовать собою для счастья другихъ, она и въ этомъ случаѣ сумѣла совладать съ собою быстро и безповоротно.

Она сохранила къ Тургеневу хорошія, благодарныя чувства, приписывая ему всегда долю своего умственнаго развитія,

¹⁾ См. Веселовскій, 241.

понимая вмѣстѣ съ тѣмъ и свое значеніе для него. Еще въ 1823 году она записала: „Въ продолженіи долгаго времени онъ считалъ что моя дружба была для него его жизнью; онъ наслаждался ею не замѣчая; онъ не спрашивалъ у меня ни интереса къ себѣ, ни вниманія, онъ зналъ хорошо, что говоря мнѣ о себѣ онъ говорилъ обо мнѣ: прелесть такого довѣрія можетъ вамъ все замѣнить, даже само счастье!“

А между тѣмъ серьезное чувство Тургенева къ Свѣтланѣ прогрессивно росло. Пріѣздъ Жуковскаго, котораго онъ увѣрялъ въ письмахъ въ чистотѣ чувствъ своихъ, имѣлъ слѣдствіемъ устройство совмѣстнаго житія поэта со Свѣтланой и начало ея литературныхъ и художественныхъ связей. Открытая жизнь, которую вели теперь Воейковы, дала возможность Тургеневу видать свою Свѣтлану очень часто. Въ первое время онъ занималъ въ ея гостиной положеніе друга, равное положенію Жуковскаго и Перовскаго. Однако, уже съ начала 1823 года начинаютъ возникать какія-то недоразумѣнія, въ которыхъ мы склонны видѣть указанное выше вліяніе Жуковскаго. Къ этому времени, очевидно, и относится слѣдующее, не совсѣмъ для насъ ясное письмо къ поэту:

„Ты меня опять не понялъ, чего я требую. — Не любви, которой она имѣть не можетъ, а требую спокойствія души, для ея же успокоенія, ибо она рано или поздно ужаснется моимъ положеніемъ и слѣдствіемъ его. — Меня оскорбила ея записка, по тому что она написала, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ показалось, изъ милости ко мнѣ. Что же развѣ я до (Михѣева) (?) былъ злодѣемъ и награды ея требовалъ и теперь заслужилъ. — Дѣла мои — дѣлаются для того, чтобы что нибудь дѣлать, въ ужасной пустынѣ, въ которой я живу, и чтобы не рѣзать себя и васъ двоихъ и братьевъ, коихъ все люблю, т. е. и васъ двоихъ также, какъ и ихъ. Для тебя искалъ случая сдѣлать, чтобы успокоить волненіе души моей при твоёмъ взглядѣ на тебя и отмстить тебѣ. Это черное чувство, но натуральное въ моемъ положеніи. Я не могъ еще съ нимъ разстаться, не въ силахъ былъ, ибо я не вынесъ своего нещастія, а она не помогла мнѣ вытти изъ него, ибо и она не понимала меня. Говоря ей у Карам(зина) развѣ я такъ говорилъ, что изъ словъ моихъ можно было заключить хвастовство. — Тогда бы это было преступленіе: а иначе нещастіе, болѣзнь, которую все увеличивало. — Я вамъ говорю: простите, спасите, а вы меня лѣчите прежнимъ лѣкарствомъ которое было для меня ядомъ.“

Мнѣ мѣшаютъ писать, а душа изныла твоей запискою“.

Изъ дальнѣйшихъ писемъ Тургенева къ Жуковскому въ Дерптъ видны намеки на какія то „исторіи“, на столкновенія съ Воейковымъ, которыя приводили бѣднаго Александра Ивановича положительно въ отчаяніе.

Вотъ какъ рассказываетъ Гречъ объ отношеніяхъ А. Ф. къ этому вопросу:

„Воейковъ торговалъ и промышлялъ не прелестями, а кротостью своей жены. Напримѣръ, пріѣдетъ Александръ Тургеневъ и идетъ по обычаю въ ея кабинетъ. Двери заперты.

— Что это? спрашиваетъ онъ у Воейкова.

— Она заперлась, отвѣчаетъ Воейковъ: — плачетъ.

— Плачетъ? О чемъ?

— Какъ о чемъ? Въ домѣ ни копейки нѣтъ, не на что обѣдать завтра. Заплачешь съ горя.

— Пусти меня къ ней.

— Не пушу, дай мнѣ 500 рублей.

— Возьми!

Отпираютъ дверь кабинета. Тургеневъ находитъ Александру Андреевну дѣйствительно въ слезахъ, но вслѣдствіе огорченій, претерпѣнныхъ ею отъ мужа“.

Пріятель Воейкова, писавшій о немъ воспоминанія въ Русской Старинѣ ¹⁾ рассказываетъ, какъ однажды Тургеневъ поправилъ локонъ у Свѣтланы и какъ взбѣшенный Воейковъ хотѣлъ вызвать Тургенева на дуэль. Уладилъ дѣло, какъ всегда, Жуковскій.

О спорѣ Воейкова съ Тургеневымъ и примиреніи ихъ снова съ помощью Жуковского рассказываетъ и Колбасинъ въ своихъ „Литературныхъ Характеристикахъ“. Очевидно, несмотря на приведенный анекдотъ Греча, Воейковъ сильно ревновалъ жену и мучалъ ее своими сценами.

Тургеневъ же намекалъ и на сплетни, которыми „святыня наша довольно уже осквернена“ и которыя, дѣйствительно, довольно упорно ходили по городу, по свидѣтельству Греча, по поводу ухаживаній Тургенева за Александрой Андреевной. „Бѣдствія ея чрезвычайны“, говоритъ Тургеневъ подразумѣвая, очевидно, сцены ревности и столкновенія съ мужемъ, которыя дошли до такихъ предѣловъ, что заставили Сашу рѣшиться на отъѣздъ въ Дерптъ къ матери и сестрѣ, чтобы немного хотя поправить свое разстроенное здоровье и отдохнуть отъ мужа. Туда она предполагала выписать и дѣтей. Въ обществѣ отъѣздъ этотъ

¹⁾ Томъ XII.

былъ понять, какъ окончательный разѣздъ супруговъ, о чемъ писалъ въ своихъ запискахъ тотъ же пріятель Воейкова.

Очевидно, въ связи со всѣми этими „исторіями“ и сплетнями и началось охлажденіе Саши къ Тургеневу, то равнодушіе, на которое такъ жалуется онъ въ письмахъ, упрекая ее въ томъ, что она сама раньше увѣряла его въ своей дружбѣ.

„Скажи А. А., писалъ онъ Жуковскому, чтобы она перестала на меня жаловаться кому-то ни было ни въ письмахъ ни на словахъ. Ежеминутно ей доказываю, что никто въ этомъ мірѣ болѣе ее не любитъ; а она все слѣдуетъ разсчетамъ эгоизма, потому только для меня и убійственного, что это эгоизмъ и въ ея сердцѣ, въ которомъ я прежде другое видѣлъ. Я прошу ее не для себя же и давно не для себя; ибо любви моей у меня никто не отниметъ; но къ этому несчастію не надобно и безчеловѣчно приказывать другое, всю душу мою безпрестанно развращающее. Но моя честь мнѣ дорога. Я это ей доказалъ и буду доказывать, пока жизни станетъ; но для этого нужны ея подкрѣпленія; а не безпрестанныя оскорбленія. Пусть она мнѣ самому — на меня жалуется; лучшаго и понятнѣйшаго судьи не найдетъ для себя, какъ въ моемъ сердцѣ; другіе не въ правѣ и не могутъ судить насъ. Не бѣшенство, а любовь въ моемъ сердцѣ; слѣд. опасаться ей нечево и охранять себя пріятельскимъ конвоемъ не нужно; а спасать себя въ ихъ мнѣніи — на шетъ мой — и еще менѣе ея достойно. Опять говорю: я не за себя стою; и ничего не вижу кромѣ ее и ея души. И для себя только бы душу ея спасти желалъ; но чистую и на мой шетъ, и опять не для себя, а для нее-же!

Ты знаешь, что переписка всякая съ ея стороны — подвержена опасности; даже и ея пріятельницъ. Право не за честь свою, а за душу вступаюсь. — Она измучена и душевно болѣе упадаетъ“.

Всѣ уговоры Жуковского, приводившаго въ примѣръ свою собственную судьбу, заставившую его отказаться отъ женитьбы на любимой женщинѣ, для Тургенева были неубѣдительны. Онъ принуждалъ себя не думать о Сашѣ, не перечитывать ея писемъ, но, видимо ему это было не подъ силу, и онъ забылъ все, и службу и литературу, и всѣ свои дѣла, предаваясь только одному своему горю.

Его оскорбляло каждое холодное слово Свѣтланы, каждый взглядъ ея, дышавшій равнодушіемъ къ нему. Даже въ обращеніи съ нимъ дѣтей ея, къ которымъ онъ былъ такъ искренно и нѣжно привязанъ, онъ чувствовалъ умышленную холодность и

невнимательность. Временами онъ въ письмахъ озлобляется на свою Сашу, и грозитъ ей Божиимъ наказаніемъ въ лицѣ ея дѣтей, но сейчасъ-же съ ужасомъ раскаивается въ своихъ словахъ и молить ее заочно о прощеніи. Не только Жуковскій старался исцѣлить его отъ его страсти, о томъ же хлопотали и его братья, понимавшіе, что дальше продолжать эти отношенія было нѣльзя.

Въ одной Маріи Андреевнѣ, съ которой онъ былъ знакомъ только по перепискѣ, Тургеневъ думалъ найти себѣ поддержку, и поэтому смерть ея поразила его не меньше, чѣмъ Сашу и Жуковского.

Съ чувствомъ глубокой благодарности принялъ онъ ея загробный привѣтъ, листокъ съ изреченіемъ изъ Евангелія, который она завѣщала передать ему передъ смертью, вмѣстѣ съ теплыми, дружескими словами.

Письма Тургенева къ Жуковскому, находившемуся въ это время вмѣстѣ съ Сашей въ Дерптѣ, для похоронъ Маши, рисуютъ намъ прекрасно трагедію души его, переживаемую въ это время.

18 марта. [1823].

Я собирался все утро писать къ тебѣ, мой милый другъ, въ этотъ святой день для меня, но твой подарокъ и ея утѣшеніе, которыя ты ошибкою ли или и нарочно приложилъ къ нему, предупредили меня. Я хотѣлъ весь этотъ день посвятить воспоминанію о ней ¹⁾, но она неразлучна съ мыслию и съ чувствомъ къ А. А. которое душитъ меня по сіе время и часто сильнѣе прежняго, ибо не вижу утѣшенія и надежды, а самъ безъ вѣры. Есть ли бы ты могъ видѣть сердце мое, очищенное, освященное страданіями и за нее и за себя, то ты бы пересталъ полагаться во всемъ на одно дѣйствіе времени и не имъ, а довѣренностью лѣчилъ меня; всякая нѣжность или доказательство дружбы съ твоей стороны меня трогаетъ неизъяснимо, но я не могу согласить моего къ тебѣ стариннаго чувства ни съ недавнопрошедшимъ, ни съ нашимъ положеніемъ, которое какъ будто безпрестанно обновляющееся, безпрестанно мѣшаетъ мнѣ думать о тебѣ и о ней. Я не могу вздумать безъ содраганія, о ея возвращеніи ²⁾. Что опять съ нами будетъ. Я ничѣмъ

¹⁾ Рѣчь идетъ о передачѣ Жуковскимъ Тургеневу листочка, который ему, умирая, оставила Маша, съ записаннымъ ею изреченіемъ изъ Св. Писанія.

²⁾ Изъ Дерпта, послѣ похоронъ Маши. Мы знаемъ, что А. А. переѣхала на лѣто въ Самбу, около Дерпта.

не могу насладиться. Чувствую ничтожность всѣхъ непріятностей по службѣ и даже неудачъ въ добрыхъ замыслахъ, но не могу возвыситься надъ бѣдствіемъ души моей, надъ сиротствомъ, въ которомъ она меня оставила. Вчера увидѣвъ дѣтей ея, я точно не зналъ, что съ собою дѣлать. — Это отчужденіе и отъ нихъ, которое вы съ такой преступною жестокою легкостью мнѣ опредѣлили, питаетъ къ вамъ чувство¹⁾, котораго твоимъ сердцемъ постигнуть нельзя. — Если она во всемъ меня обманывала, естли она могла зарѣзать меня, и забыть, что зарѣзала друга, самаго вѣрнаго, единственнаго друга своего, этимъ словомъ, и ты не долженъ оскорбляться, то она и съ дѣтьми можетъ поступить какъ съ нею и съ М. А. поступила Кат. Аѳан.²⁾ Слова, сказанныя ею о дѣтяхъ глупой А. (?) гремятъ въ душѣ моей. Это меня, конечно, не менѣе всего другого огорчаетъ. По несчастію я все помню, обо всемъ думаю непрерывно, всякою минутою въ жизни вѣренъ ей душою, люблю дѣтей ея, какъ любилъ ихъ въ минуты вѣры и шастія, которыми въ присутствіи ея и ихъ наслаждался.

Случайно встрѣтилъ я глазами примѣчанія твои о батюшкѣ и о братѣ. Это меня растрогало и я всю ночь послѣ Карам. провелъ съ мыслию о тебѣ и о нихъ, но я и о нихъ съ нею думалъ и чувствовалъ и чувствуя такъ сладко съ такою благодарностью за все любилъ ее. Она не оставила ни одного помышленія, ни одного движенія сердца, котораго бы настоящія отношенія не отравляли. Она и ты можетъ быть, не знаете, что я вѣчно живу, болѣе другихъ, душою и сердцемъ, а вы такъ безчеловѣчно со мною поступили. Судили меня какъ другія, по милой вѣтренности и легкости, и такъ легко успокоили себя на шетъ мой.

Жаловаться на нее не могу, ибо никого не люблю болѣе ея, а носить въ себѣ то чувство и встрѣчать ее безмолвное равнодушіе не въ натурѣ моей. Ты все примѣняешь меня къ себѣ и требуешь отъ меня невозможнаго³⁾. — Не убьешь того, что такъ живо въ душѣ моей, а убьешь другое, чего убивать не должно, что мы должны всѣ трое хранить другъ для друга, а не осквернять легкомысліемъ и недовѣрчивостію. Святыня

¹⁾ Очевидно, А. А. кому то выразила нежеланіе, чтобы Т. посѣщалъ въ ея отсутствіе ея дѣтей и это крайне обидѣло его.

²⁾ Намекъ на запрещеніе Жуковскому жениться на Машѣ, и на бракъ Саши съ Воейковымъ.

³⁾ Т. е. чтобы А. И., также, какъ въ свое время Жуковскій, добровольно отказался отъ своей страсти.

наша довольно уже осквернена чужими руками¹⁾. И ее, т. е. А. А. хранить и любить намъ должно. Не истощима нѣжность и попечительность моя о ней, но я боюсь, чтобы натура сердца моего не перемѣнилась, въ немъ и прежде гнѣздилося часто презрѣніе къ человѣчеству, но все чистое и святое слагалось моимъ чувствомъ къ ней, такъ какъ нѣкогда моею дружбою къ тебѣ и къ братьямъ, и право не знаю къ кому еще болѣе, по крайней мѣрѣ не такъ какъ къ вамъ. Она все въ себѣ вмѣстила, все себѣ взяла — и теперь я нищій, и нищій, ограбленный другомъ, нѣжнѣйшимъ другомъ моимъ, т. е. ею. Покрайней мѣрѣ такъ думалъ я, такъ увѣряла меня она сама. Что и съ нею будетъ, когда она увидитъ дѣла свои на мнѣ. Легкомысленность не всегда насъ спасаетъ. — Часто въ иступленіи своемъ говаривалъ я самъ себѣ: накажетъ ее Богъ въ дѣтяхъ. Теперь содрагаюсь самъ при этой мысли и отъ того самаго люблю ихъ еще болѣе, винюсь передъ ними, желалъ бы цѣлою жизнію, имъ посвященною загладить безумныя слова мои. Съ такою нѣжностію смотрю на нихъ, невниманіе и холодность ихъ ко мнѣ, оскорбляетъ меня, какъ будто она не дѣтская. Я и забылъ благодарить тебя за книги. — Не знаю какъ смотрѣть на нихъ. Они вышли въ свѣтъ, безъ моего участія, все было чуждо мнѣ: И изданіе и ты въ это время. Что-то такое постылое въ душѣ. Одинъ листокъ съ Евангельскими словами, влечетъ меня къ себѣ болѣе. Но и этого друга²⁾ воспоминаніе — для меня отравлено послѣднимъ годомъ. И ей она нажаловалась на меня, и принудила унести въ гробъ уже не то чувство, которое она имѣла прежде и къ моей любви, и къ моему безумію, въ то время, когда была издалека моимъ Ангеломъ-утѣшителемъ. — Я не выдумываю для себя горестей, но питаю ими воображеніе и сердце, но все отравлено, все въ желчь и въ страданіе души обращается, а между тѣмъ любовь, нѣжность моя къ ней все та же, только святѣе, очищеннѣе невыразимыми и часто самыми гнусными для души страданіями. — Я увѣренъ, что тамъ, она снова возвратила мнѣ свою жалость и свою дружбу — и что она скорѣе проститъ мнѣ, нежели вамъ за меня.

Еще разъ благодарю за листокъ, который на вѣки сохранию. Онъ для меня тѣмъ дороже теперь, что до всего прежняго, даже и до ея писемъ я не смѣю дотрагиваться. Я берегу себя, сколько могу, но сердца и памяти не вырвешь.

¹⁾ Очевидно, намекъ на сплетни, ходившія въ обществѣ на счетъ его отношеній къ А. А.

²⁾ Т. е. Маріи Андреевны.

28 Апрель. [1823] Въ (Дерптѣ).

Я получилъ въ среду письмо твое по отправленіи уже своего.

Благодарю за рисунокъ, но увѣдомъ меня пожалуста которая могила ея: тамъ ли гдѣ крестъ или тамъ гдѣ памятникъ. И что значить строеніе, въ видѣ часовни, съ крестомъ наверху. Ты не означилъ мѣста, гдѣ положена она ¹⁾).

Теперь желалъ бы приступить къ дѣлу, но мнѣ что сказать тебѣ? Я почти все помню, что писалъ къ тебѣ въ послѣдній разъ и во всемъ почти раскаиваюсь, но къ несчастію помню и все что ты отвѣчалъ мнѣ, хоть одинъ разъ прочелъ письмо твое, но оно врѣзалось въ сердце, стараюсь забыть — не могу ²⁾). Много несправедливаго, ужаснаго, много такого, что изъясняетъ прежнее поведеніе твое со мною иначе, нежели я понималъ его тогда. Ты мнѣ не такъ говорилъ о В. какъ написалъ ко мнѣ. Я бы не допустилъ униженія. Теперь все прошло. Оскорбленіе твое ужасное. Надобно всю дружбу мою, чтобы перенести его. Ты отнял у меня единственное сердце, которое ты не отдавалъ мнѣ. Сестра ея — другъ мой: умеръ и она слѣдуетъ приличію. Лучше не трогать прошедшаго, вся моя вѣра въ гробу. Положеніе души моей ужасное. На сумашедшаго ты жаловался Блудову — и говорилъ ему о томъ, что бы и намъ забыть должно было. Ты истощилъ въ отношеніе ко мнѣ всѣ роды сердечнаго оскорбленія. Она также. Нѣтъ злобы въ моемъ сердцѣ. У васъ прошу о всемъ прошенія. Не могъ встрѣтить праздника, безъ тоски дѣшевной, все снилось чтобы отравить самое святое воспоминаніе. Я о тебѣ всегда думалъ какъ о какомъ-то утѣшеніи на всю жизнь. Теперь люблю тебя по прежнему, ибо я и тогда любилъ, когда видѣлъ и чувствовалъ твою холодность ко мнѣ, прежде всѣхъ исторій, какое то охлажденіе съ твоей стороны но ей-ей не съ моей: доказательство тому есть то, что всегда сердечно огорчался, когда видѣлъ тебя съ другими, а не съ собою, но я все вознагражденіе и за все находилъ въ ней. Она была мнѣ всѣмъ въ мірѣ. Ее любилъ и люблю выше всего — и ужасаюсь своею противъ нее виною. Она передъ нами невинна. Бѣдствія ея чрезвычайны ³⁾). Есть ли бы тѣнь вины лежала на ней — она ими очищена. Намъ должно хранить ее, и не перемѣнять еже-

¹⁾ Т. е. М. А.

²⁾ См. предыдущее письмо; отвѣтъ на него Жуковского неизвѣстенъ.

³⁾ Очевидно, намекъ на ея семейную жизнь и огорченія, связанныя съ ревностію мужа къ нему.

· Андрюша Воейковъ, акварель работы А. А. Воейковой.
Собств. гр. Н. А. Бревернъ де ла Гарди.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

минутно системы охраненія. Съ нею неразлучны и дѣти. Я люблю ихъ нѣжнѣйшею любовью, вижу одну ее въ нихъ. Ко всему, что было со мною присоединяется смерть нашего друга. Она переродила меня, но и съ нею ты невольнымъ образомъ и въ послѣднія минуты разлучилъ меня, хотя послѣднія слова ея ко мнѣ были исполнены дружбы неперемѣнлившейся. Я нашелъ было въ ней прибѣжище съ уязвленнымъ сердцемъ моимъ, съ обманутымъ сердцемъ, и послѣднее отнято, а тебѣ жаловаться не могу, — во всѣхъ другихъ обстоятельствахъ жизни, самыхъ деликатныхъ, къ тебѣ еще прибѣгну какъ другу, самому вѣрному, но въ этомъ твое сердце на мое не отзывается, а что мнѣ все другое въ сравненіи съ этимъ. —

Не знаю хорошо ли сдѣлалъ, что въ хлопотахъ и съ безпрерывною помѣхою отъ приходящихъ написалъ къ тебѣ это письмо. Нужно бы иначе расположить его и яснѣе все говорить, но хочется отвѣчать и на твое сегодня, — прочиталъ еще твои строки: „хочу чтобы ты пересталъ быть въ заблужденіи — тогда все кончено — и сердце по старому,“ — въ какомъ, мой другъ заблужденіи? — Чему кончиться должно. — Я никого не заблуждалъ, никого не обманывалъ, ни себя, ни другихъ, а ее всего меньше. Я все тотъ же, но только съ могилою Маши въ придачу.

Она примирила меня съ вами, но не съ собою, т. е. не со мною. Я люблю и тебя, и А. А. по старому. — И теперь образъ ея, слова ея живы въ душѣ моей.

[Строчка зачеркнута].

Не могу оторвать души своей отъ нея и отъ гроба Маши. Еще разъ простите и любите меня, хоть не для меня теперешняго“.

На поляхъ приписка:

„За городомъ ли могила или въ городѣ. Увѣдомъ и какъ называютъ мѣсто: т. е. кладбище, — есть ли тутъ церковь и какая“.

Возвращеніе Саши изъ Дерпта въ Петербургъ въ концѣ 1824 года, ясно показало Тургеневу, что всякая связь съ нимъ у нея была порвана.

„Увидала снова Тургенева, записала она въ альбомѣ около этого времени. Онъ сдѣлалъ со мною то, что судьба сдѣлала съ Максомъ Пикколомини¹⁾. Это чувство, такое прекрасное въ

¹⁾ Изъ Шиллеровской трагедіи „Валленштейнъ“.

душѣ моей. Онъ пробудилъ въ ней глубокое чувство. Я ему простила, это не было мое лучшее чувство“¹⁾).

Съ Тургеневымъ она видалась теперь рѣдко, и одна изъ случайныхъ встрѣчъ въ домѣ Карамзиныхъ привела къ давно назрѣвавшей катастрофѣ и заставила кроткую Сашу рѣшиться на не свойственный ей рѣзкій поступокъ — отказъ Тургеневу отъ дома. Очевидно, при этой встрѣчѣ съ нею онъ сталъ обвинять ее въ холодности и равнодушіи къ нему, на что получилъ взаимные упреки въ эгоизмѣ, и въ томъ, что по его винѣ ея положеніе „дома ужасно“ (намекъ на новыя сцены ревности мужа). Это сознаніе, что онъ является главною причиною ея несчастій, доводило Тургенева до крайняго предѣла отчаянія и онъ умолялъ Жуковского увѣрить Сашу въ томъ, что онъ въ полной мѣрѣ понимаетъ ея горе и не хочетъ быть причиною его. Въ свою очередь онъ упрекалъ ее за то, что она: „ищетъ спокойствія цѣною его жизни“ и „думаетъ разсчитываться съ нимъ своими несчастіями“. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ соглашался избѣгать ее теперь, чтобы она даже случая не имѣла встрѣтить его и просилъ, „чтобы ея Ангелъ Хранитель спасалъ ее вездѣ отъ него“.

Полное безнадежнаго отчаянія, безсвязное письмо его къ Жуковскому рисуетъ намъ ярко его душевное состояніе.

(Безъ года и числа).

„Я читалъ письмо ея и теперь мучусь раскаяніемъ, не смѣю даже роптать на Провидѣніе. Я всего лишился, не только любви ея, но и уваженія. Сдѣлалъ нещастіе всѣхъ, кого люблю больше всего на свѣтѣ: ея, братьевъ, можетъ быть и твое. Сережа²⁾, вчера ночью, по возвращеніи отъ Кар.³⁾ укорилъ меня за нее, я начиналъ и въ немъ видѣть, какъ въ тебѣ, палача для себя, а не друга, и съ симъ чувствомъ провелъ ночь и проснулся. Теперь читалъ письмо ея. Я бросаюсь къ тебѣ, какъ къ другу, говорю, изливаю передъ тобою всѣ чувства мои, прошу, заклинаю тебя передать ей тоже все вѣрно, ты кажется слушаешь, но она видитъ во мнѣ совершенно противное тому, что въ моемъ сердцѣ, видитъ во мнѣ упреки ей за мое нещастіе, а я то ли тебѣ говорилъ вчера, что ты сдѣлалъ съ моимъ чувствомъ, съ моею довѣренностью, съ моими кровавыми прось-

¹⁾ „Revu Tourgueneff“ записала она въ альбомѣ около этого времени. Il a fait avec moi ce que le sort a fait avec Max Piccolomini. Ce sentiment qui était si beau dans mon âme — Er warf meine Seele das innigste Gefühl vor Augen. — Ich habe ihm vergeben, es war nicht mein liebstes Gefühl“.

²⁾ С. И. Тургеневъ.

³⁾ Очевидно — Карамзиныхъ.

бами заступиться за меня, умолить ее о прощеніи, представить не упреки мои, не несчастіе мое, не безчестіе, а мою любовь, все побѣждающую. Есть ли я вчера въ разговорѣ съ нею упомянулъ о безчестіи моемъ, то это отъ замѣшательства въ мысляхъ и отъ принужденной разсѣянности, въ которой обыкновенно говорю съ нею, когда мы не наединѣ. Гдѣ мнѣ взять силы, взять хладнокровіе, виноватъ ли я такъ много, что встрѣтивъ ее, не могу сладить съ собою [неразобрано] и исторгнуть изъ меня слова, которыхъ (сдержатъ) силы нѣтъ въ сердцѣ моемъ (?) Ее положеніе дома ужасное говоритъ она. А я изгнанъ, я не долженъ быть съ нею, я виновникъ увеличившагося несчастія: гдѣ же взять силы перенести это. На что думаетъ она, что я не знаю этого? Что я не знаю, что она меня несчастнѣе? Неужели эгоизмъ мною управляетъ? Гдѣ я, когда она страдаетъ? Знаю ли, что она страдаетъ? Могу ли облегчить муку ея?—Нуженъ ли ужъ я ей, [неразобрано]? Вотъ тайна моего бѣшенства, моего страданія неизъяснимаго. Я тебѣ давно ввѣрилъ ее... Развѣ не это и вчера я говорилъ тебѣ, развѣ не рассказывалъ тебѣ, что безчестіе мое для меня было и есть ничто, это ея несчастіе, мною нераздѣленное, отъ меня отторженное, есть верхъ муки моей, что я не въ силахъ переносить одинъ, ни себя, ни ея ожесточеніе противъ меня. Ты долженъ былъ передать ей всего меня, главное мое чувство, а ты передаешь свое обо мнѣ мнѣніе, ложное, убійственное; всякій разъ, думая найти облегченіе, отраду въ душевныхъ страданіяхъ, изліяніями передъ тобою всего сердца моего, думаю что ты изобразишь меня такъ, какъ я въ лучшія, а не въ раздраженные минуты съ тобою; и всякій разъ послѣ твоего съ нею объясненія обо мнѣ—я долженъ видѣть увеличивающееся ожесточеніе ея ко мнѣ. Когда хотя разъ подаль ты мнѣ помощь при ней? Гдѣ успокоеніе отъ дружбы твоей? Думалъ ли быть отверженъ безпрестанно повторяемыми тобою словами: что же мнѣ дѣлать. Спасти меня, а спасти меня иначе нельзя, какъ въ ея сердцѣ, въ которомъ ты погубилъ меня, вмѣстѣ съ другими, и не желая, или не избрѣтая средствъ къ моему спасенію въ ея сердцѣ. Зачѣмъ она думаетъ разсчитываться со мною своими несчастіями! Когда я ихъ сравнивалъ? Когда несчастія ея были не моими? Была ли минута съ тѣхъ поръ, какъ знаю ее, въ которую бы ея бѣдствіе не было вдвое, вполне моимъ? Чувствовалъ ли за себя, за брата Сергѣя, во время его опасности, болѣе нежели за нее? И теперь не убиваетъ ли меня одна мысль, что она несчастнѣе, а я этому виною, а не раздѣляю, не плачу съ

нею и ей всякой милѣе моего присутствія; я ей въ тягость. Думаетъ ли она, что перенесу, что въ силахъ перенести это нещастіе, это чувство, съ которымъ встаю и ложусь, и весь день провожу, съ которымъ, не облегченный тобой, и вчера увидѣлъ ее. Вотъ и причина и обязанность ея — простить мнѣ, плакать обо мнѣ, а не называть меня неблагороднымъ и низкимъ эгоистомъ. — Пусть свободно и спокойно ищетъ всегда и вездѣ разсѣянія и даже спокойствія, шастіе нигдѣ не встрѣтитъ меня, [неразбрано]; виноватъ ли я такъ много передъ судомъ ея сердца — которое, я надѣялся, будетъ должно судить иначе, что терзаюсь, думая о своемъ положеніи. Изъ ежеминутной, болѣе года, продолжающейся муки — сколько (разъ) въ присутствіи ея вырывались у меня упреки, прозбы; — убитый душевно, разслабленный въ головѣ и во всемъ, что давало силы стремиться къ высокому; въ минуты страшнаго одиночества — видѣла ли она меня, могла ли осудить меня за порывы, которыхъ удержать не могъ. — Эгоизмъ ли это — я не только желалъ и желаю шадить ее, — я братьевъ убѣгаю. И прошу васъ пощадить Сережу. И онъ начнетъ презирать меня, какъ она презираетъ. И онъ уже страдалецъ за меня, онъ убитъ во мнѣ и мною. — Еще разъ: прошенія прошу — изъясни ей меня, а не свое мнѣніе обо мнѣ передай ей. Будь хоть разъ, хоть въ послѣдній другомъ, а не палачемъ, а не холоднымъ истолкователемъ и обвинителемъ въ томъ, что было — и чего бы не было, естли бы въ тебѣ была вѣра ко мнѣ, а не къ негодяямъ, которые радовались моимъ униженіямъ. — Не изливай гнѣва моего на меня. Я все еще люблю тебя, ибо прошу быть тебя моимъ заступникомъ. Не сердись и за то, что не отдѣляю тебя въ этомъ дѣлѣ отъ нее. Ближе къ сердцу братьевъ и тебя не было. Ожесточеніе къ судьбѣ удаляетъ васъ всѣхъ. [Неразбрано]. Я это тебѣ всегда толковалъ. У меня нѣтъ нещастія, кромѣ ея, а мое нещастіе, мой развратъ и ея. Она ищетъ спокойствія на шетъ мой, на шетъ моей жизни. Это отсутствіе участія, сожалѣнія, — это обвиненіе ея въ моемъ эгоизмѣ, когда такъ страдаетъ душа, а не оскорбленное самолюбіе, какъ ей втолковали и она сама, не зная о моихъ страданіяхъ, могла думать — вотъ мое бѣдствіе; вы знали, она знала, что я боленъ душою, что я безъ помощи валяюсь и мучаюсь въ своей комнатѣ, въ ужасъ меня приводящей, вмѣсто помощи, что вы мнѣ дали. Письма ея убійственныя, ожесточенныя, и твои разсужденія, результатъ ихъ въ двухъ словахъ твоихъ: „что же мнѣ дѣлать“? Прежде спасти меня, а потомъ доказывать мнѣ, что

я виноватъ. — Я самъ ежеминутно это чувствую. Самъ рву себя за свое бывшее поведеніе, но я не въ силахъ одинъ возвыситься духомъ. Я упалъ самъ въ себя отъ ея ко мнѣ равнодушія, отъ ея презрѣнія къ моимъ страданіямъ, отъ ея мнѣнія обо мнѣ — отъ всего что слышалъ, читалъ и въ безуміи своемъ придумалъ къ своей гибели. Любовь моя возрастала вмѣстѣ съ моимъ несчастіемъ. Пусть она будетъ спокойнѣе. Пусть Ангелъ Хранитель спасаетъ вездѣ ее отъ меня. Я его же, и тебя, и всѣхъ прошу о томъ же, и всегда просилъ васъ спасти меня отъ нее же. Вы не понимали меня, а только презрѣніе оказывали къ моему бѣшенству, къ моему безумію, заглушивъ жалость къ одинокому, нераздѣленному несчастію. Согласіе въ мѣрахъ къ общему спасенію было нужно, а вы думали спасти ее, отдѣливъ отъ меня. За то, что объ ней ты думалъ, прощаю тебѣ, люблю тебя и теперь позволяю тебѣ сими словами и прошу не шадить меня. Но не развращай и ея сердца безжалостнымъ эгоизмомъ на шетъ мой. Ты проси и Бога за нее, если можешь. Я не могу, у меня все убито. Дышу къ ней любовью вѣчною, но уже для меня не живительною, а съ муками сердца неразлучною. Естли подавлено все доброе, естли для того хватаюсь за благія дѣла, чтобы не убивать ни себя, ни ее, то въ этомъ нѣтъ вины моей, а вина моей слабости душевной, не могущей возвыситься, сохраниться безъ ея помощи. Поцѣлуй священную ея руку за меня, и еще разъ простите моему несчастію. Я долго не могъ рѣшиться (тебя) поздравить сегодня, опасаясь напомнить о себѣ, но жестокое чувство, съ которымъ встрѣтилъ этотъ день, заставило меня опять къ тебѣ прибѣгнуть. Пусть она подумаетъ, чего она меня лишила на всю жизнь и что со мною дѣлаетъ ежеминутно и тогда, изъяснивъ вину непрерывнымъ страданіемъ простить ее. Утѣшилъ бы ее своимъ равнодушіемъ къ ея обращенію со мной, но это не въ силахъ моихъ, — и я не обманывалъ ее никогда и умру съ тѣмъ же чувствомъ, но съ большимъ несчастіемъ. Она требовала отъ меня чего не въ силахъ былъ выполнить, это она знала, въ этомъ и должна найти силу къ прошенію, если въ сердцѣ ея ничто не говоритъ моему спасенію“.

Но нѣжныя заботы убитаго горемъ Тургенева о своемъ „Ангелѣ“ не прекратились и послѣ этого разрыва. Привязанность его къ Свѣтланѣ еще долго сохраняла свою силу, и заботы его объ ея слабомъ здоровьѣ не прекращались и заочно. Узнавъ о новой предполагаемой беременности Саши, Тургеневъ встревожился чрезвычайно, хорошо зная слабость ея силъ

и понимая, какія послѣдствія можетъ имѣть для нея это положеніе. И онъ не ошибся, послѣдніе роды Александры Андреевны оказались для нея роковыми и приблизили и такъ неизбѣжную чахотку ¹⁾).

Еще трогательнѣе были два письма Александра Ивановича къ Жуковскому, написанныя имъ передъ отъѣздомъ за границу (8 іюня 1825 г.), явившимся, повидимому, отчасти слѣдствіемъ именно того невыносимаго положенія, которое содѣлалось для него послѣ ссоры съ Воейковыми и перенесенныхъ имъ душевныхъ страданій. Письма эти показываютъ намъ всю прекрасную душу А. И., умѣвшаго искренно и преданно любить, всецѣло отдаваясь тому человѣку, который былъ ему дорогъ. Необычайно трогательна его заботливость объ Александрѣ Андреевнѣ, объ ея матеріальномъ положеніи, за которое онъ, зная расточительность Воейкова, имѣлъ полное основаніе беспокоиться, объ ея дѣтяхъ, даже о такихъ мелочахъ, какъ составленіе ея бібліотеки, въ которомъ онъ, хотя заочно, хотѣлъ принять участіе какъ выборомъ книгъ, такъ и ихъ покупкой. Конечно, все свое добро онъ хотѣлъ дѣлать въ тайнѣ и просилъ объ этомъ же и Жуковскаго. Портретъ Свѣтланы и ея послѣднія строки, очевидно, строки прощенья, онъ носилъ всегда на груди, и умолялъ ее и Жуковскаго забыть тяжелые для нихъ всѣхъ послѣдніе два года, и помнить только первые два, время ихъ безмятежной тройственной дружбы.

8 іюня 1825 г.

„Еще хочется поблагодарить тебя и прижать тебя къ сердцу васъ любящему. Прости мнѣ послѣдніе два года моей жизни и люби такъ, какъ бы ихъ не было. Я отравилъ навсегда жизнь мою, оскорбивъ тебя. Скажи тоже и Сашѣ. Сердце мое чисто, но страданія мои были сильнѣе меня. Пусть помнитъ она два первые года и въ нихъ одно лучшее. Скажи, чтобы

¹⁾ Вотъ письмо его къ Жуковскому по этому поводу:

Письмо Алекс. Иван. Тург.

Tibi et igni. (Тебѣ и потомъ сжечь).

Изъ нѣкоторыхъ словъ В-а заключаютъ, что А. А. будто бы снова беременна. Я не вѣрю этому. Сердце мое возмущается при одной мысли о семъ, но оно имѣетъ [неразобрано] въ совершенномъ успокоеніи. Не скрывай отъ меня ничего. Узнай отъ нея всю правду и скажи ей что болѣзнь Саши и В-а должны устроить ее совѣсть, что она приготовитъ гибель, своею слабостію, не только дѣтямъ, но ему самому. Сдѣлай милость дай знать скорѣе о томъ, что узнаешь. До тѣхъ поръ не будетъ для меня ни одного мгновенья, которое не отравлено бы было ужаснымъ сомнѣніемъ. Что я теперь люблю въ ней? Одно ея благо, одно будущее благо дѣтей ея, одну чистоту ея совѣсти передъ ними. — Неужель любовь наша не заслуживаетъ отъ нея сей жертвы. Неужели. — Но хоть бы остановилась она при мысли, что онъ первый погибнетъ отъ ея слабости.

она совсѣмъ простила и берегла себя для дѣтей. Обними ихъ. Говорите имъ иногда обо мнѣ. Буду думать объ васъ на гробѣ въ Дерптѣ ¹⁾).

Прости, мой милый братъ. Еще разъ прижимаю васъ къ любящему сердцу, которое никогда не участвовало въ винѣ моей, а только страдало и вѣчно страдать и любить васъ будетъ.

Простите. Не забывайте вашего друга.

Будь ея хранителемъ. Другъ мой, не забывай меня.

За нѣсколько минутъ передъ отъѣздомъ“.

29 Іюня 1825 г.

„Второе завѣщаніе Жуковскому, которое, вѣроятно, онъ также будетъ беречь, какъ и первое.

Естьли А. А. (Воейкова) останется въ томъ же положеніи относительно финансовъ ея какъ теперь, то она можетъ обойтись безъ новыхъ расходовъ, по крайней мѣрѣ пока дѣти не подрастутъ. Естьли же обстоятельства ея переменятся, или деревенскіе доходы приходить не будутъ, или для воспитанія дѣтей потребуется сумма, превышающая доходы А. А., то прошу Жуковского меня о семъ увѣдомить, дабы я могъ немедленно назначить откуда и сколько онъ можетъ получить на расходы для А. А.: это останется вѣчною тайною между нами. Никто о семъ знать не долженъ, по многимъ причинамъ, но главная та, чтобы сохранить неприкосновенною прелесть и сладость исключительной дружбы между нами тремя, которая для меня была и будетъ какимъ то священнымъ и горькимъ утѣшеніемъ, естьли уже и не можетъ быть, какъ бы желало сердце, цѣлю жизни, для васъ давно уже бесплодной, слѣдовательно и для меня почти несносной. Жуковскій долженъ думать о составленіи для А. А. библіотеки, не большой, но избранной и необходимой какъ для собственнаго ея употребленія, такъ и для дѣтей ея. Онъ долженъ увѣдомить меня о выборѣ книгъ, который онъ для сего сдѣлаетъ. Я бы постарался сперва самыя нужныя, а потомъ мало по малу — и всѣ другія имъ назначенныя доставить ему. Сіи книги будутъ собственностію А. А. и дѣтей ея, но я бы желалъ нѣкоторое время сохранить право собственности, только для того, чтобы она могла имѣть справедливую причину отказывать другимъ въ раздачѣ книгъ и сохранить ихъ отъ растраты, ибо скорѣе скупца Мольерова можно сдѣ-

¹⁾ Т. е. на могилѣ М. А. Мойеръ, умершей въ 1823 г.

латъ щедрымъ, чѣмъ удержать А. А. отъ раздачи ей принадлежащаго.

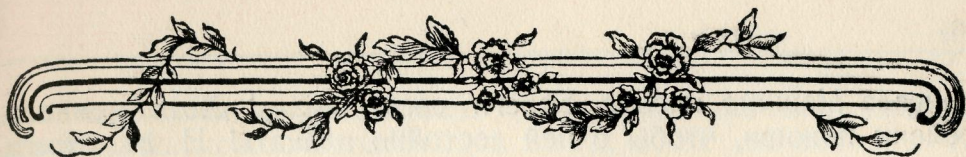
Я не пишу ни слова о томъ, чего я и выговорить ни въ силахъ, но ты долженъ понимать меня и безъ словъ моихъ, иначе истинная разлука наша начнется съ того времени, когда узнаю о твоёмъ равнодушіи къ жизни и къ дружбѣ моей — время ничего не перемѣнило, и не перемѣнитъ“.

„6-го Іюля. Теперь прибавлю только, что послѣднія строки А. А. вѣчно останутся на груди моей, вмѣстѣ съ ея изображеніемъ, впрочемъ ея недостойнымъ. Если со временемъ обстоятельства опять сблизятъ меня съ нею, жизнь наша можетъ еще продлиться и бытіе мое не будетъ для нея бесполезнымъ, то я, воспользовавшись бѣдственнымъ опытомъ, сохраню только то чувство, которое переживаетъ меня. — До конца жизни буду любить васъ и дѣтей ея. — Не забудьте и вы меня въ вашемъ братскомъ кругу. Не помню что говорю, но вы меня поймете. Исполните мою просьбу. Никто васъ болѣе меня не любитъ“.

Впрочемъ, путешествіе за границу, съ его новыми впечатлѣніями и переживаніями, которыя такъ подробно описалъ намъ Александръ Ивановичъ въ своемъ дневникѣ, повидимому, довольно быстро исцѣлило его отъ его страсти.

Упоминаній о Сашѣ въ этомъ интимномъ дневникѣ довольно мало, и всѣ они крайне отрывочны и кратки, при чемъ называетъ онъ ее вездѣ холодно по фамилии, забывая свои прежнія ласковыя названія, которыми онъ осыпалъ своего „ангела“. Переписка, однако, между ними существовала, и о безпокойствѣ по этому поводу Жуковского, снова испугавшагося за чувство Тургенева, намъ придется еще говорить ниже.

Глава VIII.

Смерть Маши. — Впечатлѣніе Свѣтланы. — Жизнь въ Самбу. — Снова Петербургъ. — Встрѣчи съ императоромъ. — Снова семейныя сцены. — Отъѣздъ Жуковского и письма къ нему. — Матеріальные недостатки. — Рожденіе дочери. — Болѣзнь — Отъѣздъ въ Берлинъ.

Спокойствіе, возникшее въ семьѣ Воейковыхъ съ переселеніемъ въ Петербургъ, какъ мы видѣли уже, продолжалось не долго. Поведеніе Воейкова, хотя и сдерживаемаго Жуковскимъ и Перовскимъ, скоро сдѣлало жизнь Саши невыносимой, и всѣ эти непріятности совершенно расшатали ея и безъ того слабое здоровье. Съ помощью тѣхъ же друзей ей удалось уѣхать съ Жуковскимъ въ Дерптъ къ матери и любимой сестрѣ, чтобы тамъ хотя немного отдохнуть отъ мужа и поправить свое здоровье. Здѣсь постигъ ее новый ударъ, неожиданная смерть Маріи Андреевны Мойеръ, послѣдовавшая послѣ неудачныхъ родовъ, 17 марта 1823 года. Отчаянію Саши не было предѣла. Она вмѣстѣ съ Жуковскимъ безутѣшно оплакивала своего обожаемаго друга-сестру и еще ближе сдружилась со своимъ крестнымъ, соединенная съ нимъ однимъ общимъ горемъ. Жуковскій писалъ вскорѣ послѣ похоронъ Маши Авдотѣ Петровнѣ Кирѣевской, описывая ей смерть ихъ друга, и сообщалъ что „Сашѣ Богъ далъ силъ и ея здоровье не потерпѣло. Можно сказать, что у ней на рукахъ ея спаситель; она кормитъ своего малютку“ (Андрея, родившагося 16 іюля 1822 г.).

Сама Саша писала Кирѣевской слѣдующія отчаянныя строки: „Ахъ Дуняша! Все кончено! Все прекрасное изъ жизни вонъ! Будущее такъ ужасно! Боже мой сжался! Катичка здорова. Мойеръ тоже. Для меня все кончилось, что я могла называть счастьемъ и спокойствіемъ. Не знаю что еще со мною будетъ!“¹⁾

Черезъ нѣсколько дней она писала ей же, очевидно, посылая переписанное ею письмо Маши:

„Мой ангелъ! Не могу нонче писать къ тебѣ, потому что не смѣю тою же рукою сама къ тебѣ писать, которой пе-

¹⁾ См. „Утк. Сборн.“, стр. 38.

реписала Машино письмо. Береги свою жизнь! Хотя немного времени поживи, чтобы о ней достойно плакать! И въ этомъ есть что то похожее на наслажденіе! Это одно прекрасное, что намъ въ жизни осталось безъ счастья, безъ Маши! Другъ мой! Найдеть ли тебя это письмо съ нами? Не съ Машей ли и ты? Боже мой! Дай хоть разъ Дуняшу увидать. Прощай!“

Зная нѣжную привязанность Саши къ сестрѣ, которую она когда-то такъ вѣрно и восторженно характеризовала ¹⁾, мы можемъ себѣ вообразить тотъ ударъ, который испытала она, не выдавая и безъ того въ жизни ничего, кромѣ горя. Приведенныя нами выше ²⁾ записи ея въ альбомѣ этого времени свидѣлствуютъ намъ о томъ глубокомъ разочарованіи въ жизни, которое охватило теперь всегда веселую Свѣтлану. Она не только не боится смерти, она желаетъ ее, чтобы соединиться тамъ со своимъ „ангеломъ-сестрою“, воспоминаніе о которой, по ея поэтическому выраженію, она чувствуетъ, какъ нѣжный ароматъ прекрасной розы ³⁾.

На лѣто 1823 года Саша со своими дѣтьми, матерью и сироткой Катей, которая, по словамъ Жуковского, привязалась къ ней какъ къ родной матери, поселилась въ имѣннй бар. Кнорринга Samby, Лифляндской губерніи, гдѣ она, несмотря на свое новое горе, отдыхала вполне душой отъ своихъ семейныхъ непріятностей. Она сама говоритъ въ письмахъ къ Козлову о спокойствіи своей жизни среди красивой природы. Здѣсь утѣшалась она своими дѣтьми, занималась литературой, вдохновляла и наставляла Языкова, много читала и размышляла и усиленно переписывалась съ Жуковскимъ и Перовскимъ, изъ которыхъ первый не разъ наѣзжалъ къ ней изъ Петербурга и среди дачныхъ развлеченій занимался рисованіемъ и грави-рованіемъ Лифляндскихъ видовъ.

Вѣроятно, объ этомъ времени записала Свѣтлана:

„Все на свѣтѣ имѣетъ свою хорошую сторону. Я должна признаться, что я никогда такъ плодотворно не пользовалась своимъ временемъ. Я много читала и размышляла, даже среди своего горя. Я имѣла дни, которыми была довольна. Люди впрочемъ тутъ не принимали участія, я сама себѣ доставляла это удовольствіе, пользуясь дружбой К. ⁴⁾); ея довѣріе и ея нѣж-

¹⁾ См. № 2, стр. 31.

²⁾ См. № 3, стр. 11.

³⁾ Выписки Перовскаго.

⁴⁾ Можетъ быть Катя Мойеръ?

ныя отношенія ко мнѣ увеличиваются съ каждымъ днемъ! Это еще большое счастье!“

Объ этой послѣдней въ ея жизни счастливой эпохѣ она вспоминала и позднѣе, будучи за границей, какъ о чемъ-то свѣтломъ радостномъ и прекрасномъ.

Съ начала 1824 года мы уже снова видимъ Свѣтлану въ Петербургѣ, вмѣстѣ съ мужемъ, который около этого времени сломалъ себѣ ногу и довольно долго пролежалъ въ постели, оставшись на всю жизнь хромымъ ¹⁾.

Здѣсь она снова возобновила свои литературныя связи и знакомства и снова ея гостиная наполнилась толпою новыхъ и старыхъ ея поклонниковъ. Возобновила она свои занятія и по участію въ журналахъ мужа, который издавалъ теперь „Новости литературы“.

Лѣто этого года Саша провела съ дѣтьми въ Царскомъ Селѣ, куда занятой Воейковъ наѣзжалъ только изрѣдка.

Здѣсь Александра Андреевна снова сблизилась съ Дворомъ, который всегда благоволилъ къ ней, и подолгу проводила время въ паркѣ въ бесѣдахъ съ императоромъ Александромъ, обаяніе котораго производило на нее всегда неотразимое впечатлѣніе. Вотъ рядъ ея замѣтокъ объ этихъ встрѣчахъ ²⁾.

25 май (1824 г.) „Гуляя съ Катишь встрѣтила императора, болтала съ нимъ, онъ поцѣловалъ мою руку“.

17 іюня. „Видѣла императора въ паркѣ. Подъ какимъ новымъ обликомъ предсталъ онъ мнѣ сегодня. Несчастный, мучимый опасеніями потерять ту, кого онъ любитъ больше всего на свѣтѣ! Мое сердце разрывалось на части! И не осмѣлится даже дать ему понять, что его страданье есть пытка для меня! что я знаю, почему онъ печаленъ! Какъ многообразно можетъ мучить горе любящую душу! Софія ³⁾ умираетъ въ 18 лѣтъ, не знавши горя и не причинивши его никому, кромѣ того горя, которое принесетъ ея кончина; любимая такимъ отцемъ! съ мыслію, что ея жизнь могла бы быть счастливой, что она могла бы принадлежать человѣку по своему выбору! Она была сама добродѣтель! Съ душою и чертами Ангела! Отнялъ ли Богъ у нея жизнь, чтобы избавить ее отъ страданій, или это Немецка для ея несчастнаго отца?!

¹⁾ См. „Р. С.“ XII 575.

²⁾ Выписки Перовскаго.

³⁾ Софія, побочная дочь имп. Александра I отъ Маріи Антоновны Нарышкиной, рожд. кн. Четвертинской. Умерла отъ чахотки.

Будущее кажется всегда покрытымъ тучами, и моя душа бываетъ всегда тѣмъ болѣе смущена, чѣмъ болѣе я чувствую привязанность“.

3 іюля. „Встрѣтила императора въ паркѣ, говорили о Софїи, много плакалъ, дорогой императоръ! Болѣе тронута и болѣе привязана къ нему, чѣмъ когда либо. Молюсь, чтобы Богъ его сдѣлалъ не счастливымъ, но покойнымъ“ (non heureux, mais parfait).

Въ этихъ трогательныхъ и теплыхъ словахъ участія къ страдающему императору во всей своей красотѣ видна прекрасная душа нѣжной Свѣтланы, горькимъ опытомъ научившейся понимать чужое горе и искренно ему сочувствовать.

О личности императора Александра Свѣтлана отзывалась всегда крайне восторженно, не разъ помѣщая въ своихъ альбомахъ отзывы о немъ и замѣтки.

„Обаяніе, которымъ онъ обладаетъ, говорить она, неопишимо! Его ротъ очарователенъ, его манера говорить удивительно интересна! Если онъ говорить *bonjour*, то чувствуется, что онъ искренно желаетъ Вамъ добраго дня“¹⁾.

На первой страницѣ одного изъ альбомовъ ея тщательно наклеенъ маленькій гравированный портретъ императора.

Очень привязана была Саша и къ великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, будущей императрицѣ, весьма благоволившей къ ней. „Видѣла мою дорогую великую княгиню, замѣчаетъ Саша, мой прекрасный идеалъ“.

Но близкая ко Двору, Свѣтлана не извлекала для себя изъ этого никакихъ выгодъ и осталась навсегда чуждой придворнымъ сплетнямъ и интригамъ. Придворную льстивость и низкопоклонство она осудила въ своей замѣткѣ объ Уваровѣ, который, по ея словамъ, не замѣчалъ ее до тѣхъ поръ, пока императоръ не привѣтствовалъ ее по имени въ его присутствіи. Послѣ этого обращеніе Уварова съ нею сразу измѣнилось. Замѣтка по этому поводу сопровождается разсужденіемъ о нравахъ придворныхъ вообще.

Свѣтлана была часто приглашаема на придворные балы и празднества, и нерѣдко самъ императоръ танцевалъ съ нею „польскій“, а великая княгиня удостаивала ее разговорами по два и по три часа въ вечеръ, какъ объ этомъ писалъ Воейковъ, тщеславію котораго весьма льстили придворныя связи жены²⁾.

¹⁾ Все это выписки Перовскаго.

²⁾ См. его письмо къ кн. Волконской отъ 5 авг. 1825 г. въ Шукшинск. Сборн., V.

Нѣсколько позднѣе Свѣтлана записала о проектѣ воспитанія ея дочери Кати вмѣстѣ съ великими княжнами, почему-то не осуществившемся ¹⁾.

Съ началомъ осени Саша переѣхала въ Петербургъ и для нея снова началась тягость ежедневныхъ свиданій съ мужемъ, усугубленное отсутствіемъ Жуковскаго, который теперь жилъ отдѣльно отъ нея.

Долгая болѣзнь Воейкова еще болѣе повліяла въ дурную сторону на его безъ того желчный характеръ. Обращеніе его съ женой и дѣтьми стало хуже обыкновеннаго и бѣдная Свѣтлана чувствовала себя дома совершенно одинокой и чужой.

19 декабря: „Я сдѣлалась чрезвычайно молчалива дома, потому что во всемъ, вплоть до фасона моего платья или манеры ѣсть мой хлѣбъ, В. (Воейковъ), Софья ²⁾ и миссъ П. ³⁾ даютъ мнѣ уроки и дѣлаютъ замѣчанія по два часа, если я имъ не слѣдую. Когда мы достигли извѣстнаго возраста, надо чтобы лицо, берущее на себя давать намъ уроки, было значительно выше насъ, для того чтобы его совѣты производили иное впечатлѣніе, кромѣ скуки, или желанія надсмѣяться.

НВ. Буду помнить объ урокахъ сегодняшняго утра, если меня обуяетъ желаніе давать совѣты“.

Мы видимъ, въ какое унизительное положеніе ставилъ безвольную Сашу Воейковъ, заставляя ее выслушивать замѣчанія даже отъ наемныхъ лицъ.

Присутствіемъ постороннихъ Воейковъ вообще стѣсняться не умѣлъ, и тотъ же Гречъ рассказываетъ намъ о случаѣ возмутительно-циничной выходки его по отношенію къ женѣ, доведшей ее до слезъ и истерики при постороннихъ. Не помѣшало этому случаю и присутствіе Жуковскаго ⁴⁾.

А между тѣмъ, терзая жену Воейковъ дѣлалъ видъ, что онъ ее любитъ, и нерѣдко упоминалъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ Перевошикову ⁵⁾, Маркевичу и др. Въ этомъ

¹⁾ 10 авг. 1824 Joukoffsky m'a parlé du projet de La Genlis (графини Блудовой) de proposer ma fille comme compagne d'éducation à la petite G. D.

²⁾ Неизвѣстное лицо, можетъ быть экономка, о которой Саша записала еще разъ слѣдующее: 23 сентября она пишетъ: „Рѣшилась поговорить съ Софьей, по поводу ея дерзостей моему мужу. Въ сердцѣ всегда есть гордость, мѣшающая просить у людей, которыхъ мы презираемъ, то малое счастье, что они могутъ намъ дать, и предпочитающая лучше терпѣть отъ нихъ муки, чѣмъ быть имъ чѣмъ либо обязанными“. Въ письмахъ дѣтей къ отцу съ рассказами о смерти матери, упоминается о какой-то Софіи Нейманъ, о которой Саша вспоминала передъ смертью. См. ч. II.

³⁾ Миссъ Паришь, гувернантка дѣтей.

⁴⁾ См. Зап. Греча, стр. 494.

⁵⁾ В. М. Перевошиковъ, преемникъ его въ Дерптскомъ университетѣ.

же были убѣждены и нѣкоторые друзья его, которыхъ, впрочемъ, у него было немного ¹⁾).

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщены замѣтки его пріятеля, въ которыхъ тотъ увѣряетъ, что Воейковъ пламенно любилъ Сашу и писалъ о ней въ своемъ дневникѣ: „О радость, о восторгъ, сегодня я получилъ письмо отъ Сашеньки, и такое милое“ ²⁾).

Конечно, во всемъ этомъ болѣе лицемѣрія и рисовки, и въ его любовь намъ вѣрить трудно, однако сама Александра Андреевна записала въ альбомѣ своемъ слѣдующія слова мужа:

„Я тебя увѣряю, что я былъ очень счастливъ все время моего супружества“. „Это меня сперва разсмѣшило, прибавляетъ она, а затѣмъ порадовало; это паспортъ на тотъ свѣтъ, такъ какъ кромѣ всего, я живу на этомъ свѣтѣ для воспитанія своей души, а не для моего счастья, и если воспитатель даетъ хороший аттестатъ, Отецъ встрѣчаетъ ребенка съ одобреніемъ! конфекты послѣдуютъ за урокомъ! Правда, что эти немногія слова доказываютъ, что урокъ будетъ всегда суровымъ, что ничего нельзя отъ него ожидать! Я знала, впрочемъ, что онъ бывалъ несчастенъ только тогда, когда онъ этого очень желалъ“ ³⁾).

Несомнѣнно къ нему же относятся и ея слѣдующія слова: (1823) „Какая странная связь съ человѣкомъ, котораго опасешься. Я не знаю, что ему сказать, какъ говорить. Вѣрить ему, какъ прежде — невозможно! Показывать ему презрѣніе — я боюсь сдѣлать ему непріятное, его обидѣть. И въ силу необходимости взвѣшивать слова, я остаюсь сосредоточена, мнѣ кажется, что я боюсь даже чувствовать въ его присутствіи, и я останавливаю свое дыханіе, такъ какъ я не имѣю вѣры въ него“ ⁴⁾).

Это время было расцвѣтомъ журнальной дѣятельности Воейкова, издававшаго „Русскій Инвалидъ“, „Новости Литературы“ и „Литературныя прибавленія“. Первый давалъ ему (въ 1824 г.) до 73 тысячъ ассигнаціями дохода; въ „Новостяхъ Литературы“ участвовали Пушкинъ, Жуковскій, Дельвигъ, Вяземскій и другіе лучшіе литераторы того времени. Свѣтлана, по-старому, помогала своимъ трудомъ и во время частыхъ отъѣздовъ въ Дерптъ старалась привозить мужу новые стихи Языкова, который осо-

¹⁾ „Р. Ст.“ XII, 575 и „Современникъ“ 1853 г., № 12.

²⁾ „Р. Ст.“ XII, 575.

³⁾ Выписки Перовскаго.

⁴⁾ Тамъ же.

бенно много ей написалъ въ альбомъ въ 1825 году. Но низость характера Воейкова и его дурная слава не дѣлали популярными его изданія, съ каждымъ годомъ терявшія число своихъ подписчиковъ. Доносы и извѣты его на Булгарина и Греча, всевозможные пасквилы, которыми онъ наполнялъ страницы своихъ журналовъ, оттолкнули скоро отъ него всѣхъ порядочныхъ людей, а съ 1827 г. у него было отнято правительствомъ право на изданіе „Русскаго Инвалида“, какъ газеты официальной¹⁾. Потеря имъ главнаго источника дохода вызвала его лицемѣрныя сѣтованія на судьбу и неискреннія слезы за будущее своихъ дѣтей и жены. Н. А. Полевому онъ писалъ 3 января 1827 г. о своемъ горѣ, прося его рекламировать его новое изданіе „Славянинъ“:

„Если я не имѣю права на ваше состраданіе, то жена моя, родная племянница Карамзина и Жуковскаго, то ребятишки мои, родные внуки великаго нашего исторіографа и славнаго пѣснопѣвца, имѣютъ право полное на ваше пособіе²⁾“.

Къ сожалѣнію, дневники Воейкова, о существованіи которыхъ знали современники, „Мои поденныя замѣтки“, „Памятныя книжки“, и „Книга хваленій или Псалтирь на руссiйскомъ языкѣ“, не сохранились для потомства. Среди тьмы лжи, ханжества и лицемѣрія, мы могли бы все-таки найти въ нихъ цѣнныя факты и черты его характера и его времени.

Въ связи съ предупрежденіемъ объ отнятіи отъ Воейкова официального изданія, начались его хлопоты объ мѣстѣ директора Царскосельскаго Лицея, которыя, впрочемъ, не привели къ положительному результату. Противодѣйствіе этому проекту со стороны Тургенева и Жуковскаго особенно выводили изъ себя Воейкова и вызвали рядъ желчныхъ выходокъ въ его замѣткахъ, отрывки изъ которыхъ намъ привелъ г. Колбасинъ въ своей извѣстной книжкѣ³⁾.

„Всѣ бѣгутъ, всѣ оставляютъ меня! писалъ онъ, только и нахожу отраду и поддержку въ домѣ Карамзина. Онъ одинъ, одинъ не отталкиваетъ отъ себя несчастнаго и убитаго Воейкова“. Затѣмъ онъ упоминаетъ о какомъ то „оскорбительномъ“ письмѣ отъ А. И. Тургенева, „жестокомъ“ отъ жены⁴⁾ и „убійственнымъ“ отъ Жуковскаго. По поводу перваго онъ замѣчаетъ: „можно много терпѣть, но всякому терпѣнію человѣческому есть границы. Кто не объявляетъ своего права на опе-

1) Впрочемъ, ему все-таки удалось оставить за собой это изданіе до самой своей смерти, до 1839 г.

2) „Р. С.“ 1886 г., 556.

3) „Литературныя дѣятели прежняго времени“. Спб. 1859 г.

4) Вѣроятно, изъ Дерпта.

кунство надо мной? Кто не вмѣшивается въ дѣла мои? Боже подкрѣпи и даруй мнѣ смиреніе и терпѣніе“!

Зима 1825 — 26 г.г. не принесла Сашѣ успокоенія. Разрывъ съ Тургеневымъ, не могъ не повліять на ея нѣжную душу, потрясенную къ тому же декабрьскими событіями и огорченную смертью императора Александра I.

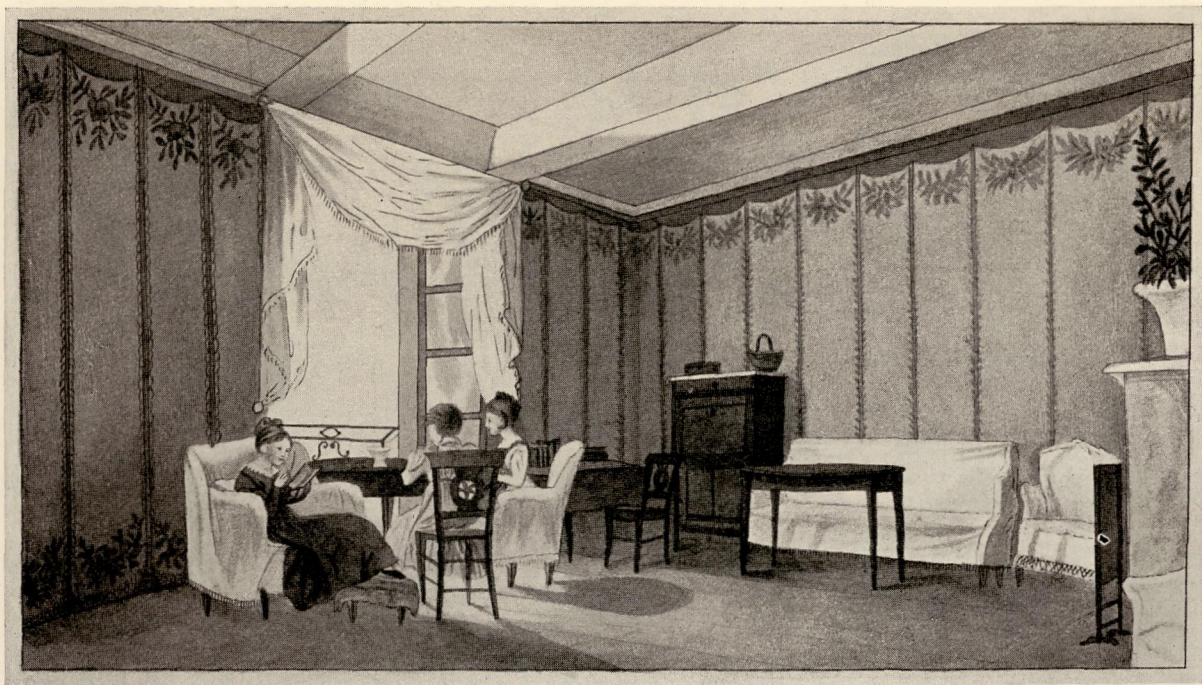
Вмѣстѣ со всѣмъ Петербургомъ она пережила много тревожныхъ дней, безпокоясь не столько за себя, сколько за своихъ дѣтей и ихъ будущее. Воейковъ писалъ объ этомъ Перевошикову: „многіе изъ насъ, даже моя терпѣливая, полная надежды на Бога и вѣры въ Бога Александра Андреевна сказали: „Il n'y a pas d'avenir pour nos enfants“. (Нѣтъ болѣе будущаго для нашихъ дѣтей).

Все это вмѣстѣ съ отъѣздомъ Жуковскаго за границу, окончательною ссорою съ Тургеневымъ и смертью Карамзина, не могло не повліять сильнѣйшимъ образомъ на настроеніе Свѣтланы, оставшейся теперь почти одинокою, съ однимъ Перовскимъ около себя, который также скоро долженъ былъ уѣхать въ Италію лѣчиться. Въ письмѣ къ матери отъ 10 августа 1826 года, она отъ полноты души скорбной и печальной восклицала: „но я на свѣтѣ не для радости и счастья!“ Козлову она тогда же жаловалась, какъ новыя несчастья все прибавляютъ вѣсу тяжести, лежащей на ея душѣ, и горько иронизировала надъ своими несчастьями, надъ которыми она собиралась смѣяться въ будущей жизни ¹⁾.

Высоко поэтичны ея грустные письма вслѣдъ уѣхавшему другу Жуковскому. Ихъ надо перечестъ въ оригиналѣ не одинъ разъ ²⁾, чтобы понять и оцѣнить всю красоту и поэзію лучезарной души Свѣтланы. Саша проявляетъ въ нихъ много нѣжности къ своему „несравненному“ „безподобному Жучку“, говоря, что „въ ея жизни прекрасное безъ счастья (выраженіе Жуковскаго)“ это именно ея друзья, и въ частности онъ, котораго она любитъ „какъ все, что есть прекраснаго въ свѣтѣ и душѣ“. Чрезвычайно трогательны ея прощанья въ письмахъ, въ которыхъ она высказываетъ всю свою привязанность къ другу. „Будь Богомъ хранимъ для моего счастья“, говоритъ она въ одномъ письмѣ, „Прощай душа! Милый! Христосъ съ тобой! Будь Богомъ хранимъ и возвратись здоровый“, восклицаетъ она въ другомъ.

¹⁾ См. письма къ Козлову, ч. II.

²⁾ Они написаны частью по русски, частью по франц. См. ч. II.

Акварель сепія, работа А. А. Воейковой; изъ альбома.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

Въ письмахъ она разсказывала Жуковскому о своей жизни въ Царскомъ Селѣ, о свиданіяхъ съ молодымъ императоромъ, о долгихъ бесѣдахъ съ нимъ и съ новой царицею, которую она такъ любила и у которой часто обѣдала запросто, со всѣми дѣтьми. Она разсказывала Жуковскому какъ его любитъ Наслѣдникъ и всѣ царскія дѣти, всегда съ радостью вспоминающія о немъ. Вообще, описанію придворнаго быта она удѣляла довольно много мѣста, разсказывая мельчайшія подробности о своихъ посѣщеніяхъ дворца, описывала коронацію Николая I и т. п., зная, что все это можетъ интересовать ея крестнаго.

Описывала она ему и свои собственныя чувства, въ связи съ приближеніемъ родовъ, весьма сдержанно сообщая о состояніи своего здоровья, которое въ то время было уже очень слабо.

18 іюля 1826 г. Воейковъ писалъ Перовошикову изъ Царскаго Села: „Моя Александра Андреевна часто хвораетъ. Въ началѣ іюля сдѣлала тяжкую болѣзнь, а въ іюлѣ даже опасную. Теперь опять какъ будто ни въ чемъ не бывало: румяна и весела и рѣзва и неосторожна и издерживаетъ свое здоровье, какъ мотъ деньги“. Послѣдняя беременность Саши, о которой съ такой тревогою узналъ Тургеневъ, сыграла дѣйствительно для нея роковую роль: 11 іюня 1826 года родилась у нея дочь Маша, и Свѣтлана долгое время не могла оправиться отъ болѣзни. Сильнѣйшая слабость, лишавшая ее иногда возможности ходить безъ посторонней помощи, новыя боли въ боку и груди, на которыя она жаловалась Козлову, явились грозными признаками надвигавшейся чахотки.

Еще раньше, въ письмахъ къ Козлову, она сама не разъ сообщала о своихъ болѣзняхъ, жалуясь на спазмы въ груди, боли въ спинѣ, слабость въ боку, заставлявшіе ее иной разъ по недѣлямъ вылеживать въ постели. Она, впрочемъ, не обращала много вниманія на физическія боли и просила Козлова о ней не беспокоиться. Она всегда забывала, по собственнымъ словамъ, физическое ради моральнаго ¹⁾).

Вмѣстѣ съ тѣмъ радость материнства дала ей нѣкоторое забвеніе, о которомъ она писала Жуковскому, сожальѣя объ его отсутствіи и о томъ, что онъ только крестный ея, а не мужъ, чтобы она могла быть спокойной за будущее своихъ дѣтей. Она горевала о томъ, что поэту приходилось отложить свое возвращеніе домой, по случаю болѣзни, и называла себя за это гореванье „эгоистка Свѣтлана“.

¹⁾ Le moral me fait toujours oublier le physique. См. письма къ Козлову, ч. II.

Тутъ же она вспоминаетъ и о какихъ то новыхъ „фарсахъ“ Воейкова по поводу кормленія новорожденной.

А „фарсы“ эти стали скоро напоминать собою прежніе скандалы дерптской эпохи. Наступившій 1827 годъ, послѣдній, на который была Воейкову оставлена аренда „Русскаго Инвалида“, совершенно подточилъ матеріальное благосостояніе семьи, особенно благодаря его мотовству.

Саша писала крестному, что она уже продала лошадей, распустила людей и сократила всѣ возможные расходы. Даже чуткія дѣти, по своему почину отказались отъ елки, чѣмъ несказанно тронули обожавшую ихъ Свѣтлану. Отпустила она и получавшую 1000 р. въ годъ гувернантку миссъ Паришъ, которую она, не смотря на нѣсколько холодныя отношенія, очень цѣнила, и которую неохотно проводила въ Москву, въ семейство кн. Черкасова.

Изъ писемъ дѣтей къ миссъ Паришъ ¹⁾, въ которыхъ много приписокъ Саши, видно, что она дала послѣдней слово вернуться къ ней по первому зову.

Впервые въ письмахъ къ Жуковскому мы видимъ нѣкую жалобу Саши на мужа, котораго она называетъ Громобоемъ и сѣтуетъ на его ссоры съ Гречемъ. А между тѣмъ, раздраженный неудачами, самолюбивый Воейковъ, страдавшій отъ своихъ столкновеній съ Гречемъ, конечно, вымещалъ свой гнѣвъ на женѣ, которая, вспоминая, какъ у нея было мало въ жизни счастья, начинаетъ завидовать даже умершей сестрѣ.

„Ахъ Боже мой, пишетъ она Жуковскому, какъ мало знали мы красивыхъ дней! и какъ сердце смущалось для грядущаго дѣтей, глядя на мое, на наше протекшее. Сколько она (Маша) настрадала въ свою жизнь прежде чѣмъ пошла на покой. А я и просить не смѣй его“ ²⁾.

Въ связи съ новыми волненіями, ухудшеніе ея здоровья шло прогрессивно. Саша похудѣла до неузнаваемости, кашляла не переставая по получасу и кровь горломъ шла у нея очень сильно. Даже самъ Воейковъ называлъ ее въ это время „еле дышущей“ ³⁾. Врачи Арендтъ и Штофрегенъ тревожно и настоятельно требовали ея отъѣзда въ Ниццу, на два года.

Въ письмѣ къ Жуковскому отъ 10 іюня ⁴⁾ 1827 года она

¹⁾ Собств. Н. А. Бревернъ-де-ла-Гарди.

²⁾ См. ч. II.

³⁾ Письмо къ Н. Маркевичу. „Современникъ“ 1853 г., № 12.

⁴⁾ На лѣто, изъ той же экономіи, Воейковы не поѣхали на дачу, чѣмъ была даже недовольна императрица, привыкшая встрѣчать Сашу въ Царскомъ Селѣ (Письма дѣтей къ миссъ Паришъ, см. ч. II).

извѣщаетъ его объ этомъ, въ первый разъ откровенно сознаваясь ему въ своей болѣзни, и просить его благословенія на отъѣздъ. Она при этомъ совершенно спокойно относится къ своему положенію, понимая вполнѣ всю его опасность.

Письмо это, очевидно, до крайности обезпокоило и взволновало Жуковского, уже давно подозрѣвавшего болѣзнь Саши. 3/15 іюля 1827 года онъ изъ Эмса писалъ Козлову, что получилъ отъ Саши извѣстіе объ ея отчаянномъ состояніи и объ отъѣздѣ въ Италію. Онъ требовалъ отъ Козлова всѣхъ подробностей о ея болѣзни и приговоръ докторовъ, и безпокоился о томъ, хватить ли у нея денегъ на дорогу. Получивши, очевидно, требуемыя извѣстія, черезъ мѣсяцъ (8/20 авг.) онъ уже радовался, что Саша ѣдетъ: „Это сохранить ея жизнь, писалъ онъ Козлову, если только угодно будетъ Богу. Надобно же ей имѣть нѣсколько минутъ спокойныхъ и беззаботныхъ. 2 года тихой жизни въ Италіи будутъ ей благодатными“ ¹⁾.

Получивши согласіе Жуковского, Свѣтлана стала готовиться къ отъѣзду и, согласно условію, вызвала къ себѣ миссъ Паришъ. Въ началѣ іюля она съѣздила въ Дерптъ, чтобы приготовить мать къ разлукѣ съ нею, при чемъ застала ту опасно больною и лежащею въ постели ²⁾. Остаться долго съ матерью ей, однако, не пришлось. Доктора настаивали на немедленномъ отъѣздѣ, такъ какъ путь ей предстоялъ большой и только до Берлина, ей надо было ѣхать цѣлыхъ 17 дней, ибо по причинѣ слабости она должна была отдыхать по ночамъ, а ѣхать только днемъ.

Передъ отъѣздомъ Свѣтлана прощалась и съ царскою семьею, при чемъ особенно подробно описывала Жуковскому свое свиданье съ императрицею ³⁾, которую она называла „Королевой воздуха, весны и розъ“ (*La reine de l'air, du printemps et des roses*). Объ этомъ свиданіи писала тогда же Жуковскому императрица, предупреждая его, чтобы онъ не пугался, увидя худобу и истощеніе бѣдной Свѣтланы ⁴⁾.

Уговорить Воейкова отпустить отъ себя свою мученицу и жертву было не легко, и едва ли бы слабая и безвольная Саша могла этого добиться безъ помощи Перовскаго. Какъ бы то ни было, отъѣздъ былъ назначенъ, и Свѣтлана писала Жуковскому, что она, несмотря на свою слабость, беретъ съ собою

¹⁾ „Р. Ст.“. Письма къ Козлову.

²⁾ Любопытно, что для того, чтобы уѣхать къ матери, она должна была выдумать мужу отъѣздъ въ Ревель. (См. письмо къ миссъ Паришъ).

³⁾ См. ч. II. Письма къ Жуковскому.

⁴⁾ См. „Р. А.“ 1897. I, 497.

всѣхъ дѣтей, чтобы, оставя ихъ на рукахъ бабушки и Мойера, не поставить послѣднихъ этимъ въ непріятную для нихъ необходимость имѣть сношенія съ Воейковымъ.

А онъ, какъ свидѣтельствуеть Гречъ, сумѣлъ отравить Сашѣ и самый отъѣздъ, единственно изъ безцѣльнаго желанія сдѣлать ей непріятность, какъ бы въ отмщеніе за то, что она, наконецъ, освобождалась отъ его власти.

По словамъ Греча, наканунѣ отъѣзда Саши онъ послалъ ее въ свой кабинетъ принести листъ бумаги со своего письменнаго стола; пришедшая туда Свѣтлана нашла на столѣ написанную имъ эпитафію на ея смерть....¹⁾

21 августа 1827 года Саша съ дѣтьми выѣхала на Берлинъ, чтобы тамъ встрѣтиться съ Жуковскимъ и оттуда отправиться на югъ Франціи, гдѣ она предполагала остаться 5 лѣтъ.

Вотъ что писалъ лицемѣрный Воейковъ Маркевичу по поводу отъѣзда жены, который онъ сумѣлъ сдѣлать такимъ непріятнымъ! „Вы найдете меня одинокимъ, писалъ онъ, грустнымъ отшельникомъ, еле дышущая моя жена и всѣ мои дѣти уѣхали въ чужіе края 21 августа. На долго ли? Одному Богу извѣстно. По крайней мѣрѣ на 5 лѣтъ“!

„Но не на 5 лѣтъ, прибавляетъ Маркевичъ отъ себя, Свѣтлана покинула свое отечество, не на 5 лѣтъ она простилась съ Петербургомъ, съ мужемъ и въ Берлинѣ съ дядею. Она минутной гостьей была въ раю земномъ и направила путь въ обитель небесную, въ страну вѣчной любви и вѣчнаго свиданія. Тамъ только суждено было добродѣтельному утѣшителю грустныхъ, незабвенному Жуковскому встрѣтить свою прелестную племянницу, свою восхитительную Свѣтлану“²⁾.

¹⁾ См. записки Греча, стр. 496.

²⁾ См. „Современникъ“ 1853 г., № 12.

Merci pour votre intérêt si soutenu,
 mon cher et bon cousin. "Ma santé"
 va très bien, et j'espère demain
 vous demander ma chère Alinka
 pour la conduire au spectacle; comme
 je désirerais qu'Ischinka soit
 aussi des nôtres. Ne pourrions-nous
 pas obtenir cette faveur de Monsieur
 son maître? — De grâce ne vous
 inquiétez pas pour "Ma santé", et
 ne vous exposez pas au mauvais
 temps. Vous trouverez mon billet
 pas mal écrit et plus de contenu
 qu'à l'ordinaire, la faute en
 est à la charmante Madame Wey-
 demier qui me donne de distractions
 adieu, mon cher cousin, que Dieu vous
 bénisse. Alexandrine Weydemier.

Глава IX.

Путешествіе. — Дорожный дневникъ. — Берлинъ. — Свиданіе съ Жуковскимъ. — Характеръ писемъ Саши. — Болѣзнь Андрея. — Ліонъ.

Томимая тяжелыми предчувствіями, исполненная тревоги и безпокойства, не столько за себя, сколько за дѣтей, выѣхала Свѣтлана за границу 21 августа 1827 г., со всѣми своими дѣтьми, провожаемая однимъ Перовскимъ. Кромѣ четырехъ дѣтей съ ней ѣхала гувернантка miss Parish, и трое слугъ: Лиза, Лизетта и Лукьянъ. Легко себѣ представить, какъ трудно было такое путешествіе для больной и слабой Саши. Въ денежномъ отношеніи помогъ опять Жуковскій, котораго Свѣтлана извѣщала изъ-за границы часто о полученіи денегъ. Впрочемъ, видно, что деньги ей высылалъ и мужъ и Е. А. Протасова. Въ Берлинѣ Саша должна была проѣздомъ свидѣться въ послѣдній разъ съ Жуковскимъ, которому объ ея отъѣздѣ писала императрица Александра Ѳеодоровна: 30 августа: „предполагаю что вы увидите тамъ г-жу Воейкову, которая испугаетъ васъ своимъ ужаснымъ видомъ. Да исцѣлитъ ее Господь и сохранить для ея дѣтей“.

Жуковскій, въ свою очередь обезпокоенный болѣзнью Саши, спѣшилъ приготовить ей полезное для ея здоровья мѣстопробываніе. О ней онъ писалъ графинѣ Генріеттѣ Разумовской въ Парижъ ¹⁾.

„Госпожа Воейкова покидаетъ Петербургъ 22 августа. Она остановилась, согласно моимъ письмамъ, на Гіерѣ. Но докторъ Pizzati, который сопровождаетъ княгиню Волк(онскую), настаиваетъ на ея отъѣздѣ въ Ollegis, гдѣ находится княгиня, чтобы ѣхать въ Пизу. Это меня очень прельщаетъ, такъ какъ тамъ она будетъ съ вами и Алиной. Что думаете вы объ этомъ?“

¹⁾ См. дневники Тургенева, приводящаго эти письма въ копіяхъ. Графиня Генріетта Разумовская, о которой уже не разъ здѣсь упоминалось, урожд. Мальсенъ, была женою гр. Григорія Кирилл. Разумовскаго, съ которымъ состояла въ разводѣ, сохраняя его фамилію. Жила всегда въ Парижѣ, окруженная виднѣйшими представителями литературной и ученой Франціи. Другъ семьи Тургеневыхъ и Жуковскаго. Скончалась 17 дек. 1827 года.

Александрина точное подобіе (pendant) Николая ¹⁾. Я вамъ ее довѣряю. Я ее увижу въ Берлинѣ и оттуда напишу вамъ что будетъ для нея рѣшено“ (переводъ).

Графиня, впрочемъ, совѣтовала Жуковскому отправить Сашу въ Ниццу, гдѣ она знала примѣры излѣченія.

Жуковскій чрезвычайно огорчился болѣзнью Саши и писалъ Разумовской, что онъ не хочетъ болѣе „chagme“ въ своей жизни, которая теперь, послѣ этого новаго удара, будетъ состоять исключительно изъ исполненія долга.

Выѣхавъ 21 августа изъ Петербурга, Саша пріѣхала 31 числа въ Ригу, гдѣ съ ней произошла какая-то неприятность, которую она сочла за дурное предзнаменованіе, утѣшая себя только тѣмъ, что оно случилось еще въ Россіи.

Вотъ сохранившіеся отрывки изъ ея дорожнаго дневника: „1827. Рига 31 авг.

Жестокое разочарованіе ²⁾ въ Ригѣ, очень несчастна, очень грустна, радуюсь только тому что испытала это горе еще въ Россіи, а не переѣхавъ границу, это было бы слишкомъ ужасное предзнаменованіе. Я приближаюсь къ ней съ сжатымъ сердцемъ и крупными слезами, что я буду чувствовать переѣзжая ее, я замѣчу изъ суевѣрія.

6 сентября. Я ожидала эффекта, который на меня произведетъ граница, я ее переѣхала весело, въ сопровожденіи казака. — Тильзитъ — красивый городъ, также какъ и Кенигсбергъ. Огорченная тѣмъ, что не могу ходить, я въ 4-й разъ писала въ Россію.

Отъ Кенигсберга прекрасное шоссе обсаженное итальянскими тополями. Великолѣпный закатъ солнца въ Фришгафѣ. 8 сент. Маріенбургъ — очень больна, именины моей дорогой Маши. Пресвятая Дѣва, защити ее! Дѣти ходили смотрѣть развалины замка тевтонскихъ рыцарей.

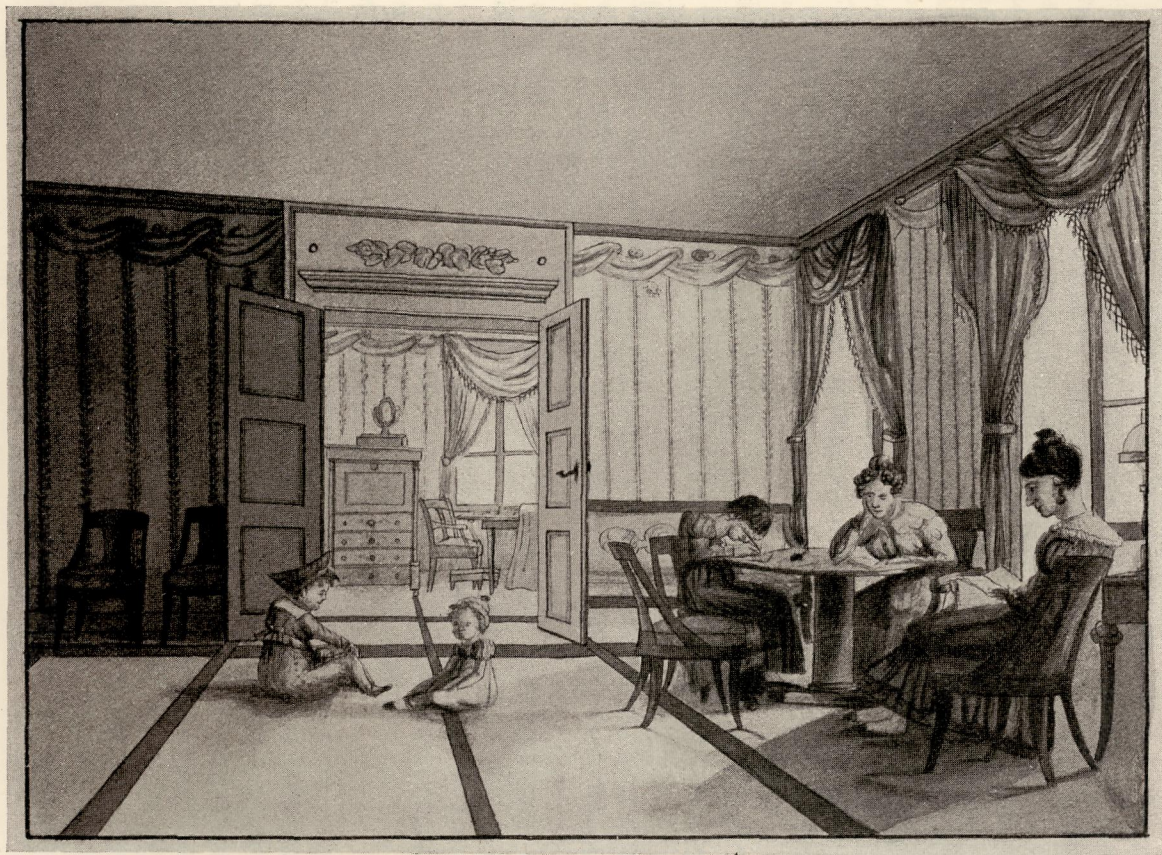
Диршау, грязный маленькій городъ на рѣчкѣ Вислѣ, черезъ два рукава которой надо переѣзжать на лодкѣ. — Какъ пріятно жить съ умнымъ человѣкомъ, какъ дѣлается жизнь легка и какъ посредственность утомляетъ.

10-е. Между Deutschkrone и Ruschendorf видѣла цвѣты, которые мнѣ посылали въ Камби. ³⁾ — Счастье прошлаго, прекрасные дни, возвратитесь ли вы? Или передо мною будетъ только смерть.

¹⁾ Н. И. Тургенева.

²⁾ Неизвѣстно, на что намекаетъ здѣсь Саша.

³⁾ Имѣніе бар. Кноррингъ, Лифл. губ., гдѣ Воейкова жила лѣтомъ 1823 г.

Акварель - сепія работы А. А. Воейковой. Изъ альбома.

Львівська Бібліотека
А. Н. УССР

11-е. первые виноградники à Hochzeit, — ни одного живого существа на дорогѣ внѣ городовъ и деревень, не видно на дорогѣ ни одной человѣческой фигуры на дорогахъ, самое большее если увидишь одного рабочаго на шоссе, и уже никогда двухъ или трехъ сразу. — Ночью проѣхали мостъ черезъ Одеръ, около Кюстрина, чудное звѣздное небо, колышущееся въ водѣ, очень темная ночь, прохожіе, снующіе передъ фонарями нашего экипажа. Пріѣхали на ночь въ Кюстринъ“. (Переводъ).

Лишь 12 сентября Саша добралась до Берлина, гдѣ остановилась въ гостиницѣ „Лейпцигъ“, не зная, очевидно, раньше, что Жуковскій живетъ въ другой гостиницѣ. О томъ, какъ она волновалась, не имѣя возможности сразу же увидеть крестнаго, который въ это время былъ въ Потсдамѣ, свидѣтельствуя ея двѣ записки на французскомъ языкѣ, посланныя одна вслѣдъ за другою къ нему въ гостиницу „Петербургъ“.

„Я пріѣхала дорогой другъ, но нахожусь въ Hotel de Prusse ¹⁾ и я васъ жду съ нетерпѣніемъ, пропорціональнымъ долгому отсутствію“.

„Дорогой другъ! Развѣ вы еще не возвратились, или вамъ не передали моей записки? Я жду васъ съ нестерпимымъ нетерпѣніемъ“. (Переводъ).

Лишь на другой день Свѣтланѣ удалось встрѣтиться съ крестнымъ, который нашелъ ее по наружному виду не такъ плохой, какъ онъ ожидалъ, судя по письмамъ друзей и императрицы; по крайней мѣрѣ такъ онъ писалъ Тургеневу, говоря, впрочемъ, о ея сильномъ кашлѣ и боляхъ въ боку.

Императрицѣ онъ писалъ слѣдующее: ²⁾

„Александрина наконецъ пріѣхала 13 / 25 сентября. Она проведетъ здѣсь 5 или 6 дней отдохновенія. Я прошу позволенія провести съ нею это короткое время: мы растаемся на цѣлые годы ³⁾. Слава Богу, я нашелъ ее лучше, чѣмъ предполагалъ. Она путешествуетъ не уставая, и повидимому переѣзды ей приносятъ пользу. Теперь тяжелая половина пути совершена; всякій день будетъ удалять ее отъ Сѣвера и приближать къ прекраснымъ южнымъ странамъ. Несмотря на то, что я въ ней теряю свой домашній бытъ, но я отъ глубины души радуюсь, что ей удалось уѣхать. Южный воздухъ, спокойствіе,

¹⁾ Въ дневникѣ названъ Hotel Leipzig. Вѣроятно, двойное названіе.

²⁾ „Р. А.“, XII.

³⁾ Жуковскій въ это время уже занималъ должность воспитателя Наслѣдника и считался въ отпуску для леченія.

которымъ она еще никогда не пользовалась, спасутъ ее. Сердце ея преисполнено милостями, которыхъ Ваше Императорское Величество ее удостоило. Она не иначе говоритъ о Васъ, какъ со слезами. Воспоминаніе о Васъ будетъ служить благодѣтельнымъ спутникомъ ея поѣздки“.

Вмѣсто пяти дней, Саша пробыла въ Берлинѣ цѣлыхъ 10, оттягивая разлуку съ Жуковскимъ и заинтересовавшись жизнью новаго города.

Крестный водилъ ее и дѣтей по Берлину, показывалъ достопримѣчательности, возилъ въ Потсдамъ и Шарлоттенбургъ. Впрочемъ, слабая Свѣтлана не всегда участвовала въ этихъ поѣздкахъ и сама жаловалась Козлову въ письмахъ на свою апатію, помѣшавшую ей, несмотря на всю ея любовь къ музыкѣ, итти на концертъ извѣстной пѣвицы Зонтагъ.

Въ дневникѣ она пишетъ:

„Берлинъ, 12 сент. Гостинница Лейпцигъ — радость. Записка Жуковского, разочарованіе, что нельзя помѣститься въ одной съ нимъ гостинницѣ, онъ въ Потсдамѣ. Съ удовольствіемъ увидѣла прусскаго солдата, по цвѣту мундира это совершенно наша гвардія, только пруссаки не имѣютъ такого подчиненнаго вида передъ своими начальниками. Солдаты не стрижены, отчего они кажутся гораздо красивѣе. Видѣла Nufeland¹⁾); „Россія, сказалъ онъ, имѣетъ высокое призваніе перенести культуру изъ Европы въ Азію“ и также: „магнетизмъ есть дополненіе души, но человѣкъ не долженъ никогда терять нравственной свободы, а онъ ее теряетъ, такъ какъ мысль подчиняется магнетизму“. (Переводъ).

Наконецъ наступило всетаки время проститься поэту со своей любимой крестницей и обнять въ послѣдній разъ на этомъ свѣтѣ прекрасную Свѣтлану.....

Послѣднее путешествіе Свѣтланы составляетъ одинъ изъ наиболѣе подробно для насъ освѣщенныхъ періодовъ въ ея недолгой жизни. Очувившись вдали отъ своихъ друзей, къ которымъ была такъ привязана ея нѣжная душа, она находила теперь единственное утѣшеніе въ перепискѣ съ матерью, Жуковскимъ, Перовскимъ. Писемъ къ послѣднему мы не имѣемъ, но, вѣроятно, и въ нихъ, какъ въ письмахъ къ первымъ двумъ, она изливала всю свою душу, ограничиваясь въ короткихъ запискахъ къ мужу сухими и краткими свѣдѣніями.

¹⁾ Знаменитый нѣмецкій врачъ, 1762 — 1836. О немъ см. дневники В. А. Жуковского.

Слогъ Саши, писавшей частью по французски, всегда образцовый. Писать она любила и умѣла и — по словамъ И. В. Кирѣевскаго ¹⁾ — Жуковский всегда говорилъ: „Саша писала прекрасно. Il y avait du génie dans son style“.

Образованная, наблюдательная и впечатлительная Свѣтлана, по словамъ крестнаго, умѣла изъ своихъ писемъ создавать цѣлое литературное произведение, настоящій романъ.

„Начинай свой романъ“, писалъ ей за границу Жуковский, въ отвѣтъ на одно изъ ея писемъ, прибавляя, что описываемыя ею лица „точно изъ романовъ г-жи Жанлисъ“. „Ты описываешь ихъ очень мило, безъ фразъ, съ натуры“. Въ другомъ письмѣ онъ самъ поощряетъ ее къ писанію этого „романа“ ²⁾.

При чтеніи писемъ Саши передъ нами проходитъ цѣлая галлерей характеровъ и типовъ, описанныхъ живымъ и образнымъ языкомъ. Наряду съ этимъ, мастерское перо Свѣтланы, унаслѣдовавшей литературный даръ крестнаго-поэта, даетъ намъ прекрасныя описанія природы, рисуетъ полныя поэтической красоты картины. Все это придаетъ неизъяснимую прелесть ея письмамъ, прочтеніе которыхъ необходимо, чтобы понять и въ полной мѣрѣ оцѣнить свѣтлую душу прекрасной Свѣтланы.

Мы приведемъ ниже эти письма, рисующія исторію послѣднихъ мѣсяцевъ жизни бѣдной Саши, ея собственными словами. Они писаны къ Жуковскому, матери и Воейкову и всѣ имѣютъ свой особый, своеобразный характеръ.

Тонъ писемъ къ Жуковскому, какъ и тѣхъ, о которыхъ мы говорили выше, чрезвычайно нѣжный, дружескій.

Никто, кромѣ него не былъ въ состояніи такъ близко понять ея душу, полную горести по разлукѣ съ друзьями, и вмѣстѣ съ тѣмъ всю охваченную какой-то невѣдомою радостью, всю заполненную роемъ новыхъ, неожиданныхъ впечатлѣній, представшихъ предъ нею, при ея первомъ соприкосновеніи съ Европой.

Художественно поэтическія струны вдохновенной души Свѣтланы зазвучали сливаясь въ ея сознаніи возвышенной и небесной гармоніей. Красоты природы прекрасной Швейцаріи, художественныя сокровища Милана, приводили въ трепетъ болѣющую тѣломъ, но духомъ здоровую Сашу. И все это выражала

¹⁾ „Р. А.“ 1906 III.

²⁾ См. II ч., письма Жуковского.

она на страницахъ своихъ писемъ, къ поэту-другу, умѣвшему понять и ея восторгъ, и ея страданія.

Цѣлымъ рядомъ нѣжныхъ названій осыпаетъ поэта его крестная дочь. „Прощай мой славный, прекрасный Жуковскій“, пишетъ она. „Милый, несравненный Жуковскій“, восклицаетъ въ другомъ письмѣ, заканчивая его словами „цѣлую твое сердце“. Портретъ его всегда при ней: „Твоя милая рожа такъ ласково глядитъ на меня. Всякій день твой портретъ больше люблю. Помнишь, я ребенкомъ всегда звала тебя „папка“, это было предчувствіе; твоя дружба, et votre sollicitude¹⁾ pour moi милой отецъ“.

Не мало мѣста удѣляетъ она въ этихъ письмахъ и описаніямъ своихъ новыхъ знакомствъ, встрѣчъ и впечатлѣній, стараясь дать поэту тотъ „романъ“, котораго онъ просилъ.

Въ письмахъ къ матери Саша все та же нѣжная, любящая дочь, какою была и въ дѣтствѣ. Къ ней она пишетъ много про дѣтей, про мелочи обыденной жизни, про то какъ она устроилась на новомъ мѣстѣ, и какъ устроила свои денежные дѣла. Про здоровье она пишетъ матери мало, очевидно, не желая волновать ее и беспокоить.

Переписка съ мужемъ носитъ сухой, холодный и officialный характеръ. Самыя выраженія этихъ писемъ кратки и лаконичны, и они за малымъ исключеніемъ не имѣютъ ни обращенія, ни подписи. Мужу Саша сообщаетъ кратко о дѣтяхъ, посылаетъ замѣтки для журнала и свои переводы и указываетъ любопытныя статьи въ иностранныхъ журналахъ. Она простила ему все уже давно и старается даже быть ему полезной, но холодный тонъ чувствуется вездѣ, за исключеніемъ послѣдняго письма, въ которомъ звучитъ даже нотка теплаго участія.

Путевой журналъ Саши начинается съ Виттенберга: (Переводъ) — „Въ Виттенбергѣ посылала дѣтей почтить могилу Мартина Лютера. Начиная съ Виттенберга самыя красивыя мѣста — въ Лейпцигѣ ярмарка, — прекрасный Weissenburg, — долина рѣки Saale съ фабрикою соли — восхитительна. Съ восторгомъ наслаждалась видомъ замка Eckardstadt, видомъ прямой дороги, къ нему ведущей, и вмѣстѣ съ тѣмъ, сознаю, я сохранила желаніе вернуться въ Россію даже изъ этихъ красивыхъ мѣстъ, но какъ должны сожалѣть обитатели этой прекрасной страны, покидающіе ее для Россіи.“

¹⁾ Попеченіе.

Франкфуртъ н. М. 28 сент./10 окт. Восхитительные берега Майна. Сборъ винограда утромъ во Франкфуртъ. Услышала прекрасную церковную музыку — встала, чтобы посмотреть — это былъ похоронный кортежъ, остановившійся передъ церковью Екатерины, и органъ привѣтствовалъ шествіе — 7 часовъ вечеръ. Дѣти на уборкѣ винограда. Прекрасный голосъ поетъ „ti rivedro!“ и ружейные выстрѣлы веселыхъ и привѣтливыхъ сборщиковъ винограда напоминаютъ о ихъ невинной радости. Катя въ двухъ словахъ высказала сегодня утромъ свой характеръ. Она поручила Андрею подарить Сашкѣ куклу, которую она купила ей на именины и сказала мнѣ: „я такъ люблю дѣлать подарки, но мнѣ такъ стыдно ихъ отдавать“.

1 октября семейство Воейковыхъ переѣхало французскую границу, направляясь въ Гіеръ ¹⁾, а 3 октября, въ Страсбургѣ, заболѣлъ скарлатиною сынъ Свѣтланы, Андрюша. Новый ударъ для бѣдной больной и безпомощной Свѣтланы былъ крайне тяжелъ. Воейковъ писалъ объ этомъ тамъ же: „каково было жалкой моей страдальцѣ, въ трактирѣ, гдѣ по ея собственнымъ словамъ „гадко, холодно, въ чужомъ городѣ, гдѣ нѣтъ ни печей, ни двойныхъ рамъ, климатъ Петербургскій, а дома итальянскіе“ ²⁾.

О болѣзни Андрюши Жуковскій узналъ уже въ Петербургѣ, и спѣшно просилъ Тургенева, бывшаго тогда въ Парижѣ, навести о Сашѣ справки черезъ графиню Разумовскую. Самого Тургенева онъ просилъ не писать ей, все еще боясь возврата его страсти, и опасаясь возможности ихъ встрѣчи за границей, внѣ его вліянія. „Узнай объ ней, писалъ онъ, но прошу тебя будь остороженъ, чтобы ей не сдѣлать никакого безпокойства. Твое сношеніе съ нею кончено и не должно ни подъ какимъ видомъ возобновляться. На этотъ счетъ я былъ очень недоволенъ тобою въ Эмсѣ, за то, что ты говорилъ объ Сашѣ, и съ кѣмъ же? Съ Козловскимъ. Тогда я этого тебѣ не сказалъ. Теперь говорю съ тѣмъ, чтобы ты, если захочешь ей быть полезнымъ, выключилъ самого себя изъ этого и дѣйствовалъ черезъ другихъ. И такъ, о томъ что у тебя съ нею было — ни слова никому! Это обязанность твоя и передъ собою и передо мною. Заставь написать къ ней графиню и не выпускай ее изъ виду. Но самъ будь въ сторонѣ. Загладь старое“ ³⁾.

¹⁾ См. письмо Воейкова къ Маркевичу. Современникъ 1853 г. № 12.

²⁾ Болѣзнь Андрея, какъ извѣстно, осложнилась для него впоследствии и отразилась на умственныхъ способностяхъ веселаго,мышленнаго и красиваго въ дѣтствѣ мальчика. Къ счастью, Сашѣ не пришлось дожить до этого новаго для нея удара.

³⁾ См. письма Жуковского къ Тургеневу, 224.

Сашѣ немного позднѣе онъ писалъ о томъ же: „Какъ бы не желалъ помочь его горю, но вручить тебѣ его нельзя: опять голова его заколобродить, а тебѣ нуженъ покой, покой и покой. Я не желаю чтобы между вами была бы какая нибудь переписка. Его несчастье, что онъ лишилъ себя прежними глупостями той подпоры, которую бы могъ найти теперь, но поправить нечѣмъ“ ¹⁾).

Свѣтлана старалась исполнить завѣтъ друга, по возможности избѣгая переписки съ Тургеневымъ и лишь извѣстіе о смерти Сергѣя Тургенева вызвало у нея горячее письмо сочувствія къ бывшему другу, за которое она сейчасъ же вѣнится передъ строгимъ крестнымъ. Нѣсколько позднѣе, другая смерть, смерть графини Разумовской, заставила ее, чисто по практическимъ причинамъ, вступить въ переписку съ Александромъ Ивановичемъ, о чемъ она, снова оправдываясь, сообщала Жуковскому слѣдующими любопытными строками ²⁾:

„Спасибо, что рѣшилъ меня на счетъ Жеркура ³⁾ у насъ завязалась переписка отъ комиссій, которыя бѣдная гр. Разумовская взялась для меня сдѣлать, а такъ какъ здѣсь ничего нельзя имѣть, то я просила ее о многомъ, а потомъ и Жеркура, но такъ какъ письмо его въ благородномъ тонѣ, то я не боялась отвѣчать, хотя гораздо рѣже, чѣмъ получала отъ него. Мнѣ кажется ужасно глупо бояться вѣчно влюбить въ себя — надобно же оставить это преимущество красавицамъ. — Понимаю, или лучше не понимаю, а вѣрю и вижу, что можно меня любить, вы доказали — что даже можно желать *associer sa vie à la mienne* (соединить свою жизнь съ моей), но чтобы играть влюбленнаго, теперь уже не вижу никакой возможности“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она даже посылала Жуковскому тургеневскія письма для цензуры.

Болѣзнь Андриуши задержала Воейковыхъ въ Страсбургѣ, и лишь въ половинѣ ноября Саша съ семьею выѣхала въ Гіеръ, отправивъ по дорогѣ изъ Ліона слѣдующее коллективное письмо Жуковскому, Перовскому и графинѣ Толстой ⁴⁾

„Ліонъ. Площадь Белькуръ. Hôtel de Provence. 14/26 ноября 1827 адресовано Перовскому (переводъ).“

¹⁾ См. ч. II, письма Жуковского. См. также „Письма къ Тургеневу“, 236.

²⁾ Письмо изъ Гіера, см. ниже.

³⁾ Шуточное названіе, которымъ Саша и Жуковскій называли Тургенева. Очевидно, Саша благодаритъ крестнаго за разрѣшеніе писать къ Тургеневу.

⁴⁾ Подруга Саши. Урожденная Прасковья Васильевна Барыкова, жена полковн. гр. Андрея Андреевича Толстого. У нея было 3 дочери и 3 сына. († 1844 г.).

„Дорогой другъ, вотъ я и въ отелѣ Провансъ, хотя еще и не въ Провансѣ. вмѣсто трехъ дней, какъ мы разсчитывали, мой дорогой Жуковскій, я пріѣхала сюда только на восьмой вечеромъ, т. е. вчера, въ воскресенье. Снѣгу въ горахъ такъ много, что мы ѣдемъ черепашинымъ шагомъ и такъ какъ въ 4½ часа дня уже темно, мы должны иногда останавливаться уже въ 3 часа. Никогда никто не видалъ Франціи въ такомъ печальномъ видѣ. Все покрыто снѣгомъ, обстоятельство, котораго не запомнятъ старики; необходимо мое особое счастье, чтобы это случилось именно теперь. Гостинницы такъ холодны и такъ дороги, что трудно повѣрить. Вязанка дровъ въ два раза большая этого листка бумаги, стоитъ 30 су, — картофель погибъ — и встрѣчаешь только нищихъ. Красивыя французскія крестьянки (т. к. всѣ молодые, и мужчины и женщины, красивые) имѣютъ теперь карикатурный видъ, такъ какъ холодъ ихъ заставляетъ закутываться во все, что попадаетъ подъ руку. Часто (на нихъ надѣты) голубыя или бѣлыя рубашки, какъ наши крестьянскія, безъ поясовъ, круглая соломенная шляпа съ множествомъ лентъ, или черная суконная съ блондами, посаженными впереди головы, какъ на гравюрахъ, изображающихъ Шарлотту на могилѣ Вертера, — нельзя на нихъ смотрѣть безъ смѣха, особенно, когда онѣ дѣлаютъ реверансы. Ліонъ — городъ, который мнѣ нравится болѣе всего, что я видѣла, что же касается до путешествія, то оно гораздо пріятнѣе по Германіи, чѣмъ по вашей любимой Франціи, мой дорогой Жуковскій. Ліонъ великолѣпенъ. Церковь св. Іоанна заставила меня, не знаю почему, заплакать, когда я туда вошла. Представь себѣ, Полина ¹⁾, огромную церковь съ громадными сводами, поддерживаемыми колоннами, цвѣтныя стекла и въ глубинѣ, за алтаремъ, громадная стеклянная розетка. Когда я вошла, служили вечерню, было много народу и органъ игралъ. Большой алтарь былъ освѣщенъ множествомъ факеловъ и священникъ съ совершенно бѣлой головой стоялъ на ступеняхъ алтаря съ двумя красивыми мальчиками, которые держали толстыя свѣчи, — вся толпа на колѣняхъ. Я не забуду никогда Ліонъ. (Далѣе по русски) Жуковскій, помнишь ты мнѣ разъ въ альбомѣ написалъ чьи то стихи: „Ce jour sombre et ces vitraux gothiques, ce peuple prosterné au pied de l'Eternel.“ Прочти ихъ мнѣ въ честь, мнѣ бы хотѣлось прочесть, да не знаю чьи. Мы всѣ здоровы и это чудо! Андрей мой славно оправился и похорошѣлъ. У меня

¹⁾ Гр. Толстая.

спазмовъ давно не было. Вообще мнѣ лучше, чѣмъ было въ Германіи, только слабость такая же, двухъ шаговъ не могу сдѣлать, чтобы не задыхаться. Прощайте дѣти, не сердитесь, что пишу мало и ко всѣмъ вмѣстѣ. Пишу сколько есть силы. (Дальше снова по французски) Друзья мои, какъ я васъ люблю! Мой добрый Перовскій, что дѣлаете вы? Я надѣюсь что для меня будутъ письма въ Гіерѣ? Берегитесь если вы лѣнны! О какъ мнѣ нужны письма, моя душа такъ же слаба, какъ моя рука. Прощайте. (Конецъ по русски). Мнѣ сейчасъ принесли газеты. Господи! Дерптъ сгорѣлъ! что дѣлаетъ моя бѣдная маминька — не могу опомниться отъ мысли объ ея страхѣ. Бога ради напишите мнѣ правду живы ли они? Руки и ноги дрожать“.

Можно себѣ вообразить, въ какомъ состояніи ѣхала Свѣтлана до Гіера, волнуемая полученными изъ газетъ извѣстіями о пожарѣ Дерпта, сильно, по обыкновенію, преувеличенными. Любящая Саша не могла не беспокоиться объ оставленной тамъ матери, и съ нетерпѣніемъ ожидала извѣстій съ родины.

Н. В. Соловьевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Dessin par C. Natoire.

Gravé par C. N. Cochon.

ЗАМѢТКИ О НѢКОТОРЫХЪ БИБЛИОТЕКАХЪ.

Библиотека Дидро.

Однимъ изъ интереснѣйшихъ книжныхъ собраній XVIII-го вѣка является несомнѣнно библиотека извѣстнаго энциклопедиста Дидро, какъ по своему составу, такъ и по постигшей ее судьбѣ.

Исторія возникновенія библиотеки тѣсно связана съ работами французскаго писателя по составленію и выпуску въ свѣтъ знаменитой Энциклопедіи—„Dictionnaire Encyclopédique“—причемъ, исходя изъ характерныхъ особенностей статей, принадлежавшихъ перу Дидро въ этомъ изданіи, можно отчасти судить и о книгахъ, входившихъ въ составъ его книжнаго собранія.

Энциклопедія, по картинному выраженію Вольтера, представляла изъ себя „складъ человѣческихъ знаній“. Мысль объ изданіи Энциклопедіи принадлежала всецѣло Дидро, но надъ выполненіемъ этой мысли стали трудиться выдающіеся умы своего вѣка: Д'Аламберъ, Вольтеръ, Монтескьё, Руссо, Тюрго, Бюффонъ, Гольбахъ, Кондорсе и др. Для осуществленія этого литературнаго предпріятія были приглашены наиболѣе выдающіяся книгопродавческія фирмы, съ Ле-Бретономъ во главѣ, и почти всѣ свободные мыслители, ученые, специалисты, артисты и художники Франціи. Но душою всего изданія и главнымъ работникомъ отъ первой и до послѣдней книжки оставался все-таки одинъ Дидро.

Цѣлыхъ пять лѣтъ длилась подготовительная работа. Въ 1745 году было подано книгопродавцемъ Ле-Бретономъ прошеніе о правительственномъ разрѣшеніи на изданіе Энциклопедіи и только въ 1751 году вышелъ первый томъ. Въ слѣдующемъ, 1752 году, появился второй и затѣмъ до 1757 года всего вышло послѣдовательно семь томовъ. По мѣрѣ выхода каждаго тома, число подписчиковъ на изданіе и тиражъ экземпляровъ все время увеличивались и наконецъ при выходѣ седьмого тома дошли до небывалой для того времени цифры—4.000. Но на ряду съ этимъ увеличивалось и число враговъ новаго изданія. Рядъ памфлетовъ, нападокъ и обвиненій сыпался со всѣхъ сторонъ на авторовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Нѣкоторые увѣряли, что Энциклопедія издавалась съ единственною цѣлью уничтожить всѣхъ королей и всѣ религіи. Наконецъ генераль-прокуроръ возбудилъ формальное преслѣдованіе противъ

Энциклопедіи, которую онъ атестовалъ, какъ „позоръ для націй“ и въ которой онъ усматривалъ „нечестивые принципы и непріязненное отношеніе къ религіи и нравственности.“ Государственный Совѣтъ разсмотрѣлъ вышедшіе семь томовъ и мнѣніемъ своимъ положилъ: „воспрепятствовать не только дальнѣйшее печатаніе, но и продажу вышедшихъ уже томовъ изданія.“ Королевскимъ декретомъ Людовика XV отъ марта 1759 года мнѣніе это было утверждено, вопреки всѣмъ усиленнымъ хлопотамъ Дидро и его сотрудниковъ, и даже не смотря на защиту всемогущей маркизы Помпадуръ.

Но, помимо ожесточенныхъ враговъ, у Дидро и его изданія имѣлось и много сторонниковъ, и притомъ не только во Франціи, но и за границей. Одною изъ почитательницъ таланта писателя являлась супруга русскаго Императора Петра III, Императрица Екатерина Алексѣевна, избравшая Энциклопедію своею любимую настольной книгой съ самаго начала ея изданія. Благоволеніе ея къ Дидро дошло до того, что тотчасъ-же послѣ переворота 1762 года и восшествія своего на престолъ, она предложила писателю перенести печатаніе Энциклопедіи въ Петербургъ, причемъ предлагала ему свою помощь и покровительство. По поводу этого лестнаго для него приглашенія самъ Дидро отзывается такъ: „я получилъ черезъ посредство князя Голицына (тогдашняго русскаго посланника въ Парижѣ) приглашеніе отъ царствующей Императрицы Россіи пріѣхать въ Петербургъ, для окончанія нашего предпріятія. Мнѣ предлагаютъ полную свободу, защиту, почести, деньги, словомъ все, что только можетъ побудить людей, недовольныхъ своимъ отечествомъ и не привязанныхъ къ своимъ друзьямъ, покинуть родину.“ Тѣмъ не менѣе Дидро отвѣчалъ на это предложеніе отказомъ, мотивируя его тѣмъ, что всѣ рукописи принадлежатъ не авторамъ, а куплены мѣстными книгопродавцами, а потому онъ лично и не можетъ располагать ни однимъ листомъ. Кромѣ того энциклопедистамъ и не было нужды переносить свою дѣятельность куда-бы то ни было, такъ какъ, несмотря на запрещеніе, печатаніе слѣдующихъ томовъ продолжалось въ томъ же Парижѣ, причемъ только мѣсто печатанія изданія обозначалось на книгахъ не Парижъ, а Невшатель. Такихъ томовъ, сразу всѣхъ, выпущено было числомъ десять въ 1765 году, а затѣмъ въ 1772 году къ нимъ было добавлено еще 11 томовъ гравюръ и этимъ изданіе и закончилось.

Тѣмъ не менѣе преслѣдованія, возбужденныя правительствомъ противъ изданія, отзывались на немъ пагубно. Число сотрудниковъ постепенно сокращалось. Вышелъ, наконецъ, изъ ихъ состава и самый дѣятельный изъ сотрудниковъ — Д'Аламберъ и послѣдніе десять томовъ текста составлены были почти исключительно однимъ Дидро. Естественно, что при такомъ положеніи вещей, когда ему приходилось писать статьи по различнымъ отраслямъ знаній, заботы его о пріисканіи матеріала для этихъ статей, а наряду съ этимъ и о пополненіи своей собственной бібліотеки, должны были особенно усилиться.

При выпускѣ этихъ десяти послѣднихъ томовъ текста произошелъ инцидентъ, оказавшій крайне печальное вліяніе, какъ на психику Дидро, такъ и на его матеріальное благосостояніе. Инцидентъ этотъ, описанный самимъ энциклопедистомъ, заключался въ слѣдующемъ:

Послѣ происшедшаго въ 1759-мъ году перерыва рѣшено было выпустить въ свѣтъ разомъ всѣ остальные десять томовъ, и все изданіе

ихъ поручено было книгопродавцу Ле-Бретону. Рукописи были набраны; Дидро исправилъ первую корректуру, просмотрѣлъ вторую и затѣмъ возвратилъ гранки въ типографію, помѣтивъ на каждомъ листѣ — „*bon à tirer*“ (печатать) и скрѣпивъ своею подписью. Съ этого момента начались коварные продѣлки Ле-Бретона. Онъ и его факторъ, заботясь не о содержаніи, а лишь о сбытѣ изданія и о собственной безопасности, принялись вычеркивать, выбрасывать и уничтожать въ доставленныхъ имъ листахъ всякое мѣсто, всякую строчку или фразу, которыя, по ихъ мнѣнію, могли вызвать неудовольствіе или гнѣвъ правительства. Такимъ образомъ, по своему произволу, они привели большую часть лучшихъ, по мнѣнію Дидро, статей въ такой видъ, что онѣ походили на изуродованные отрывки, лишенные всего, что было въ нихъ цѣннаго. Далѣе Дидро прибавляетъ: „окончивъ свою разрушительную работу, они приступили къ печатанію, а чтобы сдѣлать свое злодѣяніе непоправимымъ, они сожгли и оригинальныя рукописи и корректурныя листы“.

По поводу того-же инцидента, въ мемуарахъ дочери Дидро, г-жи Вандейль, озаглавленныхъ — „*Mémoires pour servir à l'histoire de la vie et des oeuvres de Diderot*“ — имѣется слѣдующее курьезное сообщеніе: „*Mon père exigea que l'on tirât un exemplaire pour lui avec des colonnes où tout était rétabli; cet exemplaire est en Russie avec sa bibliothèque*“¹⁾. Это сообщеніе, появившееся много лѣтъ спустя послѣ смерти Дидро, является совершенно невѣроятнымъ. Прежде всего, очень трудно предположить, чтобы издатель согласился заново набирать и печатать одинъ экземпляръ исключительно для составителя, такъ какъ это сопряжено было съ большими хлопотами и издержками. Затѣмъ, это противорѣчитъ сообщенію самаго Дидро о томъ, что всѣ рукописи и корректурныя листы были сожжены и „злодѣяніе оказалось непоправимымъ“. Наконецъ — подобнаго единственного полного экземпляра нигдѣ въ Россіи найдено не было.

Много потрудился Дидро надъ излюбленнымъ своимъ дѣтищемъ и когда наконецъ закончилъ свой трудъ, то оказался такимъ же неимущимъ, какъ и въ то время, когда его началъ. Самъ онъ про себя по этому поводу пишетъ: „я убилъ лучшіе годы моей жизни на Энциклопедію, далъ книгопродавцамъ пріобрѣсти два милліона франковъ и самъ остался безъ гроша.“ Въ 1765 году матеріальное положеніе его было такъ плохо, что онъ вынужденъ былъ рѣшиться на экстраординарную мѣру, а именно — продать свою библіотеку. Покупателемъ явился нѣкій парижскій нотаріусъ По-д'Отейль и уже сдѣлка готова была состояться, когда въ дѣло вмѣшалась русская Императрица. Прослышавъ о печальномъ матеріальномъ положеніи своего любимаго писателя и о предполагаемой продажѣ его библіотеки, Екатерина повелѣла своему посланнику въ Парижѣ, князю Голицыну предложить Дидро слѣдующія условія: Императрица выплачивала за библіотеку единовременно 15.000 франковъ, затѣмъ оставляла ту-же библіотеку въ непосредственномъ его распоряженіи, а самого его принимала на свою службу въ качествѣ библіотекаря Ея Величества, съ ежегоднымъ жалованьемъ, присвоеннымъ этой должности въ 1.000 франковъ. Такое предложеніе явилось для Дидро настоящимъ благодѣяніемъ и онъ, конечно, съ радостью на него согласился.

¹⁾ „Мой отецъ потребовалъ, чтобы былъ отпечатанъ одинъ экземпляръ въ колоннахъ, въ которомъ все было-бы возстановлено; этотъ экземпляръ находится въ Россіи вмѣстѣ съ его библіотекой.“

Эта покупка библіотеки Дидро, притомъ въ такой деликатной формѣ, въ какую благодѣяніе было облечено, поставило Екатерину весьма высоко въ глазахъ всѣхъ энциклопедистовъ. Д'Аламберъ и Вольтеръ написали Екатеринѣ благодарственные письма, причемъ послѣдній выражалъ, что за помощь, оказанную Дидро, „всѣ писатели Европы должны пасть къ ногамъ Ея Величества.“ Екатерина отвѣчала обоимъ почти въ тождественныхъ выраженіяхъ: „Я никогда не предполагала, что покупка библіотеки Дидро можетъ привлечь мнѣ столько похвалъ; но согласитесь, что было-бы жестоко и несправедливо разлучать ученаго съ его книгами.“

Жалованье, назначенное Дидро, какъ сообщаетъ въ своихъ мемуарахъ его дочь, г-жа Вандейль, нарочно забывали уплачивать въ теченіе двухъ лѣтъ, а затѣмъ подъ благовиднымъ предлогомъ — „чтобы избѣжать впредь подобной забывчивости“ — ему была прислана сразу крупная сумма въ 50.000 франковъ — авансомъ за пятьдесятъ лѣтъ впередъ. На Екатерину снова посыпались похвалы. „Это благодѣяніе“ — писалъ Императрицѣ Д'Аламберъ — „еще болѣе драгоцѣнно по той любезности, съ которою Ваше Величество сдѣлали его и которую вы такъ умѣете придавать всему. Ваши милости, Государыня, способны утѣшить философію въ нападкахъ, испытываемыхъ ею со стороны фанатизма и невѣжества.“

Библіотека оставалась въ фактическомъ владѣніи Дидро по самый день его смерти, т. е. до 31-го іюля 1784-го года, а затѣмъ, послѣ выполнения всѣхъ необходимыхъ формальностей, была препровождена княземъ Голицынымъ, въ началѣ 1786-го года, въ Петербургъ, гдѣ и выставлена въ одной изъ залъ Эрмитажа. Екатерина чрезвычайно интересовалась своею покупкою. Вслѣдъ за полученіемъ извѣстія о смерти Дидро, она проситъ Гримма купить всѣ сочиненія Дидро и „прислать ихъ вмѣстѣ съ библіотекой.“ Черезъ два мѣсяца она вновь напоминаетъ о библіотекѣ, но уже съ укоризной: „Ну что-же вы дѣлаете съ библіотекой Дидро? Получу-ли я ее когда нибудь?“ Далѣе, черезъ четыре мѣсяца пишетъ опять: „А библіотеки Дидро все еще нѣтъ!“ Наконецъ, въ слѣдующемъ письмѣ, черезъ двѣ недѣли: „Я все еще ожидаю библіотеку Дидро.“

Дальнѣйшая судьба библіотеки очень оригинальна. Послѣ смерти Екатерины, видимо, ею мало интересовались, но она еще долго существовала въ неприкосновенномъ видѣ въ Эрмитажѣ, пока, наконецъ, въ 60-хъ годахъ прошлаго вѣка не была препровождена въ Императорскую Публичную Библіотеку, гдѣ и была размѣщена тогда-же по разнымъ заламъ и по разнымъ отдѣламъ и шкапамъ, смотря по содержанію. Такимъ образомъ книги сохранились, но библіотека, какъ нѣчто цѣлое, какъ собраніе книгъ, принадлежавшихъ нѣкогда извѣстному лицу, исчезла безъ слѣда. Объ этомъ нельзя не пожалѣть въ особенности потому, что, какъ извѣстно, Дидро имѣлъ привычку дѣлать на поляхъ книгъ свои отмѣтки, записывать впечатлѣнія, излагать мысли, навѣянные чтеніемъ. Такимъ образомъ, на его книгахъ должны были сохраниться слѣды его умственной работы въ видѣ автографовъ, быть можетъ, нигдѣ до сихъ поръ ненапечатанныхъ. Нынѣ возстановить всю библіотеку Дидро очень трудно, тѣмъ болѣе, что, какъ кажется, въ Публичной Библіотекѣ не сохранилось даже описи, по которой получены были книги изъ Эрми-

тажа. Между тѣмъ опись эта, несомнѣнно, въ свое время должна была существовать. Существовалъ также нѣкогда, несомнѣнно, и каталогъ библіотеки, препровожденный въ свое время изъ Парижа Екатеринѣ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ одно изъ писемъ Императрицы къ Гримму — отъ ноября 1785 года — въ которомъ она, между прочимъ говоритъ: „Въ каталогѣ библіотеки Дидро я нашла тетрадь...“ и т. д. Гдѣ хранится въ настоящее время этотъ каталогъ и сохранился-ли онъ вообще, пока точно также неизвѣстно. Обнаруженіе этого каталога принесло-бы существенную пользу; такъ какъ помогло-бы, на радость библіофиламъ, возстановленію библіотеки знаменитаго энциклопедиста въ ея первоначальномъ, полномъ видѣ.

Дидро, какъ извѣстно, пользовался также большимъ значеніемъ въ глазахъ Екатерины и какъ художественный критикъ и какъ знатокъ искусства. По его рекомендаціи приглашенъ былъ въ Россію французскій скульпторъ Фальконе, знаменитый творецъ конной статуи Петра Великаго на Сенатской площади. По поводу этого приглашенія Екатерина упоминаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ: „Дидро рекомендуетъ намъ своихъ друзей и далъ мнѣ случай пріобрѣсти человѣка, которому, я думаю, нѣтъ равнаго: это Фальконе. Онъ скоро начнетъ статую Петра Великаго. Если и есть художники равные ему по искусству, то, я думаю, смѣло можно сказать, что нѣтъ такихъ, которыхъ можно бы сравнить съ нимъ по чувствамъ; словомъ, это душевный другъ Дидро.“

По указаніямъ Дидро, Екатерина, мало понимавшая въ искусствѣ, купила за границей много картинъ Мурильо, Дау, Ванло, и другихъ художниковъ, а также и много гравюръ. Знаменитая галлерей барона Тьера, въ которой находились произведенія кисти Рафаэля, Ванъ-Дейка, Рембрандта, Пуссена и др., всего до 500 картинъ, была куплена за 460.000 франковъ тоже черезъ посредство Дидро. По поводу покупки этой галлерей Дидро писалъ своему другу Фальконе: „Ахъ, мой другъ, какъ мы измѣнились! Среди полного мира мы продаемъ наши картины и статуи, а Екатерина скупаетъ ихъ въ разгаръ войны. Науки, искусства, вкусъ, мудрость восходятъ къ сѣверу, а варварство со своимъ кортежемъ нисходитъ на югъ.“

Въ оцѣнкѣ правильности взглядовъ Дидро, какъ компетентнаго художественнаго критика, Екатерина не ошибалась. Его образы художественныхъ выставокъ, такъ называемые „Salons“, высоко цѣнятся знаатоками искусства даже и въ настоящее время.

Умеръ Дидро въ приходѣ церкви Св. Роха, въ Парижѣ. Въ протоколахъ этой церкви значится: „1784 года, августа 1-го, въ сей церкви погребенъ Денисъ Дидро, 71 года, членъ берлинской, стокгольмской и санктпетербургской академій наукъ, библіотекарь Ея Императорскаго Величества Екатерины Второй, Императрицы Россіи.“

М. Т — въ.

Dessin, par C. Natoin

Gr. par C.N. Cochlin.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ИКОНОГРАФИЯ НА МОСКОВСКИХ ВЫСТАВКАХЪ. ДЕКАБРЬ 1914 — ЯНВАРЬ 1915.

Опытъ регистраціи.

Интересъ къ иконографіи, т. е. къ описанію и изученію художественныхъ изображеній знаменитыхъ и просто видныхъ людей опредѣленнаго государства, или совокупно всѣхъ культурныхъ странъ, такъ-же старъ, какъ исторія искусства вообще, а быть можетъ даже старше ея. Равнымъ образомъ, собираніе портретовъ, писанныхъ, рисованныхъ, гравированныхъ и даже изваянныхъ, издревле составляетъ одну изъ любимѣйшихъ отраслей художественнаго коллекціонерства. Нѣтъ нужды указывать здѣсь на многочисленныя существовавшія и по сей день существующія портретныя галлерей и коллекціи семейнаго, династическаго, національнаго или международнаго характера, могущія служить доказательствомъ этого собирательства, а тѣмъ менѣе хочется перечислять безконечный рядъ иностранныхъ изданій, словарей, монографій, альбомовъ и изслѣдованій, посвященныхъ той или другой отрасли иконографіи.

Въ отличіе отъ Запада, въ Россіи пока не имѣется общественныхъ портретныхъ галлерей широкаго размѣра, а существуютъ лишь болѣе спеціальныя: „Романовская Галлерей“ при Эрмитажѣ, „Галлерей Петра Великаго“ въ Императорской Публичной Библиотекѣ въ Петроградѣ, „Галлерей 1812 г.“ въ Зимнемъ Дворцѣ, да, пожалуй, еще лишенное художественнаго значенія „Дашковское собраніе портретовъ“ при Румянцовскомъ Музеѣ. О живомъ интересѣ къ отечественной иконографіи, однако, свидѣтельствуетъ значительное количество собирателей русскихъ гравированныхъ портретовъ, среди которыхъ достаточно назвать хотя бы только общеизвѣстныя фамиліи покойныхъ Васильчикова, П. Я. Дашкова, Д. А. Ровинскаго и здравствующихъ по нынѣ А. В. Морозова, С. П. Виноградова, И. Д. Орлова. Не менѣе внушительною представляется русская иконографическая литература, и такія капитальныя изданія, какъ классическій „Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ“, Ровинскаго, великолѣпный многотомный трудъ Вел. Князя Николая Михайловича „Русскіе Портреты XVIII и XIX вѣка“, или новѣйшій „Каталогъ собранія русскихъ гравированныхъ и литографи-

рованныхъ портретовъ“ А. В. Морозова оставляя въ сторонѣ множество болѣе монографическихъ изслѣдованій, не имѣютъ много соперниковъ даже за границей. Last not least слѣдуетъ еще упомянуть о многократно устроенныхъ въ столицахъ портретныхъ выставкахъ, на которыхъ, въ особенности на колоссальной выставкѣ 1905 г. въ Таврическомъ Дворцѣ, собранъ былъ необычайно обильный и цѣнный художественно-иконографическій матеріалъ.

Когда изучаешь русскую иконографическую литературу и внимательно присматриваешься къ статьямъ, матеріаламъ и замѣткамъ изъ данной области, появляющимся въ періодическихъ изданіяхъ, сразу убѣждаешься, что главную роль, — (въ значительной степени это, впрочемъ, касается и иностранной литературы) — здѣсь играетъ прошлое, новѣйшему же времени удѣляется лишь малая доля вниманія. Изображенія извѣстныхъ лицъ болѣе или менѣе отдаленныхъ временъ усиленно розыскиваются и коллекционируются, и каждый отдѣльный портретъ тутъ подвергается всестороннему изслѣдованію и бережной каталогизации. Правда, и по отношенію къ прошлому мы все еще находимся въ стадіи подготовительныхъ работъ, и пока не можемъ похвастать трудами, которые полностью, не довольствуясь одними гравированными портретами, исчерпывали бы иконографію кого-нибудь изъ знаменитыхъ русскихъ людей. Но все же для будущихъ авторовъ синтетическихъ трудовъ уже накопленъ громадный научный матеріалъ, который постоянно пополняется и исправляется. Станнымъ образомъ, однако, сознавая всю важность и трудность собиранія иконографическихъ документовъ, мы почему-то останавливаемся исключительно на прошломъ и легкомысленно проходимъ мимо творчества нашихъ дней, ничуть не заботясь о приведеніи его въ извѣстность путемъ соотвѣтствующей регистраціи. Объ иконографіи даже наиболѣе крупныхъ изъ современныхъ писателей, художниковъ, ученыхъ, общественныхъ дѣятелей и т. п. не имѣется мало мальски точныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній, и я затруднялся бы указать хоть нѣсколько серьезныхъ работъ на подобныя темы. Обыкновенно ограничиваются рядомъ особенно популярныхъ портретовъ, которые воспроизводятся безконечное количество разъ, и даже въ специальныхъ біографіяхъ нашихъ знаменитостей мы напрасно стали бы искать исчерпывающей замѣтки о всѣхъ ихъ изображеніяхъ. Ее не находишь даже въ такихъ изданіяхъ, какъ, напримѣръ, художественныя монографіи о Врубель, Левитанъ и Сѣровъ, изданныя подъ редакціей И. Э. Грабаря, гдѣ, казалось бы, обзоръ иконографіи безвременно умершихъ мастеровъ не представлялъ большихъ трудностей.

Какъ разъ въ наше время, относящееся болѣе чутко, чѣмъ прежнія эпохи, къ охранѣ и къ инвентаризации памятниковъ искусства, такое положеніе, конечно, аномально, и давно пора взяться за его исправленіе. Въдѣ неразумно и немного смѣшно, подробно описывать любую старинную гравюру или литографію, художественная и иконографическая цѣнность которой подчасъ болѣе чѣмъ сомнительна, а на ряду съ этимъ оставлять безъ вниманія появляющіеся новые масляные, или карандашные портреты. Мы давно пользуемся словаремъ гравированныхъ портретовъ и, какъ извѣстно, въ настоящее время готовится еще изданіе словаря русскихъ литографированныхъ изображеній. Надо надѣяться, что рано или поздно мы, кромѣ того, дождемся и общаго русскаго иконографи-

ческаго словаря, въ потребности котораго наврядъ-ли можно сомнѣваться. Для этого будущаго изданія мы обязаны, по мѣрѣ возможности, накапливать матеріалъ.

Конечно, упущеннаго въ продолженіе цѣлыхъ десятилѣтій теперь не вернешь, и регистраціонную работу надо начать съ текущихъ дней. Непосредственнымъ и наиболѣе обильнымъ источникомъ для нея могутъ служить ежегодныя художественныя выставки, на которыхъ періодически появляется огромное большинство современныхъ портретовъ. Изъ послѣднихъ только часть, поступая въ публичныя галлерей и болѣе видныя частныя коллекціи, до извѣстной степени дѣлается общимъ достояніемъ, остальные - же возвращаются въ мастерскія художниковъ, или попадаютъ въ частныя руки, гдѣ обыкновенно слѣдъ ихъ надолго исчезаетъ. Думается, что ввиду этого крайне желательно было - бы составлять ежегодно алфавитные списки всѣхъ портретовъ дѣятелей на поприщѣ искусства, литературы, науки, общественности, политики и т. д., фигурировавшихъ на выставкахъ Петрограда, Москвы и, пожалуй, еще Одессы и Кіева, съ указаніемъ автора, техники исполненія и, по возможности, владѣльца. Трудъ былъ-бы не очень сложный, и такимъ путемъ, въ итогѣ получился-бы приблизительный перечень художественныхъ портретовъ за опредѣленный періодъ времени, важность котораго для иконографіи не приходится доказывать.

Для перваго опыта я поставилъ себѣ задачей дать обзоръ портретовъ на московскихъ выставкахъ за декабрь 1914 — январь 1915 г. Нѣкоторыя изъ этихъ выставокъ носили ретроспективный характеръ, и на нихъ находилось много давнишнихъ работъ русскихъ художниковъ, которыя я, однако, не считалъ нужнымъ исключить изъ списка, тѣмъ болѣе что онѣ наврядъ-ли гдѣ нибудь были описаны. Какъ при каждой инвентаризаціи, и тутъ, естественно, явилось нѣсколько принципиальныхъ вопросовъ, требующихъ опредѣленнаго рѣшенія. Слѣдуетъ-ли, напримѣръ, отмѣчать всѣ портреты извѣстныхъ людей, независимо отъ ихъ художественной цѣнности, или-же придерживаясь извѣстнаго, хотя-бы очень скромнаго уровня? А какъ понимать самъ терминъ „извѣстнаго человѣка“, по природѣ своей столь неясный и растяжимый? Думается, что при оцѣнкѣ даже чисто иконографическаго документа необходимо руководствоваться нѣкоторой художественной мѣркой, чтобы избѣжать излишняго балласта, затрудняющаго всякую регистрацію. Границы - же „извѣстности“ въ данномъ случаѣ можно опредѣлить довольно широко, такъ какъ при окончательной сортировкѣ первоначальнаго матеріала въ свое время нѣкоторые портреты могутъ быть исключены.

П. ЭТТИНГЕРЪ.

Артемъ (Артемьевъ), Александръ Родіоновичъ, артистъ Моск. Художеств. Театра. Поколѣнный портретъ, сидя (масло), раб. Николая Петровича Богданова-Бѣльскаго; на 43-й Передвижной Выставкѣ. Собств. Михаила Тимоѳ. Соловьева, въ Москвѣ ¹⁾.

Баженовъ, Николай Николаевичъ, психіатръ, главный врачъ Преображенской Психіатр. Больницы, въ Москвѣ.

¹⁾ Тамъ, гдѣ фамилія владѣльца портрета не указана, послѣдній составляетъ пока собственность автора-художника.

1) „Н. Н. Баженовъ при работѣ“, жанровая картина (масло, 1911 г.), раб. Васи́лія Никитича Мѣшкова; на 43-й Передвижной Выставкѣ.

2) Поясной портретъ, сидя за столомъ (масло), раб. Розы Рюссъ; на 1-й выст. „Московск. Общ. Художницъ“.

Бакшеевъ, Васи́лій Николаевичъ, художникъ (род. 1862 г.), членъ „Тов. Передвижныхъ Худ. Выставокъ“, преподаватель Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Покло́бный портретъ, стоя (пастель), раб. Серге́я Васи́льевича Ма́лютина; на 43-й Передвижной Выставкѣ.

Бродскій, Исаакъ Израиловичъ, художникъ, членъ „Союза Русскихъ Художниковъ“.

1) Поясной портретъ, въ шляпѣ (масло, 1911 г.), раб. Ильи Ефимовича Рѣпина; на выставкѣ „Художники — Товарищамъ Воинамъ“.

2) Бюстъ (дерево) раб. скульптора Исаака Абрамовича Менделевича; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Брокеръ, Генрихъ Афанасьевичъ (1837 — 1909 г.). московскій фабрикантъ, небезызвѣстный коллекционеръ, собраніе картинъ котораго раздѣлено между его наслѣдниками.

Бюстъ (дерево 1912 г.), посмертный, раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выставкѣ художницы въ Музеѣ Александра III.

Бѣляевъ, Юрій Дми́тріевичъ, писатель, сотрудникъ „Новаго Времени“.

Покло́бный портретъ, стоя (масло), раб. Павла Дми́тріевича Шма́рова, на 43-й Передвижной Выставкѣ.

Бѣлый, Андрей (Борисъ) Николаевичъ Бугаевъ, писатель.

Бюстъ (этюдь и портретъ, гипсъ 1907 г.), раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выст. художницы въ Музеѣ Александра III.

Васнецовъ, Аполлипа́рій Миха́йловичъ, художникъ (род. 1856 г.), членъ Императорской Академіи Художествъ, преподаватель Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества, членъ „Союза Русскихъ Художниковъ“.

Поясной портретъ (масло, 1879 г.), раб. Никола́я Дми́тріевича Кузнецова; на выст. „Художники — Товарищамъ Воинамъ“. Собственность А. М. Васнецова.

Васнецовъ, Викторъ Миха́йловичъ, художникъ (род. 1848 г.).

„В. М. Васнецовъ въ поѣздѣ Моск.-Яросл. ж. д., “карандашный набросокъ” (1880 г.) Ильи Ефимовича Рѣпина; на выст. „Художники — Товарищамъ Воинамъ“. Собств. проф. московской Консерваторіи Виктора Нееровича Денте.

Вилля́мъ, Елена Николаевна, художница (род. 1862 г.).

Головной автопортретъ (эскизъ масломъ, 1903 г.); на 1-ой выст. „Моск. Общества Художницъ“.

Городецкій, Серге́й, писатель.

Небольшой его портретъ вмѣстѣ съ супругой (масло, 1914 г.) раб. Ильи Ефимовича Рѣпина; на 43-й Передвижной Выст. Приобрѣтено въ галерею И. Е. Цвѣткова, въ Москвѣ.

Гофманъ, Иосифъ, знаменитый пианистъ (род. 1876 г.).

1) Этюдь съ натуры, за роялемъ (набросокъ карандашомъ въ Киссингенѣ, 1912 г.), раб. Леони́да Осиповича Пастернака; на 1-ой выст. „Моск. Общ. Художницъ“. Аналогичный другой этюдь съ Г. находится у художницы О. А. Айзенманъ-Бари, въ Москвѣ.

2) „Гофманъ на эстрадѣ залы Благороднаго Собранія въ Москвѣ“ (пастель, 1913 г.) раб. Екатери́ны Васи́льевны Гольдингеръ; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Жуковская-Игнатьева, Александра Александровна, художница.

Грудной автопортретъ (пастель, 1914 г.), на 43-й Передвижной Выставкѣ.

Захаровъ, Ѳеодоръ Ивановичъ, художникъ (род. 1882 г.), членъ „Тов. Московскихъ Выставокъ“.

Грудной автопортретъ (миніатура масломъ, 1913 г.); на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“. Собств. Петра Тимофеевича Стулова въ Москвѣ. Другой автопортретъ 3. (карандашемъ, 1911 г.) находится у пишущаго эти строки.

Ивановъ, Сергій Васильевичъ, художникъ (1864 — 1910).

Статуэтка (гипсъ, 1901 г.) раб. скульптора Сергѣя Михайловича Волнухина; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Каменскій, Сергій Васильевичъ, поэтъ-футуристъ.

Грудной портретъ (масло, 1911 г.) раб. Ильи Ефимовича Рѣпина; на 43-й Передвижной Выст.

Качаловъ (Шверубовичъ), Василій Ивановичъ, артистъ Моск.-Художеств. Театра.

Головной портретъ (рисунокъ карандашемъ) раб. Александра Арнольдовича Койранскаго; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Киселевъ, Александръ Александровичъ, художникъ (1838 — 1911 г.), членъ Имп. Академіи Художествъ.

Поясной портретъ (карандашемъ, 1911 г.) раб. Михаила Ѳеодоровича Шемякина; на выст. „Художники — Жертвамъ Войны“.

Кишкинъ, Николай Михайловичъ, московскій врачъ и общественный дѣятель.

Грудной портретъ (масло) раб. Розы Рюссъ; на 1-ой выст. „Моск. Общ. Художницъ“.

Кончаловскій, Петръ Петровичъ, художникъ, членъ Общ. „Бубновый Валетъ“.

Автопортретъ, въ ростъ, сидя въ бѣломъ халатѣ, рядомъ семья художника (масло, 1911 г.); на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Княжевичъ, Елена Ивановна, артистка театра К. Незлобина въ Москвѣ.

Портретъ въ ростъ, стоя (масло, 1913 г.), раб. Валентина Александровича Яковлева; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“. Собств. писателя М. П. Арцыбашева, супруга артистки.

Коренева, Лидія Михайловна, артистка Моск. Художеств. Театра.

1) а) Поколѣнный портретъ, сидя, въ цвѣтной шали (пастель 1914 г.) и б) карандашный набросокъ (1914 г.) раб. Екатерины Васильевны Гольдингеръ; на 12-ой выст. „Союза Русскихъ Художниковъ“.

2) „Коренева въ „Нахлѣбникѣ“ (рисунокъ карандашемъ, 1912 г.) раб. Дмитрія Ивановича Мельникова; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Коринъ, Алексѣй Михайловичъ, художникъ (род. 1865 г.), членъ „Тов. Передвижныхъ Худ. Выставокъ“.

Статуэтка (гипсъ) раб. скульптора Сергѣя Михайловича Волнухина на выст. „Художники — Товарищамъ Воинамъ“.

Ланговой, Алексѣй Петровичъ, московскій врачъ, владѣлецъ собранія картинъ русскихъ мастеровъ, членъ Совѣта Третьяковской Галлерей (род. 1856 г.).

Поколѣнный портретъ, сидя (пастель, 1914 г.) раб. Сергѣя Васильевича Малютина; на 12-ой выст. „Союза Русскихъ Художниковъ“.

Левитанъ, Исаакъ Ильичъ, художникъ (1861 — 1900 г.).

Грудной портретъ (масло, 1891 г.), раб. Василия Дмитріевича Полѣнова; на выст. „Художники — Жертвамъ Войны“. Собств. Владимира Егоровича Шмаровина въ Москвѣ. Воспроизведенъ въ монографіи Сергѣя Глаголя (изд. І. Кнебеля).

Ментеръ, Софія, знаменитая піанистка (род. 1846 г.), бывший профессоръ Петроградской Консерваторіи.

Два меленькихъ поясныхъ портрета (наброски карандашемъ, 1887 г.), исп. Ильей Ефимовичемъ Рѣпинымъ въ замкѣ піанистки въ Тиролѣ; на выст.

„Художники—Товарищамъ Воинамъ“. Собств. проф. московской консерваторіи Виктора Нееровича Денте.

Мессингъ, Элгаръ Ивановичъ, литераторъ.

Эскизъ портрета (углемъ, 1911 г.) раб. Елены Николаевны Вилльямъ; на 1-ой выст. „Моск. Общ. Художницъ“.

Минаковъ, Петръ Андреевичъ, бывший проректоръ Моск. Университета и профессоръ по кафедрѣ судебной медицины.

Голова, выльпленная изъ воска, раб. скульптора Сергѣя Дмитріевича Меркурова; на выставкѣ „Художники Москвы—Жертвамъ Войны“.

Назаревскій, Александръ Владиміровичъ, историкъ искусства, хранитель Музея Изыщныхъ Искусствъ им. Имп. Александра III, въ Москвѣ.

Бюстъ (дерево, 1911 г.) раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выст. художницы въ Музеѣ Александра III.

Ноаковский, Станиславъ Владиславовичъ, художникъ-архитекторъ преподаватель Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества и Строгановскаго Училища въ Москвѣ.

Грудной портретъ (масло, 1914 г.) раб. Сергѣя Ивановича Иванова; на 36-ой выст. учащихся Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Огневъ, Иванъ Фроловичъ, бывший профессоръ Моск. Университета по кафедрѣ гистологіи (род. 1855 г.).

Поясной портретъ (темпера, 1914 г.) раб. Екатерины Васильевны Гольдингеръ; на 12-ой выст. „Союза Русскихъ Художниковъ“. собств. семьи Огневыхъ

Пастернакъ, Леонидъ Осиповичъ, художникъ (род. 1862 г.), членъ „Союза Русскихъ Художниковъ“, преподаватель Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Поколѣнный автопортретъ (рисунокъ карандашемъ, 1914 г.); на 12-ой выст. „Союза Русскихъ Художниковъ“. Собств. Льва Самойловича Лившицъ, въ Ниццѣ.

Переплетчиковъ, Василій Васильевичъ, художникъ (род. 1863 г.), членъ „Союза Русскихъ Художниковъ“.

Бюстъ (гипсъ, 1899 г.) раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выст. художницы въ Музеѣ Александра III.

Поповъ, Иванъ Ивановичъ, публицистъ, бывший редакторъ журнала „Восточное Обозрѣніе“.

Грудной портретъ (масло) раб. Розы Руссъ; на 1-ой выст. „Московского Общества Художницъ“.

Постниковъ, Петръ Ивановичъ, извѣстный московскій хирургъ (1861 г.).

Портретъ въ ростъ, сидя (масло, 1911 г.) раб. Василя Никитича Мѣшкова; на выст. „Художники Москвы—Жертвамъ Войны“. Другой портретъ П. того-же художника, сангиной, находится у самого П. И.

Ремизовъ, Алексѣй Михайловичъ, писатель.

Бюстъ въ гипсѣ и деревѣ (1911 г.) раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выст. художницы въ Музеѣ Александра III. Деревянный бюстъ пріобрѣтенъ въ Третьяковскую Галлерею.

Ржевская, Антонина Леонардовна, художница (род. 1861 г.), членъ „Тов. Передвижныхъ Худ. Выставокъ“.

„Дама въ черномъ“ (масло, около 1900 г.) раб. Елены Николаевны Вилльямъ; на 1-ой выст. „Моск. Общества Художницъ“.

Римскій-Корсаковъ, Николай Андреевичъ, знаменитый композиторъ (1844—1908).

„Римскій-Корсаковъ дирижируетъ оркестромъ“ (карандашный набросокъ, 1882 г.) раб. Ильи Ефимовича Рѣпина; на выст. „Художники—Товарищамъ Воинамъ“. Собств. проф. московской Консерваторіи Виктора Нееровича Денте.

Станиславскій (Алексѣевъ), Константинъ Сергѣевичъ, артистъ основатель и руководитель Моск. Художеств. Театра.

Головной портретъ (рисунокъ карандашомъ) раб. Александра Арнольдовича Койранскаго; на выставкѣ „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Сѣверянинъ, Игорь (Игорь Васильевичъ Лопаревъ), поэтъ.

Грудной портретъ (рисунокъ углемъ, 1914 г.) раб. Розы Рюссъ; на 1-ой выст. „Общ. Моск. Художницъ“.

Сѣровъ, Валентинъ Александровичъ, художникъ (1865 — 1911).

Портретъ въ ростъ, сидя (масло) раб. скульптора Ивана Семеновича Ефимова; на выставкѣ „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“. Иконографическая цѣнность этого посмертнаго изображенія незначительна.

Телешовъ, Николай Дмитриевичъ, писатель (род. 1868 г.).

Поясной портретъ (пастель) раб. Сергѣя Васильевича Милютина, на выст. „Художники — Товарищамъ Войнамъ“. Собств. Н. Д. Телешова въ Москвѣ.

Графъ Толстой, Алексѣй Николаевичъ, писатель.

Бюстъ (дерево) раб. Анны Семеновны Голубкиной; на выст. художницы въ Музеѣ Александра III. Приобрѣтенъ въ Третьяковскую Галерею.

Графъ Толстой, Левъ Николаевичъ, знаменитый писатель (1828 — 1910).

1) Грудной портретъ (пастелью и цвѣтными карандашами 1901 г.) раб. Леонида Осиповича Пастернака; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

2) Головной портретъ (каранд. набросокъ 1909 г.) раб. Ивана Кондратьевича Крайтора; на той-же выставкѣ.

Чернышевъ, Николай Михайловичъ, художникъ, членъ общ. „Московский Салонъ“

Два головныхъ автопортрета, въ профиль и en face (масло, 1913 г.); на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Шаляпинъ, Федоръ Ивановичъ, знаменитый пѣвецъ (род. 1873).

Портретъ въ ростъ, полулежа на диванѣ съ собакой (масло 1914 г.), раб. Ильи Ефимовича Рѣпина; на 43-й Передвижной Выставкѣ.

Шукинъ, Сергѣй Ивановичъ, извѣстный московскій коллекционеръ, (род. 1854 г.).

Поклонный портретъ, сидя (масло, 1914 г.), раб. Дмитрія Ивановича Мельникова. Находится въ Психологическомъ Институтѣ при Московскомъ Университетѣ.

Эйгесъ, Константинъ Романовичъ, композиторъ.

Головной портретъ (рисунокъ углемъ 1914 г.) раб. Веніамина Романовича Эйгеса; на 36-ой выст. учащихся Моск. Училища Живописи, Ваянія и Зодчества.

Энгель, Юлій Дмитриевичъ, композиторъ и музыкальный критикъ (род. 1868 г.).

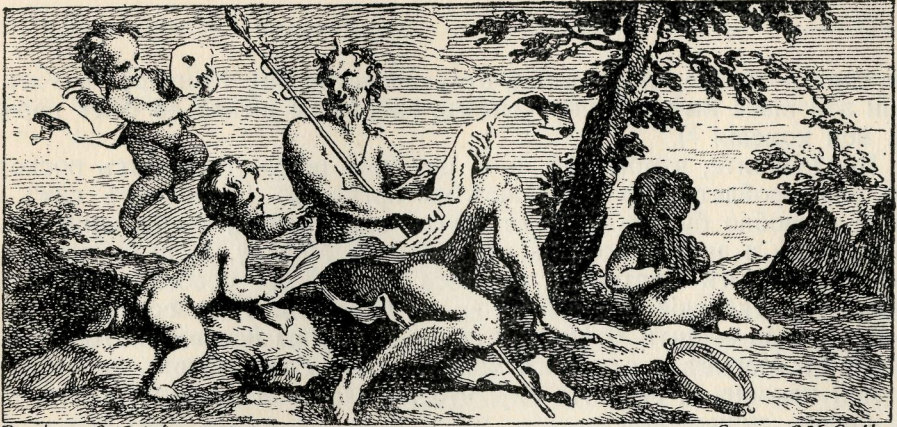
Портретъ въ ростъ, сидя на диванѣ (масло, 1910 г.) раб. Леонида Осиповича Пастернака; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

Юонъ, Константинъ Федоровичъ, художникъ (род. 1875), членъ „Союза Русскихъ Художниковъ“.

Поклонный портретъ, сидя (пастель, 1914 г.), раб. Сергѣя Васильевича Малютина; на 12-ой выст. „Союза Русскихъ Художниковъ“. Приобрѣтена въ Третьяковскую Галерею.

Яковлевъ, Валентинъ Александровичъ, художникъ (род. 1887 г.), членъ общ. „Московский Салонъ“.

„Семейный портретъ“ (масло, 1913 г.), въ лѣвомъ углу картины автопортретъ художника; на выст. „Художники Москвы — Жертвамъ Войны“.

КЪ БЮГРАФИИ А. Н. ОСТРОВСКАГО.

I.

[Неизданныя письма].

Постановка пьесъ А. Н. Островскаго на сценѣ Императорскихъ Театровъ стоила ему большого труда и многихъ хлопотъ. Дирекція Императорскихъ Театровъ не торопилась съ ихъ постановкою, несмотря на то, что пьесы Островскаго пользовались большимъ успѣхомъ и дѣлали хорошіе сборы. Примѣромъ такого отношенія Дирекціи къ произведеніямъ А. Н. Островскаго служить постановка его комедіи „Бѣдность не порокъ“. Пьеса была отправлена въ Дирекцію въ ноябрѣ 1853 г., а играна въ первый разъ 9 сентября 1854 года. Такая задержка очень тяжело отражалась на матеріальномъ положеніи А. Н. Островскаго, кормившаго своимъ литературнымъ трудомъ многочисленную семью; вслѣдствіе этого ему очень часто приходилось прибѣгать къ содѣйствію своихъ друзей или лицъ „власть имущихъ“.

Содержаніемъ печатаемыхъ ниже писемъ А. Н. Островскаго служатъ просьбы о постановкѣ нѣкоторыхъ его комедій. Письма эти хранятся въ Общемъ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора.

За нѣкоторыя указанія приношу глубокую благодарность В. И. Саитову.

Петроградъ. 18 окт. 1914.

Ал. Александровъ.

1 1).

Милостивый Государь
Федоръ Алексѣевичъ 2)!

Новая моя комедія „Бѣдность не порокъ“ 3) наконецъ отправляется въ Вамъ въ Петербургъ, вмѣстѣ съ симъ письмомъ, а придетъ, вѣро-

1) Письмо это должно быть отнесено къ ноябрю мѣсяцу 1853 г., какъ это видно изъ примѣчанія 1 на стр. 83.

2) Бурдинъ, Федоръ Алексѣевичъ, артистъ Имп. Театровъ. Онъ происходилъ изъ крѣпостныхъ Димитрія Алексѣевича Безобразова; родился 12 апрѣля 1826 г. во Владимирской губ.; 8 Дек. 1841 г. поступилъ суфлеромъ драматической труппы Имп. Теат. въ Москвѣ. Прослуживъ 2 года, онъ 1 апрѣля 1843 г. былъ уволенъ на два года въ провинцію для усовершенствованія своего артистическаго дарованія. Въ 1846 г. былъ принятъ въ Московскую драматическую труппу съ жалованьемъ

ятно, днемъ позже, потому что отправлена черезъ Контору ¹⁾. Ужъ въ чтеніи эта піеса имѣла такой успѣхъ, какого не имѣла до сихъ поръ ни одна моя комедія ²⁾.

Похлопочите, чтобы мнѣ изъ цензуры получить отвѣтъ поскорѣе. Если она пройдетъ, то я тотчасъ же приѣду въ Петербургъ самъ ставить ³⁾. Надобно будетъ списать другой экземпляръ, чтобы одинъ оставить у Васъ, а другой послать поскорѣе въ Москву. Если бы это можно было сдѣлать къ Святкамъ то піеса имѣла бы особенный эффектъ, потому что дѣйствіе въ ней во время Святковъ. Тамъ есть прекрасная для Васъ роль — Мити ⁴⁾. Не знаете ли Вы купца Лаврова, который былъ недавно въ Москвѣ и слышалъ мою комедію. Если знаете, то передайте ему мой поклонъ и скажите ему, что комедія моя послана, и что я ему буду писать лично.

Я желаю за эту піесу получать поспектальную плату, количество же ея представляю на волю Дирекціи.

Прощайте, можетъ быть, до скорого свиданія

Вашъ А. Островскій.

на 86 руб. въ годъ. Съ 1846 — 1847 игралъ въ Тифлисѣ, а съ 1847 г. былъ переведенъ въ Петроградъ. Игралъ также въ Костромѣ, Вологдѣ, Москвѣ и другихъ городахъ. Былъ нѣсколько разъ за границей. Въ 1857 г. былъ назначенъ членомъ театально-литературнаго комитета. 1 Марта 1861 г. былъ уволенъ въ отставку съ пенсіею по 761 р. 90 к. въ годъ, но въ ноябрѣ того же года былъ снова принятъ въ труппу. Въ 1867 г. онъ женился на Аннѣ Дмитріевнѣ Никитиной, съ которой жилъ до брака и прижилъ дѣтей. Ѳ. А. Бурдина и А. Н. Островскаго связывала очень крѣпкая дружба. Объ этомъ свидѣлствуютъ какъ письма А. Н. Островскаго къ Ѳ. А. Бурдину, напечатанныя въ журналѣ „Артистъ“ за 1891 г. декабрь и 1892 г. январь, февраль, мартъ, а такъ же Нильскій въ своихъ „Воспоминаніяхъ“.

³⁾ Комедія „Бѣдность не порокъ“ напечатана въ первый разъ въ „Москвитянинѣ“ за 1854 г. № 1. На сценѣ, въ театрѣ циркѣ, въ Петроградѣ была поставлена въ первый разъ 9 сентября 1854 г. Роли были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: Гордѣй Торцовъ — Григорьевъ 2, Пелагея Егоровна — Линская, Любовь Гордѣевна — Читау, Любимъ Торцовъ — Самойловъ, Коршуновъ — Мартыновъ 1-й, Митя — Бурдинъ, Яша Гуслинъ — Климовскій, Разлюляевъ — Марковецкій, Анна Ивановна — Орлова, Маша — Натарова, Лиза — Каратыгина, Егорушка — воспит. театр. училища Зиминъ, Арина Громова, 1-ая старуха — Смирнова, 2-я старуха — Волкова, 1-й старикъ — Смирновъ, Вожакъ — Разсказовъ.

¹⁾ Контору Московскихъ Императорскихъ Театровъ.

²⁾ До комедіи „Бѣдность не порокъ“ А. Н. Островскимъ были напечатаны слѣдующія произведенія: 1) „Свои люди — сочтемся“, ком. въ 4 дѣйст. (напечат. въ „Москв.“ 1850 г. № 6); 2) „Утро молодого человѣка“, сцены (напеч. въ „Москв.“ 1850 г. № 22); 3) „Неожиданный случай“, — драматическій этюль (напеч. въ сборникѣ „Комета“ изд. Н. М. Щепкинымъ М. 1851 г.) 4); „Бѣдная невѣста“, ком. въ 5 дѣйст. (напеч. въ „Москвит.“ 1852 г. кн. 4); 5) „Не въ свои сани не садись“, ком. въ 3 дѣйст. (напеч. въ „Москвит.“ 1853 г., кн. 5).

³⁾ А. Н. Островскому не удалось приѣхать въ Петроградъ для постановки піесы, какъ это видно изъ письма къ Ѳ. А. Бурдину изъ Москвы отъ 15 сентября 1854 г. „Изъ письма Вашего и изъ „Сѣв. Пчелы“ я узналъ, что комедія моя „Бѣдность не порокъ“ назначена на 7 сентября въ бенефисъ Яблочкина; но шла ли она и если шла, то какой имѣла успѣхъ мнѣ совершенно неизвѣстно. Прошу Васъ, любезнѣйшій Ѳеодоръ Алексѣевичъ, напишите мнѣ объ этомъ подробнѣе. Приѣхать въ Петербургъ мнѣ было никакъ нельзя. (журн. „Артистъ“ 1891 г. Дек. стр. 76). Піеса была играна 9 сентября 1854 г.

⁴⁾ Бурдинъ игралъ роль Мити 9 сент. 1854 г., на первомъ представленіи.

Р. С. Эта комедія совершенно замазала ротъ распускателямъ нелѣпыхъ слуховъ въ Москвѣ. Пожалуста отвѣчайте мнѣ поскорѣе на это письмо ¹⁾.

2.

Милостивый Государь
Павель Степановичъ ²⁾!

Елизавета Матвѣевна Левкѣева ³⁾ просить у меня для своего бенефиса ⁴⁾ мою маленькую пѣску „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“ ⁵⁾ и въ случаѣ моего согласія, просить увѣдомить Васъ объ этомъ. Если я этой малостью могу услужить Г-жѣ Левкѣевой, я буду очень радъ; — она такъ много способствовала успѣху моихъ пьесъ ⁶⁾, что эту можетъ считать своею собственностью.

На дняхъ я посылаю въ Петербургъ свое новое чадо ⁷⁾, которое прошу принять такъ же благосклонно, какъ и всѣ прежнія.

Съ глубокимъ уваженіемъ и преданностью остаюсь Вашъ покорнѣйшій слуга

Москва. 16 августа
1861 г.

А. Островскій.

¹⁾ Объ этихъ слухахъ А. Н. Островскій пишетъ Ѳ. А. Бурдину въ письмѣ отъ 2 ноября 1853 г. „Милостивый Государь Ѳеодоръ Алексѣевичъ! Болѣзнь помѣшала мнѣ окончить комедію, какъ я обѣщалъ, т. е. къ октябрю, но теперь я ее кончилъ и она переписывается, я пошлю ее къ вамъ, а вы похлопочите, чтобы цензура поскорѣе пропустила. Ставить я пріѣду самъ, я уже рѣшилъ. Во время моей болѣзни распустили по Москвѣ дикіе слухи, что пьесы пишу не я, а кто-то за меня. Благомыслящіе люди не вѣрятъ, а злонамеренные имъ очень рады. Если слухи эти дошли уже и до васъ, то постарайтесь имъ противодѣйствовать, потому что, какъ они ни нелѣпы, а все-таки для меня непріятны“. („Артистъ“ 1891 г. декабрь, стр. 76).

²⁾ Павелъ Степановичъ Ѳеодоровъ (1803 — 1879 г.) начальникъ репертуарной части и управляющій СПб. Театральнымъ училищемъ. До 1853 г., когда онъ былъ назначенъ начальникомъ репертуарной части, служилъ чиновникомъ въ другихъ вѣдомствахъ. Онъ написалъ 74 пьесы, изъ которыхъ 14 оригинальныхъ и 60 переводныхъ. Пьесы: „Архивариусъ“, „Хочу быть актрисой“ и нѣк. другія пользовались большимъ успѣхомъ. (См. о немъ статью въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“).

³⁾ Елиз. Мат. Левкѣева, артистка Имп. Т., дочь чиновника, род. 13 Марта 1827 г. въ Ярославлѣ. Въ 1843 г. поступила въ театральное училище, а 8 февраля 1845 г. поступила въ драматическую труппу Имп. Т. въ Петроградѣ съ жалованьемъ по 480 руб. въ годъ. Съ 1 марта 1851 г. по 20 марта 1852 г. служила въ Одессѣ. Въ 1854 г. вышла замужъ за купца Михаила Васильевича Юинга. Послѣ службы въ Одессѣ она снова поступила въ труппу Александринскаго театра, гдѣ служила до 1865 г., послѣ чего вышла въ отставку; умерла 14 февраля 1881 г.; погребена на Митрофаньевскомъ кладбищѣ.

⁴⁾ Играла эта пьеса въ бенефисъ не Ел. Мат. Левкѣевой, а Юл. Н. Линской.

⁵⁾ Комедія, „Свои собаки грызутся, чужая не приставай“ (напеч. первый разъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ 1861 г. кн. 3), была играна 3 ноября 1861 г. въ бенефисъ Линской, Юл. Н. Роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Антрыгина — Линская, Бальзаминова — Громова, Бальзаминовъ — Горбуновъ, Красавина — Воронова, Матрена — Волкова I, Устрашимовъ — Степановъ, Анна Прокловна — Прокофьева, Маша — Федорова 2.

⁶⁾ Левкѣева играла въ пьесахъ Островскаго слѣдующія роли: „Липочку“ — въ комедіи „Свои люди — сочтемся“, Варвару, сестру Тихона — въ „Грозѣ“, Грушу — въ драмѣ „Не такъ живи, какъ хочется“.

⁷⁾ „За чѣмъ пойдешь, то и найдешь“ (Женитьба Бальзаминова) напеч. въ 1-й разъ „Время“ 1861 г., кн. 10.

3.

Милостивая Государыня!

Юлія Николаевна! ¹⁾

Вчера я получилъ Ваше письмо и сегодня спѣшу отвѣчать. Вамъ угодно взять въ бенефисъ мою піесу „Свои собаки грызутся“. — Я очень радъ, о чемъ Вы и заявите Вашему начальству. Въ Вашемъ письмѣ видѣлъ какъ-будто упрекъ мнѣ, что я отдалъ эту піесу Левкѣвой, а не Вамъ. Это объясняется очень просто: бенефисъ Г-жи Левкѣвой раньше Вашего, а піеса была еще готова весной ²⁾, по тому я ее и отдалъ Г-жѣ Левкѣвой; такъ какъ Вашъ бенефисъ бываетъ обыкновенно поздно, то я думалъ написать Вамъ другую піесу и привезти въ Петербургъ. Теперь обстоятельства измѣнились, я оставляю совсѣмъ театральное поприще ³⁾. Роли распредѣляйте, какъ Вамъ будетъ угодно. Кажется, Горбуновъ ⁴⁾ хотѣлъ играть Бальзамина, въ такомъ случаѣ отдайте ему.

Всегда готовый къ услугамъ Вашимъ

А. Островскій.

Москва. 2 октября
1861 г.

4.

Милостивый Государь

Павелъ Степановичъ ⁵⁾!

Изъ письма Ѳ. А. Бурдина которое меня очень обрадовало, я убѣдился, что Вы, Ваше Превосходительство, не только относитесь ко мнѣ съ прежнимъ сочувствіемъ, но даже озабочиваетесь о моемъ обезпеченіи, которое мнѣ въ настоящемъ моемъ положеніи такъ необходимо.

¹⁾ Юлія Николаевна Коробьина, по сценѣ Линская, артистка Имп. Театровъ, дочь подполковника, род. въ Петроградѣ 16 мая 1820 г. Въ драматическую труппу Александринскаго театра поступила 18 сент. 1841 г. безъ жалованья. Въ 1850 г. она вышла замужъ за очень богатаго купца, Громова. Родители послѣдняго не желали видѣть жену своего сына на сценѣ, и Линская 23 февр. 1850 г. ушла изъ труппы. Въ 1853 г. она снова, съ согласія мужа, поступила на сцену, на которой и пребыла до самой смерти; она умерла 25 апрѣля 1871 г., погребена въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Судьба этой артистки была очень печальной. Дѣтство и первые годы службы прошли въ богатствѣ и роскоши, а умерла она нищею. Дирекція ассигновала на ея похороны 500 р., но родственники мужа отказались отъ нихъ и похоронили на свой счетъ. 500 же руб., ассигнованные дирекціей пошли на уплату мелкихъ долговъ которые остались послѣ ея смерти.

²⁾ 1861 г.

³⁾ А. Н. неоднократно собирался оставить театральное поприще, такъ какъ эта литературная дѣятельность его не обезпечивала, къ тому же постановка пьесъ была сопряжена съ большими хлопотами. О своемъ желаніи оставить театральное поприще онъ говоритъ между прочимъ въ письмѣ къ Ѳ. А. Бурдину („Артистъ“ 1891 г. дек., стр. 80).

⁴⁾ Ив. Ѳед. Горбуновъ (род. 24 дек. 1831 г. — ум. 1895 г.) артистъ Имп. театр. разсказчикъ и писатель (см. статью о немъ въ „Русскомъ Біографическомъ Словарѣ“).

⁵⁾ Ѳеодоровъ.

Къ такому расположенію Вашего Превосходительства я не могу относиться безчувственно. Я никогда не былъ неблагодарнымъ и теперь спѣшу засвидѣтельствовать Вашему Превосходительству самую глубокую и искреннюю признательность за выраженное Вами участіе. Если же я какимъ-нибудь образомъ могъ подать Вашему Превосходительству поводъ къ неудовольствію, то прошу Васъ забыть о томъ и впредь считать меня человѣкомъ, Вамъ вполне преданнымъ и неизмѣняющимъ своему слову. Я окончилъ большую комедію ¹⁾, которую и посылаю въ портфель Московской Конторы. Я убѣдительно прошу Ваше Превосходительство объ очень большомъ для меня одолженіи, если только будетъ возможно, сдѣлать зависящее отъ Вашего Превосходительства распоряженіе, чтобы моя пѣса возвратилась въ Москву поскорѣе. Она бы могла пойти въ бенефисъ Шумскаго ²⁾, т. е. въ казну, потому что бенефисъ его обезпеченный. По болѣзни я не могъ кончить пѣсу ранѣе, если ее не поставить въ этомъ сезонѣ, то я боюсь, что Москва меня забудетъ совсѣмъ. Что касается постановки пьесы въ Петербургѣ, то позвольте мнѣ совершенно предоставить благоусмотрѣнію Вашего Превосходительства ³⁾.

Съ глубокимъ почтеніемъ и совершенной преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Островскій.

26 Января 1870 г.

5.

Милостивый Государь!
Павелъ Степановичъ!

Сегодня отправлена въ Петербургъ изъ Московской Конторы моя передѣлка съ французскаго „Рабство Мужей“ ⁴⁾. Эта пѣса живая и интересная у французовъ, не лишена интереса и для насъ: характеры, изображенные въ этой пѣсѣ и содержаніе ея такъ же близки Петербургу и Москвѣ, какъ и Парижу.

¹⁾ „Бѣшенныя деньги“, ком. въ 5 дѣйств. (напеч. въ „Отеч. Зап.“. 1870 г., кн. 2).

²⁾ Чесноковъ (по сценѣ Шумскій) Сергѣй Васильевичъ (1820—1878 г.), артистъ Имп. Театровъ. На сцену поступилъ 1843 г.

³⁾ Ком. „Бѣшенныя деньги“ была играна въ первый разъ въ Петроградѣ 16 апрѣля 1870 г. на открытіе русскихъ спектаклей послѣ Великаго Поста. Роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Ив. Петр. Телятевъ — Бурдинъ, Васильковъ — Васильевъ 2, Кучумовъ — Зубровъ, Глумовъ — Нильскій, Чебоксарова — Линская, Лидія Юр. Чебоксарова — Струйская 1-я, Василій — Бродниковъ, Андрей — Розенштремъ, Григорій — Батуринъ, Горничная — Лебедева.

⁴⁾ „Рабство Мужей“, ком. въ 4 карт., заимст. съ франц. пьесы „Les maris sont esclaves“. На афишахъ фамилія автора обозначена инициалами: А. О имѣ. Въ Петроградѣ играна первый разъ 29 апр. 1870 г. въ бенефисъ артистки Вороновой. Роли были распределены слѣдующимъ образомъ: Ив. А. Прѣсновъ — Нильскій, Вѣра Петровна, его жена — Побѣдова, Машенька, ея сестра — Любимова, Ома Оумичъ, дядя Прѣснова — Бурдинъ, Гуляевъ — Сазоновъ, Прокофій — Ивановъ, Аглая — Рихтеръ, Горничная — Диковская (напечатана въ первый разъ въ „Драматическихъ переводахъ“ А. Островскаго, изд. 1872 г.).

Ваше Превосходительство, я былъ бы очень счастливъ, если бы эта пьеса могла пройти въ комитетъ ¹⁾ и цензурѣ до святой.

У насъ новыхъ пьесъ нѣтъ; артисты, которыхъ бенефисы весной, могли бы воспользоваться, съ разрѣшенія начальства, этой, хотя и незначительной, новостью.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью имѣю честь быть Вашего Превосходительства покорнѣйшимъ слугою

А. Островскій.

2 Марта 1870 г.

II ²⁾.

Въ февралѣ 1872 года исполнилось 25-лѣтіе литературной дѣятельности А. Н. Островскаго. Директоръ Императорскихъ Театровъ, желая отмѣтить этотъ юбилей, возбудилъ передъ министромъ Императорскаго Двора ходатайство о назначеніи Александру Николаевичу пожизненной пенсіи.

14 января 1872 г. директоръ Императорскихъ Театровъ подалъ министру Двора слѣдующій рапортъ:

„Въ наступающемъ февралѣ мѣсяцъ исполняется 25 лѣтъ литературной дѣятельности драматическаго писателя А. Н. Островскаго, который въ теченіи этого времени написалъ для русской драматической сцены 32 оригинальныхъ произведенія, кромѣ нѣкоторыхъ переводныхъ пьесъ. Большинство этихъ произведеній пользовались вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ и вообще значительно способствовали увеличенію сборовъ Дирекціи, самому же Островскому при незначительности [по существующему положенію] авторскаго гонорара, онѣ не могли доставить особыхъ выгодъ, потому что при частыхъ, почти еженедѣльныхъ бенефисахъ драматическихъ артистовъ, репертуаръ постоянно наполняется новыми пьесами, которыя нерѣдко мѣшаютъ повторенію пьесъ, имѣвшихъ значительный успѣхъ. Такимъ образомъ Островскій, посвятившій лучшіе свои годы служенію литературно-театральной дѣятельности, въ настоящее время находится въ очень стѣсненныхъ обстоятельствахъ, такъ что не въ состояніи продолжать свои литературные труды.

Заслуги Островскаго, какъ драматическаго писателя, его крайне стѣсненные обстоятельства, и, наконецъ, желаніе удержать его на поприщѣ театрально-литературной дѣятельности, побуждаютъ меня обратиться къ Вашему Сіятельству съ покорнѣйшею просьбою объ исходайствованіи ему пожизненной пенсіи, подобно той, какая была пожалована композитору Сѣрову за написанныя имъ оперы Юдифь и Рогнеда“.

19 января того же года товарищъ министра Императорскаго Двора обратился къ директору Императорскихъ театровъ съ просьбою „сообщить для доклада Его Сіятельству названія всѣхъ пьесъ Г-на Островскаго, играныхъ Императорскимъ Театромъ, а также свѣдѣніе, хотя приблизительное о количествѣ сбора, полученнаго Дирекціею отъ исполненія пьесъ“.

¹⁾ Министръ Имп. Двора В. А. Адлербергъ въ 1856 г. учредилъ театрально-литературный комитетъ „съ цѣлью очистить репертуаръ русской сцены, согнать съ него плохія пьесы, допускать только пьесы хорошія, соотвѣтственныя современному направленію, привлекать даровитыхъ писателей“.

²⁾ Документы этого дѣла хранятся въ Общемъ Архивѣ Министерства Императорскаго Двора.

Въ отвѣтъ на эту просьбу директоръ театровъ 28 января 1872 г. отправилъ слѣдующую бумагу товарищу министра Двора, приложивъ 2 списка пьесъ А. Н. Островскаго:

„Вслѣдствіе отношенія Канцеляріи Министерства отъ 19-го сего января за № 213, Директоръ Императорскихъ Театровъ, препровождая при семъ подробный списокъ пьесъ Островскаго имѣемъ честь увѣдомить, что пьесы эти исполнены на Петербургской сценѣ 766 разъ и такъ какъ среднюю сложность сборовъ Дирекціи съ 1853 г. по 1872 г. можно считать по 800 руб. за спектакль, то сборъ Дирекціи при исполненіи этихъ пьесъ въ С.-Петербургѣ можно считать до 600.000 руб. Изъ Москвы до сего времени не получено требуемыхъ свѣдѣній, но предполагая, что тамъ получено въ половину противу здѣшняго, то сбора по обѣимъ дирекціямъ можно считать до 900 т. рублей.

Списокъ I.

Подробный списокъ пьесамъ А. Н. Островскаго, принятымъ на Петербургской и Московской сценахъ съ 1853 г. Февраля 12 (Утро молодого человѣка) по 1872 годъ.

	Сколько разъ играна.		Сколько разъ играна.
1. Бѣдность не порокъ . . .	73	14. Гроза	71
2. Не въ свои сани не са- дись	78	15. Горячее сердце	12
3. Въ чужомъ пиру	41	16. Рабство мужей	3
4. Картинка семейнаго сча- стья	37	17. Не все коту масленица .	4
5. Не такъ живи, какъ хо- чется	8	18. Доходное мѣсто	49
6. Бѣдная невѣста	27+500 р. единовре- менно	19. Зачѣмъ пойдешь	12
7. На чужой коровой . . .	4	20. Косьма Мининъ	6
8. Утро молодого чело- вѣка	3	21. Лѣсъ	7
9. Бѣшеные деньги	2	22. На бойкомъ мѣстѣ . . .	12
10. Воевода	6	23. Несошлись характеромъ	22
11. Воспитанница	46	24. На всякаго мудреца . .	20
12. Василиса Мелентьевна .	24	25. Праздничный сонъ . . .	26
13. Грѣхъ да бѣда	28	26. Пучина	14
		27. Свои собаки грызутся .	34
		28. Свои люди—сочтемся . .	34
		29. Старый другъ	7
		30. Тушино	9
		31. Тяжелые дни	22
		32. Шутники	25
		Итого	766 сп.

Списокъ II.

О трудахъ для русской сцены драматическаго писателя А. Н. Островскаго. Островскій началъ писать для театра въ началѣ 1847 года; съ того времени имъ написаны и поставлены на сцену слѣдующія оригинальныя пьесы:

1. Семейная картинка, въ 1-мъ д. ¹⁾	5. Не въ свои сани не садись, ком. въ 3 д.
2. Свои люди — сочтемся, въ 4 д.	6. Бѣдность не порокъ, ком. въ 3 д.
3. Утро молодого человѣка, въ 1 д.	7. Не такъ живи какъ хочется, драма
4. Бѣдная невѣста, ком. въ 5 д.	въ 3 д.

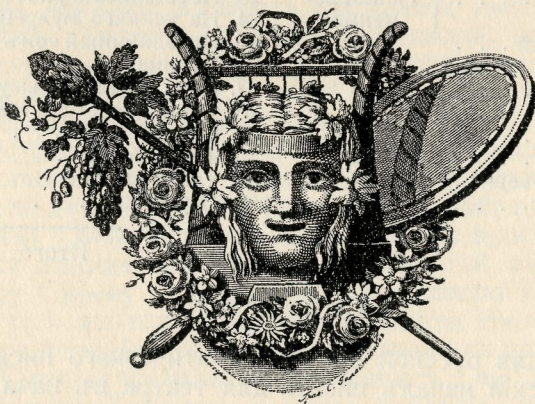
¹⁾ Сбоку приписано: „Картины семейнаго счастья“.

8. Въ чужомъ пиру похмѣлье, ком. въ 2 д.
9. Доходное мѣсто, ком. въ 5 д.
10. Праздничный сонъ, ком. въ 3 д.
11. Не сошлись характерами, ком. въ 3 д.
12. Свои собаки грызутся, ком. въ 2 д.
13. Женильба Балъзамина, ком. въ 3 д.
14. Старый другъ, ком. въ 3 д.
15. Воспитанница, ком. въ 4 д.
16. Гроза, др. въ 5 д.
17. Тяжелые дни, ком. въ 3 д.
18. Грѣхъ да бѣда на комъ не живетъ, др. въ 4 д.
19. Мининъ, др. въ 5 д.
20. Шутники, ком. въ 4 д.
21. Воевода, др. въ 5 д.
22. Самозванецъ, др. въ 5 д.
23. Тушино, др. въ 5 д.
24. Пучина, ком. въ 4 д.
25. На бойкомъ мѣстѣ, ком. въ 4 д.
26. Василиса Мелентьевна, др. въ 5 д. (въ соотруничествѣ съ С. А. Г.).
27. На всякаго мудреца довольно простоты, ком. въ 5 д.
28. Горячее сердце, ком. въ 5 д.
29. Бѣшенныя деньги, ком. въ 5 д.
30. Лѣсъ, ком. въ 5 д.
31. Не все коту масленица, ком. въ 4 д.
32. Не было ни гроша да вдругъ алтынъ, ком. въ 5 д. (не играна).

Кромѣ того нѣсколько переводныхъ пьесъ.

8 февраля 1872 г. отъ министра Императорскаго Двора былъ полученъ слѣдующій отвѣтъ на ходатайство директора Театровъ:

Вслѣдствіе рапорта Вашего Пре-ства объ исходатайствованіи пожизненной пенсіи драматическому писателю Островскому, по случаю исполнившагося 25-лѣтія литературной его дѣятельности, считаю долгомъ увѣдомить Васъ, Милостивый Государь, что за силою 54 ст. пенсіоннаго устава т. III Св. Законовъ, не позволяющей никакому вѣдомству при испрошеніи пенсій, отступать отъ правилъ этого устава, съ подобнымъ оффиціальнымъ представленіемъ о пожалованіи пенсіи, [закономъ не установленной, „входить не слѣдовало“.

ПИСЬМО ПУШКИНА.

très certainement, Madame l'heure que vous conviendra sera toujours la meilleure — A demain donc, &.

[puisse le 7-me chant d'Онѣгинъ] puisse
[нрз].

Черновая записка эта, адресованная неизвѣстной дамѣ, не вошла ни въ одно изъ существующихъ собраній сочиненій и переписки Пушкина, хотя большая часть ея имѣется въ печати. Она находится въ тетради Пушкина, хранящейся въ Румянцовскомъ музеѣ подъ № 2371, на правой половинѣ первой страницы 7-го листа, и набросана чернилами поверхъ карандашнаго черновика XXI строфы седьмой главы „Евгенія Онѣгина“ ¹⁾. Первые четыре строки опубликовалъ В. Е. Якушкинъ въ примѣчаніяхъ къ изданію романа, выпущенному Обществомъ любителей Россійской словесности при Московскомъ университетѣ ²⁾, но онъ не разобралъ зачеркнутого (что у насъ заключено въ квадратныя скобки), принялъ слова „7-me chant“ за дату „7-го Mars“ ³⁾ и, курьезнымъ образомъ связывая эти строки съ содержаніемъ того мѣста въ романѣ, подлѣ котораго онѣ написаны, и гдѣ говорится, что „Татьяна проситъ позволенія пустыннѣй замокъ навѣщать... Татьяна съ ключницей простилась“, высказалъ оригинальную догадку, что онѣ „представляютъ программу разговора Татьяны съ ключницей, т. е. предполагаемаго отвѣта ключницы“, — хотя французскій языкъ былъ бы слишкомъ страннымъ въ устахъ деревенской ключницы-старушки (образецъ ея подлинной рѣчи въ XVII—XVIII строфахъ). Никто изъ издателей сочиненій Пушкина не обратилъ вниманія на этотъ черновикъ; одинъ лишь Ефремовъ въ своемъ послѣднемъ изданіи ⁴⁾ повторилъ предположеніе Якушкина, ничего отъ себя не прибавляя.

Между тѣмъ ясно, что ключница здѣсь не при чемъ, и что предъ нами просто черновикъ письма Пушкина, гдѣ говорится о седьмой главѣ „Онѣгина“. Послѣднее слово, которое мы обозначили сокращеніемъ „нрз“, такъ какъ оно написано неразборчиво и густо зачеркнуто, кажется, должно читаться „mérit“ и есть, вѣроятно, не что иное, какъ начало глагола mériter: „puisse mériter“ ⁵⁾.

Въ сборникахъ писемъ Пушкина, среди другихъ эпистолярныхъ фрагментовъ, долженъ быть помѣщаемъ и этотъ черновикъ. XXI строфа 7-ой главы „Евгенія Онѣгина“ была написана въ февралѣ 1827 г. или немногимъ позднѣе ⁶⁾, и письмо къ болѣе раннему времени относится, конечно, не можетъ; окончена была 7-ая глава въ 1828 г. Письмо должно быть связываемо или съ окончаніемъ главы, или съ работой надъ нею, датировать его можно лишь приблизительно 1827 — 1828 г.г.

Н. ЛЕРНЕРЪ.

¹⁾ Мы пользовались фотографическимъ снимкомъ изъ собранія С. А. Венгерова.

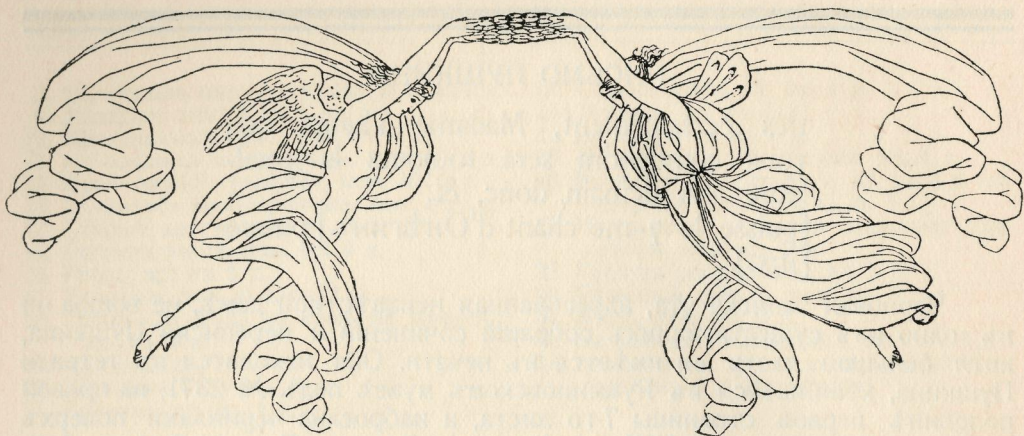
²⁾ М., 1887, стр. 270.

³⁾ Въ своемъ описаніи Румянцовскихъ рукописей Пушкина В. Якушкинъ совсѣмъ объ этомъ не упоминаетъ.

⁴⁾ Т. VIII, 1905 г., стр. 504.

⁵⁾ Посылая въ 1828 г. П. А. Осиповой 3, 4 и 5 главы романа, Пушкинъ писалъ ей: „je souhaite qu'ils puissent mériter votre approbation“ (Переписка П — на, академич. изд., т. II, № 351).

⁶⁾ Передъ XII строфой помѣта: „19 февраля“ („Русс. Стар.“ 1884, июль, 38).

КЪ ВОПРОСУ О ДАТѢ СТИХОВЪ ПУШКИНА О СТАРОМЪ ДОЖѢ И ДОГАРЕССѢ МОЛОДОЙ.

Фрагменты Пушкинскихъ строфъ о „старомъ дожѣ“ и „догарессѣ молодой“, впервые введенные въ литературный обиходъ со словъ брата великаго поэта въ 1856 году ¹⁾, относятся до сихъ поръ къ числу самыхъ темныхъ страницъ его духовнаго наслѣдія. Взятый внѣ рамокъ своей исторической среды, не находящій себѣ параллелей въ общей суммѣ творческихъ устремленій А. С. Пушкина, замыселъ этотъ затерялся въ „хронологической пыли“, въ пестрой рубрикѣ сомнительныхъ и неустойчивыхъ датъ.

Б. М. Маркевичъ ²⁾ и М. Н. Лонгиновъ, исходя изъ общаго источника — сообщенія Льва Сергѣевича, — совершенно не даютъ указаній для датировки наброска. Никакой опоры для хронологическихъ выводовъ не найдемъ мы и въ „Библиографическихъ Запискахъ“ ³⁾, равно какъ нѣтъ ея у Анненкова ⁴⁾ и Геннади ⁵⁾. П. А. Ефремовъ въ 1880 г. ⁶⁾ сдѣлалъ попытку отнести отрывокъ къ 1822 году, оговоривъ въ слѣдующемъ изданіи ⁷⁾ свою бездоказательную дату осторожнымъ „вѣроятно“. Несмотря на всю произвольность утвержденія Ефремова, „1822 г.“ безъ всякой мотивировки принятъ въ „Трудахъ и дняхъ Пушкина“ ⁸⁾ и сохраненъ во всѣхъ послѣдующихъ изданіяхъ его сочиненій, вплоть до Венгеровскаго ⁹⁾ и Академическаго ¹⁰⁾. Послѣдній изслѣдователь строфъ ¹¹⁾ — Н. О. Лернеръ,

¹⁾ „Современникъ“, 1856 г., т. LVIII, іюль, отд. V, стр. 11.

²⁾ „Рус. Вѣст.“, 1888 г., сентябрь, стр. 426 — 430.

³⁾ „Библиограф. Зап.“, 1858, № 1, стр. 1.

⁴⁾ Т. VII, стр. 99.

⁵⁾ 1859 г., I, 583; 1870, I, 525.

⁶⁾ 1880 г., I, 416.

⁷⁾ 1882 г., I, 532.

⁸⁾ 1910 г., стр. 85.

⁹⁾ Т. II, стр. 156.

¹⁰⁾ Т. III, стр. 154.

¹¹⁾ „Рус. Библиофилъ“, 1913, кн. 2, стр. 25 — 31.

давѣ исчерпывающую исторію печатнаго текста утраченнаго автографа ¹⁾, отказался отъ какихъ бы то ни было выводовъ въ данной области.

Открывая далекія историческія перспективы, эскизъ

„Въ голубомъ эфирѣ полѣ
Блещетъ мѣсяцъ золотой;
Старый дождь плыветъ въ гондолѣ
Съ догарессой молодой“ ²⁾. —

намекаетъ, однако, и на близкія литературныя схемы, условныя формы, опредѣляетъ и извѣданный мотивъ, и готовые образы стараго Венеціанскаго узора. Въ поэтикѣ Пушкина необходимо признать вполне опредѣленную психологическую почву для его воспріятія. Сходные варианты однихъ и тѣхъ же положеній продолжаютъ занимать его въ періодъ съ 1823 по 1827 годъ.

Впечатлѣнія „гордой лиры Альбіона“ въ главѣ первой „Евгенія Онѣгина“ сказались гимномъ Адриатическимъ волнамъ ³⁾:

Адриатическія волны,
О, Брента! нѣтъ, увижу васъ,
И, вдохновенья снова полный,
Услышу вашъ волшебный гласъ!
Онъ святъ для внуковъ Аполлона;
По гордой лирѣ Альбіона
Онъ мнѣ знакомъ, онъ мнѣ родной.
Ночей Италіи златой
Я нѣгой наслажусь на волѣ,
Съ Венеціанкой молодой,
То говорливой, то нѣмой,
Плывя въ таинственной гондолѣ, —
Съ ней обрѣтутъ уста мои
Языкъ Петрарки и любви (гл. I, XLIX).

„Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ — вспоминаетъ Анна Петровна Кернъ ⁴⁾ — я пѣла Пушкину стихи Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтлоуюжною красой,
Тихо Брента протекала
Серебряная луной..
.....
.....
.....
Что же, что не видно болѣ
Надъ игривою рѣкой
Въ свѣтлоубранной гондолѣ
Той красавицы молодой,

¹⁾ Пользуемся, однако, здѣсь случаемъ ввести въ его работу незначительный коррективъ: М. Н. Лонгиновъ сообщилъ набросокъ лишь со словъ Льва Сергѣевича, никогда и не пытаясь „разобрать исчерканный черновикъ“. Этимъ, между прочимъ, объясняется существенное отличие его текста отъ обычнаго. Ср. „Соврем.“, 1856, LVIII, іюль, отд. V, II. Никакихъ новыхъ свѣдѣній о рукописи, какъ по странному недосмотру утверждаетъ Лернеръ, не далъ также и П. А. Ефремовъ, точно лишь повторившій ея описаніе въ „Библиогр. Зап.“. Ср. т. I, 1880, стр. 563 — 564; т. VIII, 1905, стр. 190.

²⁾ Акад. изд., т. III, стр. 154.

³⁾ Очевидно, фактъ этотъ явился источникомъ критическихъ aberrаций Г. Карасика, безъ надлежащей освѣдомленности связавшаго мотивъ „Дожа и Догарессы“ также съ Венеціанскими произведеніями Байрона. (Изд. Брокгауза, 1908, т. II, 613).

⁴⁾ „Библ. для чтенія“, 1859 г., мартъ; Л. Майковъ, „Пушкинъ“, стр. 243.

Чья улыбка, образъ милый
Волновали всѣ сердца
И плѣняли духъ унылый
Изступленнаго пѣвца...

Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голось „Benedetta sia la madre“, баркароллы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слушалъ эту музыку и писалъ въ іюлѣ 1825 г. Плетневу: „Скажи отъ меня Козлову, что недавно посѣтила нашъ край одна прелесть, которая небесно поетъ его Венеціанскую ночь на голось гондольерскаго речитатива; я обѣщалъ о томъ извѣстить милаго вдохновеннаго слѣпца“¹⁾.

Поэтический откликъ Пушкина вызвали далѣе и неизданные стихи А. Шенье, чутко воспринятые его переводомъ 1827 года:

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
Одинъ, ночной гребешъ, гондолой управляя,
При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ...

.....

Строфы о „догарессѣ молодой“ также навѣяны были извнѣ, и явились невольной данью чужому замыслу. М. Н. Лонгиновъ, въ связи съ наброскомъ запечатлѣвшій въ памяти имя Марино Фальери, и А. Н. Майковъ, давшій извѣстное продолженіе Пушкинскаго четверостишія²⁾, обратились оба къ новеллѣ Э. Т. А. Гофмана „Дождь и догаресса“, — какъ къ прообразу и источнику Пушкина. Указаніе это, вполне принятое и Н. О. Лернеромъ³⁾, даетъ намъ ключъ къ литературной исторіи замысла и къ установленію его хронологическихъ датъ. Э. Т. А. Гофманъ, печать котораго съ конца 20-хъ годовъ уже явственно можно прослѣдить въ исторіи Пушкинскихъ сюжетовъ („Каменный гость“, „Пиковая дама“, „Уединенный домикъ на Васильевскомъ“, характерныя детали ромansa о „рыцарѣ бѣдномъ“, „Галуба“ и пр.), впервые на этотъ разъ ему далъ готовую канву традиціонный фонъ недоверенныхъ поэтическихъ образовъ.

„Дождь и Догаресса“, рассказъ изъ цикла „Серапіоновыхъ братьевъ“, появился въ 1819 году во Франкфуртскомъ сборникѣ „Taschenbuch der Liebe und Freundschaft gewidmet“, и въ числѣ первыхъ русскихъ переводовъ геніальнаго романтика данъ былъ въ „Литературныхъ прибавленіяхъ къ Сыну Отечества“ за 1823 г., кн. XII, стр. 49—138.

Не останавливаясь на самой повѣсти Гофмана, я приведу лишь ея завязку — иллюстрацію его творческихъ приемовъ, да эпизодическую деталь источниковъ Пушкинскихъ варіацій:

„Въ числѣ различныхъ произведеній искусствъ, которыя въ сентябрѣ 1816 года выставлены были Берлинскою Академіею Художествъ, находилась картина, означенная въ каталогѣ подъ именемъ „Дождь и Догаресса“, работа Кольбе, достойнаго Члена Академіи. Во все время выставки

¹⁾ Переписка П., т. I, 251; см. также соч. П., изд. Брокгауза, т. III. Примѣчаніе Б. Л. Модзалевскаго.

²⁾ Пол. соб. соч., т. II, стр. 125 — 128.

³⁾ Н. О. Лернеръ подкрѣпилъ, однако, это соображеніе очень неудачно — ссылкой на французскій экземпляръ Гофмана въ библіотекѣ поэта, въ то время какъ, по нашей справкѣ, томъ, заключающій „Дожа и Догарессу“, вышелъ лишь въ 1832 г. и никакого отношенія къ замыслу поэтому имѣть не могъ.

любопытные толпою собирались около этой картины: чѣмъ то особенно привлекательнымъ льстила она взору cadaго. Дожь, въ богатой, пышной одеждѣ, представленъ идущимъ по открытой галлерей съ Догарессой, столь же богато и великолѣпно наряженною. Онъ — старецъ съ сѣдою бородой; на багровомъ лицѣ его черты твердости духа и слабости, высокомѣрія и добродушія — въ чудной смѣси то и другое. Она — молодая, прекрасная женщина: томность, уныніе, жажда мечтательности въ ея взорѣ, во всемъ положеніи тѣла... Поодаль отъ галлерей, юноша, наигрывающій на рожкѣ улиткообразномъ, а противъ нее богато изукрашенная гондола... Въ полѣ картины изображено море, покрытое безчисленными парусами. На золотой рамѣ вырѣзаны слова:

Ah! senza amare
Andare del mare
Col sposo del mare
Non puo consolare 1)

Строфы Пушкина явились поэтическимъ воссозданіемъ слѣдующей сцены разсказа:... „Пьетро поразсказалъ что онъ почти ежедневно вечеромъ ѣздитъ съ Дожемъ и Догарессою на островъ Гидекку, гдѣ невдалекѣ отъ San Giorgio Maggiore имѣетъ Дожь прекрасный увеселительный домъ... Старикъ Фальери ослаблялся и шурился, цѣловалъ и поглаживалъ маленькую бѣлую ручку своей прелестной Аннунціаты. Посреди моря, въ то время, когда площадь Св. Марка, великолѣпная Венеція съ своими гордыми башнями и палатами, раскрылась вполнѣ передъ взорами плывущихъ — тутъ пріосанился старый Фальери и бросивъ вокругъ надменной взглядъ, воскликнулъ: „Скажи моя любезная, не пріятно ли плыть по морю съ властелиномъ, съ супругомъ моря“?... „Ахъ, мой державный властелинъ“ — такъ возразила Аннунціата — „Какъ можешь ты холодную, злую пучину называть своею супругою; я и теперь трепещу отъ страха, когда вспомню, что ты вѣнчаньемъ своимъ обрекъ себя этой гордой, властолюбивой стихіи“. Старый Фальери смѣялся, сѣдины тряслись на бородѣ его. „Не горюй, моя голубушка“ — сказалъ онъ ей — „правда, что непріятно покоиться въ студеныхъ ея объятіяхъ, но пріятно плыть по морю съ властелиномъ моря“. Лишь только Дожь произнесъ это, какъ послышались звуки отдаленной музыки. Мужской прелестной голосъ, сколько по валамъ морскимъ, становился ближе и внятнѣе и наконецъ сдѣлались слышны слова:

Ah! senza amare
Andare del mare
Col sposo del mare
Non puo consolare 2).

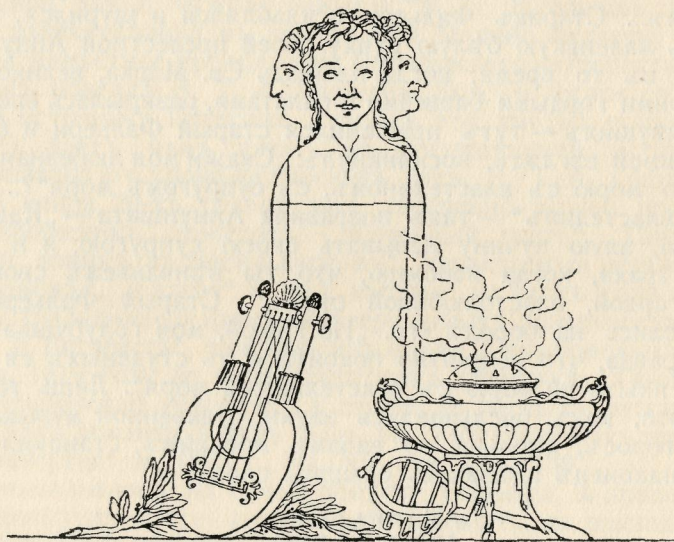
Во всемъ слѣдую Гофмановскому канону, Пушкинъ сохранилъ и общій колоритъ его замысла, и Венеціанскій узоръ новеллы, и вечерніе полутона разсказа, и даже нѣкоторыя детали технического свойства, — вплоть до характерной реминисценціи — „въ голубомъ эфирѣ полѣ“ (Ср. „Въ полѣ картины“...).

1) Смыслъ тотъ, что безъ любви и съ супругомъ моря неутѣшно плыть по морю. Прим. Переводчика.

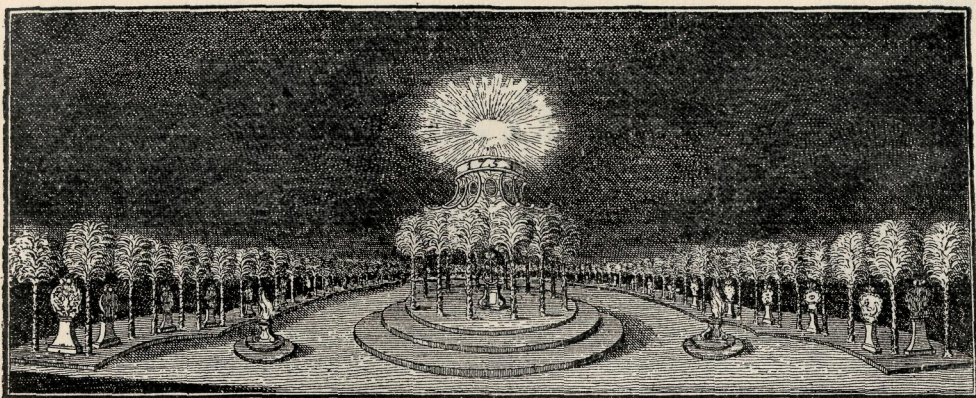
2) Литер. Прибав. къ „Сыну Отеч“, 1823 г., кн. XII, стр. 123 — 125. Орфографія и пунктуация подлинника.

Близкое отношеніе Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ къ редакціи „Сына Отечества“¹⁾, при отсутствіи иныхъ современныхъ русскихъ или французскихъ текстовъ „Дожа и Догарессы“, исключаетъ сомнѣніе въ его знакомствѣ именно съ этимъ переводомъ Гофмана. Соображеніе наше, вводя реальную базу въ вопросъ о датѣ наброска, дѣлаетъ невозможнымъ его отнесеніе къ 1822 году, съ легкой руки Ефремова принятое всѣми послѣдующими комментаторами Пушкинскаго текста. И первымъ звеномъ той хронологической сѣти, въ которую войдутъ строфы о „старомъ дожѣ“ и „догарессѣ молодой“ явится цензорская подпись Ал. Красовскаго на книжкѣ журнала съ повѣстью Гофмана — „Октября 23 дня 1823 года“.

Юланъ Оксманъ.

¹⁾ См. „Сынъ Отеч.“, 1820, ч. 61, № 25 и 26; ч. 65, № 46; 1821 г., ч. 72, № 46; 1824 г., № 18. Переписка Пушкина, I, 22 — 23, 44, 98, 107 — 108, 52. Библиотека Пушкина, № 518, 519, 520.

ЗАПИСКИ КН. И. М. ДОЛГОРУКОВА.

(Продолженіе).

По выздоровленіи жены моей отъ простуды мы завели для сокращенія зимнихъ вечеровъ у себя маленькіе сѣзды пріятельскіе, а къ тому домъ Волконскаго познакомилъ меня съ княземъ Трубецкимъ ¹⁾, господиномъ богатымъ, у котораго домъ былъ большой, театръ прекрасной, во всѣхъ трубкахъ горѣли свѣчи, тѣмъ народу и сквозъ огней различить нѣкогда было въ окошки хороша или дурна погода, а чувствовать ее мѣшали нѣсколько десятковъ печей, которыя исправно топились. Въ етомъ славномъ домѣ заводился спектакль между благородными людьми—какъ меня не позвать въ труппу? а мнѣ какъ не пойтить? То и другое очень скоро состоялось и я сдѣлался между ими актеромъ. Тутъ какъ обыкновенно на всѣхъ театрахъ начались интриги и сплетни, суеты и недосуги. Я отсталъ отъ вольнаго театра; срокъ ложи нашей съ Солтыковымъ истекалъ; цѣна на нихъ возвысилась и я не разсудилъ брать ее на будущій годъ. Довольно забавъ было и безъ того. Репетиціи у Трубецкого доставляли намъ большія увеселенія; мы ссорились за роли и мирились по триста разъ на день; большаго у насъ никого не было; хозяинъ былъ всеобщій слуга; жена его прекрасная женщина, знакомая мнѣ еще въ дѣвушкахъ, и изъ строгой бѣдности, попавшая въ изобильное состояніе, влюбляла мужа своего безпрестанно въ себя, а сама влюблялась во всѣхъ. Тотъ тѣшилъ ее роскошными издержками, а прочія забавами; время текло скорѣе всякаго ручья, мы не успѣвали считать дней въ недѣлѣ. Какой сильной магнитъ великолѣпныя стѣны, музыка и множество свѣчъ! Всѣ туда бѣгутъ какъ пчелы на хорошенькой цвѣтокъ. Любовь къ веселью есть общая страсть человѣчества. Гдѣ же его искать какъ не подъ крышкой богатыхъ? Трубецкой тогда спѣшилъ показывать, что изъ двадцати шести тысячъ душъ, которыя за нимъ написаны были по спискамъ, можно не имѣя ни души въ самомъ себѣ, ни ума, убить третью долю на фонтаны и кулисы такъ, что никто и спасибо за то сказать не захочетъ. Вотъ мастерской способъ быть расточительнымъ! Философъ накопилъ бы книгъ, но кто ихъ читать станетъ особливо зимой при свѣчкѣ часто

¹⁾ Кн. Николай Николай Никитичъ и жена его Варвара Александровна, см. „Капище“.

сальной? Боголюбивый человѣкъ надѣлалъ бы колоколовъ, окладовъ, утварей, которыя бы ни кого не забавляли и первыя лишь сонъ отнимали своимъ звономъ. Благотворительный мужъ нынѣшняго вѣка надѣлалъ бы богадѣленъ, госпиталей, о которыхъ писали бы во всѣхъ газетахъ, тогда, какъ заключенныя въ нихъ ожидали смерти безъ врачевства и достаточной пищи. И такъ не лучше ли чтобъ знатныя кучи денегъ находились въ рукахъ людей роскошныхъ и щедрыхъ? Конечно лучше, и дай Богъ за эту зиму князю Трубецкому много лѣтъ здравствовать! Онъ простъ, что нужды, у него весело; онъ грубъ, что нужды, у него модно. Онъ пасмуренъ; у него свѣтло. Виватъ богатые простяки! вселенная безъ васъ была бы самая плачевная нора, самая темная пещера, въ которой ученые мудрецы и лѣто умѣли бы сдѣлать несноснѣе зимы своими безпрестанными аксіомами. Комедія наша назначена была въ декабрѣ, но казалось судьба и тутъ позавидовала нашимъ забавамъ. Кто нибудь изъ нашего общества провинился, ибо кончина принца Виртембергскаго, отца Императрицы Маріи Ѳеодоровны, послужила причиной большого въ обѣихъ столицахъ траура, и даже всѣ публичныя позорища были на три мѣсяца заказаны, хотя его никому не было жаль, однако церемоніи придворныя требовали чтобъ видъ скуки покрылъ всѣ городскія лица. Всѣ начали печалиться по указу, а особливо мы; но не о принцѣ, котораго никто въ глаза не видалъ, а о томъ что не удалось сыграть выученной комедіи и блеснуть передъ Москвой. О! есть-либъ иныхъ огорченій на свѣтѣ не было какъ тѣ одни, которыя по наряду показываются между людьми, хорошо бы жить было на свѣтѣ. Сей трауръ однако подлинно былъ для насъ огорчителенъ, потому что пресѣклись частыя сѣзды у Трубецкого и рѣзвости остановились вдругъ такъ, какъ маятникъ въ часахъ которыхъ никто не заводитъ.

Въ такомъ обстоятельствѣ не оставалось ничего иного намъ къ отрадѣ, какъ дворянскіе выборы, которымъ наступило время. Трехъ-годиной срокъ ихъ истекалъ въ декабрѣ. Самымъ великолѣпнымъ образомъ призваны были всей Московской губерніи дворяне въ большую залу сенатскаго корпуса. Такъ какъ контора наша была въ сосѣдствѣ съ ней, то я могъ свободно быть зрителемъ свалки; всѣ кричали вдругъ по обыкновенію и никого нельзя было разслушать, но я здѣсь о выборахъ говорить много не стану, они скоро дѣйствующимъ лицомъ меня найдутъ въ службѣ и тогда удобнѣе будетъ мнѣ разсуждать о странномъ ихъ образованіи. Такъ окончился первый годъ царствованія Павла перваго для насъ. Слава Богу, что мы его прожили; и ето милостью Неба почестъ было можно. Мы еще были дома съ своими дѣтьми безъ разлуки вмѣстѣ; вотъ прямое и главное благо отца семейства; все прочее по большой части одна химера воспламененнаго воображенія. Ничего нѣтъ выше натуральныхъ удовольствій; они могутъ ли состоять въ чемъ либо иномъ, кромѣ тихой жизни среди своихъ домашнихъ. Горести въ семьѣ, недостатки, нужды, все сноснѣе потому, что каждая такая ноша не падаетъ на одного, но на многихъ, которыя совокупными силами легче ихъ выносятъ. Не знаю всѣ ли такъ думаютъ? Но божусь, что я при всѣхъ моихъ заблужденіяхъ не мыслить никогда иначе, и истинну сію ощущаю въ полной мѣрѣ. О! сколь пріятно такое убѣжденіе, когда около себя видишь милую жену, всѣми дарами природы обогашенную! Не всѣ въ одинакомъ положеніи, тѣмъ болѣе славу Богу, и тысячу разъ слава Богу, что я тогда находился въ подобномъ.

1798.

Посмотримъ на себя, посмотримъ
на людей,
То скука, то печаль — нѣтъ дня
безъ приключенья;
Минуты безъ тоски, часа безъ
огорченья
И вся то наша жизнь не стоитъ
двухъ грошей.

Такъ изъяснялся я въ стихахъ нѣсколько лѣтъ ниже и очень къ стати стихи сіи помѣститься могутъ въ заглавіи сего года. Есть неоспоримо какая-то смѣсь въ обстоятельствахъ, которыя то окружаютъ насъ радостями, то печалью; можно даже сказать объ нихъ, какъ о болѣзняхъ, что они въ воздухѣ. Въ пространной комнатѣ, гдѣ накурено разными благовоніями, съ ними соединяются и людскія испаренія. Не правда ли, что иногда обоняніе наше то пріятнымъ, то непріятнымъ трогается чувствованіемъ? Такъ точно, нравъ такъ и обстоятельства какъ дымъ ходятъ въ поднебесной, и иногда радость, а иногда печаль касаются нашихъ органовъ. За всякую комедію, которую я игралъ въ столицѣ, судьба мнѣ припасала огорченія, и я право не знаю, что изъ двухъ для чего дѣлалось. Забавы ли для разсѣянія моей печали, или печали для уменьшенія восторговъ? Ахъ! гдѣ они, тѣ счастливые годы, въ которые человѣкъ восхищается не думая о будущемъ! Они какъ сонъ проходятъ и когда послѣ этого сна проснешься, то день остальной жизни кажется нестерпимо долгимъ, а время сновидѣнія такъ коротко, какъ день октябрьскій.

Въ генварѣ наконецъ разрѣшили забавы, смягчили суровость мнимои печали, и мы у Трубецкого комедію свою сыграли, но какую, я истинно не помню; кажется изъ Аглинскаго Театра Le Vontop. Удачно были розданы роли; всякой находился въ собственномъ своемъ положеніи и рукоплесканія множества зрителей успѣхъ намъ доказали, впрочемъ утвердить этого доказательства нельзя. У пріятнаго хозяина, ласковые гости готовы всякому скомороху бить въ ладоши. Между тѣмъ сестрѣ моей замужней разсудилось доставить намъ непріятное приключеніе; она съ мужемъ ѣздила въ Петербургъ ¹⁾. Какъ не посмотреть Павловыхъ сумятицъ? Тамъ доживши до послѣдняго пути и вмѣстѣ до послѣдняго времени беременности, чтобы не завесновать, разсудила пуститься въ путь положась на Русское слово: авось. Оно многимъ служитъ опорой, и въ Россіи безъ него едва-ли бы мы могли считать столько славныхъ побѣдъ, сколько войска наши ихъ наиграли. Ефимовскіе графъ съ графиней поѣхали изъ Петербурга благополучно, но доѣхавши до нѣкоторой деревни въ Тверской губерніи, сестра почувствовала время родинъ, и безъ всякой помощи родила въ избѣ. Слухомъ земля полнится. Скоро дошли вѣсти о томъ въ Москву; стоустная молва все умножаетъ, и такъ сказали сперва, что она выкинула, на завтра занемогла, а дни черезъ два уже и на свѣтѣ ее нѣтъ. Мы свѣдали только съ нарочнымъ прямо отъ нихъ о семъ приключеніи, и сестра моя меньшая ²⁾ поскакала къ нимъ быть свидѣтельницей нашего

¹⁾ Гр. Ефимовскій. См. „Р. Б.“ 1913 г.

²⁾ Елизавета Михайловна.

участія, но Богу угодно было дать ей еще нѣсколько лѣтъ прожить, хотя не безъ основанія полагать можно, что сей случай былъ началомъ той болѣзни, которая ее съ жизнью разлучила. Извѣстія стали доходить въ лучшемъ видѣ, и скоро они возвратились довольно благополучно домой. Десятаго февраля сестра родила, 14-го меньшая поѣхала, а 23-го всѣ были уже съ нами. Ребенокъ умеръ. Часто мы горюемъ, когда около насъ нѣтъ докторовъ, и думаемъ, что погибли, а я напротивъ, какъ Петрархъ скажу: чортъ ли въ Ескулапахъ. Всему пора и время; пришелъ ли роковой моментъ; ни всѣ лейбъ медики четырехъ странъ свѣта дыханья не продлятъ; напротивъ, естли челоуѣкъ еще жить долженъ и безъ лѣкарствъ протянетъ лѣтъ десять. Богъ одинъ держитъ нитку живота нашего, и когда онъ ее рѣжетъ, врачи худые покровители.

Кто читалъ мою исторію, тотъ видѣлъ до сихъ поръ, что когда меня очень бѣды прижимали, иногда прибѣжище мое было къ театру. На немъ я не забывалъ, но разсѣивалъ мрачныя мои мысли. Сердце мое имѣло всегда довольно силы, чтобы перенести и самыя жестокія напасти. Почему я ето знаю скажутъ? Смерть отца моего была хотя и печаль, но печаль натуральная по порядку естества, постигнуть меня рано или поздно назначенная. Правда; но отъ того, что она была въ естествѣ, меньше ли была огорчительна? Всѣ приключенія наши не суть ли естественны? Челоуѣкъ изъ круга природы никогда не выходитъ, слѣдовательно все, что съ нимъ ни случится, все будетъ натурально. Но ето не заставляетъ заключить, чтобы оно не было тяжело. Послѣднее приключеніе и обида у У(лыбашева) со всѣми ея послѣдствіями конечно напастью почестся можетъ, но ты самъ ее навлекъ, ты самъ ей былъ причиной. Опять согласенъ; но меньше ли отъ того она тяжела и при-скорбна? Итакъ, отразивъ противорѣчіе, утвердительно скажу, что сердце мое сильно, и силою несчастнаго перенести удобно, но воображеніе боязливо и мрачно, а отъ того и нужно бывало мнѣ всегда разбивать свои мысли, потому что они часто отъ меланхолическаго моего свойства бывали такъ черны, что возмущалось отъ нихъ воображеніе, и я нерѣдко близокъ бывалъ къ тому, чтобы сойти съ ума. Для того то и жена моя меня часто посылала въ гости, во времена своихъ болѣзней, дабы я менѣ страдалъ. Я не былъ охотникъ ни до собакъ, ни до винъ, ни до картъ, любилъ однихъ людей и очарованій, слѣдовательно одинъ театръ способенъ былъ приводить въ движеніе пылкія мои чувства и занимая ихъ, хотя не надолго отвлекать отъ предметовъ печальныхъ. Такъ точно и во время весны сего года, убѣгалъ я дома своего, въ которомъ всякая минута сопровождается была горькими слезами. Жена моя начала такъ сильно харкать кровью и такъ неумѣренно часто, что Политковской, ея докторъ, да и прочіе ѣздившіе къ ней на консилии, не предвидѣли въ животѣ ея надежды. При всемъ своемъ великодушій, теряла и она всѣ упованія остаться въ мірѣ. Политковской однажды не обаяуясь ей сказалъ: чтобы она готовилась въ Донской¹⁾, ибо онъ уже не знаетъ никакихъ средствъ къ ея спасенію; все сіе дѣлалось въ ней однако безъ сильныхъ изнеможеній; она даже не лежала, но или что нибудь работала, или читала книги, и каждая минута, каждый звукъ ея кашля грозилъ дому бѣдой. Увы! какая картина! какая

¹⁾ Т. е. на кладбище Донского монастыря.

бѣдственная полоса въ жизни! Всѣ усилія врачей часть отъ часу становились болѣе безполезны, но Богъ, еще Богъ, сей великой цѣлитель души и тѣла не подписалъ приговора ея кончины. Онъ еще былъ приклоненъ къ ея вздохамъ, моимъ слезамъ, и молитвамъ праведныхъ, коимъ она въ тайнѣ милостыню творила. Богъ ее сохранилъ тогда, какъ менѣе всего етого ожидали. Въ одинъ день послѣ послѣдней почти консиліи на удачу доктора ей предписали пить кобылье молоко; новость ли сего средства, или страхъ приближающагося конца, такъ сильно подѣйствовали на ея нервы, что кровь унявъ гортанные свои потоки, обратилась къ натуральнымъ ея источникамъ. Жена получила бодрость, силы и молоко кобылье возродило ее какъ бы снова; оно ли сіе произвело? Конечно оно, по самому натуральному свойству своему и дѣйствию на слабыя груди, но я тогда приписывалъ сіе Богу, и тѣмъ былъ еще вѣрнѣе въ своихъ надеждахъ. Сіи строки будутъ имѣть свое истолкованіе послѣ, до тѣхъ поръ пусть они и странны и безбожны покажутся, не о томъ здѣсь разсуждать мы будемъ, а обратясь опять къ себѣ, удивлю читателя, когда скажу, что между всѣми етими мучительными не днями, а недѣлями, я игралъ комедію. Меня таскали на пробы, жена требовала, чтобы я ими занимался и не былъ дома, потому что будучи мнительнъ, робокъ, не могъ никогда скрыть своихъ чувствъ; они печатались во всѣхъ чертахъ моего лица, и приводили только въ пушій страхъ самую жену мою, которая и отъ собственного своего состоянія, и отъ моихъ внутреннихъ болѣзней была сугубо терзаема. Чего она не перенесла въ это время!

Здѣсь обязанъ я снова выразить ужасную черту характера Императрицы; желалъ бы молчать, но духу не ставало переносить все то что она съ нами дѣлала; пусть по крайней мѣрѣ бумага приметъ, потомство по ней прочтетъ до какой степени она съ нами сурово обходилась. Противъ нашего дома въ Москвѣ, за Москвой рѣкой, былъ такъ называемый скотный дворъ, воспитательному дому принадлежащій, въ которомъ для пріѣзда опекуновъ или чиновниковъ отдѣлены были покои; Доктора совѣтовали женѣ моей переѣхать за городъ и тамъ врачевать чистымъ воздухомъ. Ничего лучше нельзя было пріискать етого загороднаго дома. Жена, обратя на него свои виды, испрашивала позволенія у Императрицы туда на одно лѣто переѣхать и въ етомъ ей было отказано, — а для чего? Для того, что Императрица назначила въ етомъ домѣ прививать коровью оспу нѣсколькимъ дѣтямъ Воспитательнаго дома. О семъ поступкѣ послѣ предшествовавшихъ обстоятельствъ при воспитаніи и свадьбѣ жениной нѣтъ нужды много разсуждать; всякой прочтя сіи строки остановится и съ негодованіемъ глаза вскинеть на небо. Умиравшая жена, питомица, не могла успѣть и въ томъ, чтобы ей дали уголъ на скотномъ дворѣ для обольщенія мыслей, для услажденія мнимой надежды, что сіе убѣжище будетъ спасительно!

Посреди всего того я занимался театрами, ролями, представленіями. Не приходи однако любезной сынъ мой, ты для кого я ето болѣе пишу нежели для всей публики, не приходи отъ этого въ ужасъ. Какъ! мать моя умирала а отецъ мой игралъ комедіи. Такъ мой другъ, такъ, странно, непостижимо, особливо при той любви, которую я имѣлъ къ женѣ моей, безподобной Евгеніи; но пусть кто либо изслѣдуетъ каковъ я былъ даже въ самыя зрѣлища за кулисами какое на мнѣ

представлялось лицо. Одно изступленіе театра когда я на немъ болталъ свою ролю, казалось меня согласнымъ съ моимъ положеніемъ; одно искусство въ игрѣ служило публикѣ пріятнымъ можетъ быть очарованіемъ, но какъ скоро я сходилъ съ подмостковъ и входилъ съ самаго себя, тотъ часъ тоска, печаль, страхъ ѣли мое бѣдное сердце. Я отъѣзжалъ домой думая: ну я теперь уже друга моего не застаю! Кто уразумѣтъ эти волненія кромѣ того, кто ихъ испытывалъ? Ахъ! не теперь ли, не сейчасъ ли смерть у меня все отнимаетъ? О какъ содроганія сіи мучительны! Блаженъ кто объ нихъ по книгамъ только имѣетъ понятіе!— Чувствовать какъ на свѣтѣ есть адъ, мучительнѣй ожидаемой грѣшниками геены! есть тартаръ, которой одинъ Творецъ Натуры силенъ былъ помѣститъ среди рая вселенной, во множествѣ тѣхъ сокровищъ, коими природа ее украсила и обогатила. Не вините меня, читатели; душа моя дорого выкупила тѣ минуты разсѣянія которыхъ я искалъ, и находя терялъ внезапно. Кто лучше зналъ меня жены моей? и она действительно хотѣла, чтобъ я въ болѣзняхъ ея никогда не множилъ присутствіемъ своимъ ея страданій. Слава Богу! Слава Богу! ей лучше, пойдемъ по пути жизни нашей далѣе.

Гдѣ я игралъ, что и съ кѣмъ? Прежде надобно два слова молвить о правительствѣ. На что? какую связь это имѣетъ съ нашей труппой? Не малую. Одна страница письма все это покажетъ. У Павла, какъ у фантазмагористовъ картины безпрестанно мѣнялись, то та голова, то другая въ тѣняхъ на холстѣ отличается; такъ и въ Москвѣ Военные губернаторы безпрестанно смѣнялись. Были князь Долгорукой, но вдругъ онъ не полюбился и на мѣсто его прискакалъ въ Москву Графъ Иванъ Петровичъ Солтыковъ фельдмаршалъ, о которомъ много писано было мною во время шведской войны. Онъ былъ родня всѣмъ Трубецкимъ, начиная отъ самаго потопа. Одна изъ родственницъ его, женщина подлинно прекрасная и вдвое того любезная ему понравилась, Графъ былъ уже старъ но еще влюбчивъ; онъ тотчасъ разставилъ свои батареи противъ ея прелестей. Въ етой битвѣ княгинины способы были сто разъ надежнѣе, потому что она принялась за всѣ обольщенія женскому полу свойственные! Что можетъ быть удобнѣе театра? Онъ и дурныхъ кажется прекрасными, какъ же красавицъ не уподобить Богамъ? Для большаго сіянія знала она что ей надобно быть одной безъ сравненія съ другими. Къ стати на сей конецъ другая княгиня Трубецкая, женщина вышедшая уже изъ молодости и также родня ея, упражняющаяся въ стихахъ и прозѣ съ большимъ успѣхомъ представила сочиненія своего драмму; имя ей было Эдуардъ и Эмма. Она была не напечатана; сынъ автора, и которой превосходно зналъ музыку, положилъ мелодраму матери своей на ноту. Чтобы разыграть ее на театрѣ надлежало имѣть актера и Актрису; княгиня Трубецкая удостоили чести сей меня. Она въ этомъ назначеніи не теряя своего расчёту! вѣдая что Графъ ревнивъ, нельзя было лучше выбрать себѣ въ любовники какъ меня, потому что я былъ очень дурень и плѣнить сердце ея не въ состояніи. Да я же ходилъ не въ мундирѣ, а въ глазахъ княгини это было великой недостаткомъ; она такъ любила бѣлыя кирасирскія кафтаны, а особливо подъ голубой лентой! Какое множество сѣдинъ эта одежда убираетъ! Словомъ вы теперь видите для чего мнѣ нужно было поговорить о Павлѣ Первовѣ, думаю однакожъ что я лишняго ничего еще не сказалъ. Театръ

потребенъ былъ просторной, помѣстительной. — Эмма предполагала всю Москву сдѣлать свидѣтельницей ея искусства на театрѣ. На сей конецъ кн. Шаховской далъ свой театръ; онъ былъ далекъ отъ всюда почти за городомъ, но что за нужда для Военнаго Губернатора, у котораго всегда хорошія лошади въ упряжкѣ, все два шага. Театръ етотъ имѣлъ всѣ выгоды, помѣстить могъ до трехъ сотъ человѣкъ, но мы звали четыреста. Кто ранѣе пріѣдетъ думали мы тотъ и правъ, а опоздавшія пѣнныя на себя, или дави всѣхъ на право и налѣво. — Чего не дѣлаетъ въ людяхъ любопытство? На сценѣ расположенъ былъ громъ, молнія, буря, море, корабль, которой со мной погружался въ бурной океанъ, дикія камни; все было симметрически разставлено и никогда я думаю кораблекрушеніе не было столь пріятно глазамъ какъ тутъ. Оркестръ наполненъ былъ при сочинителѣ музыки изъ охотниковъ то есть изъ людей благородныхъ, которыя скрипокъ настроить не умѣютъ. — Свалка была большая. Полиція всемѣрно трудилась ввести четыреста человѣкъ въ такія стѣны, въ которыхъ можетъ войти только триста, и казалось бы вить нельзя? Ничего не бывало. — Слово какъ нибудь въ Россіи все затрудненія разрѣшаетъ; оно подобится Александрову ножу, разсѣкающему гордеанскую петлю. Нѣчего говорить объ насъ двухъ; мы играли прекрасно, чрезвычайно безподобно, и рукоплесканія долго послѣ зрѣлища и далеко по Калужской дорогѣ (ибо театръ былъ у самой ея заставы) простирали свои звуки. Тото восхитительная минута, когда послѣ успѣха въ сыгранной роли покажешься вдругъ въ огромную и прекрасно освѣщенную залу, гдѣ роскошь не оставила ни одной точки въ небреженіи, ни одного лица безъ своихъ прелестей! всѣ привѣтствуютъ, всѣ поздравляютъ. Толпа соберется знакомыхъ; множество сыщется благосклонныхъ пріятелей. Каково же было для княгини Трубецкой, встрѣчающей пламенные взоры военачальника Москвы, обращенные совокупно со всѣми прочими на нее, да на нее одну. — О! я думаю что завоеванія Персіи и Царяграда, со всей Африкой и лучшими островами Америки меньше пріятны, меньше торжественны. Красавица, сыгравшая прекрасно хорошую роль все помрачаетъ въ залѣ. Можно объ закладъ биться, что Прусской кавалеристъ, который весь свой вѣкъ на конѣ сидитъ и ищетъ увѣчья на поляхъ брани за честь своего Государя, не выкурилъ столько трубокъ табаку въ свой вѣкъ, сколько руки княгини Трубецкой получили пощлуевъ. Послѣ етаго сравненія чрезвычайнаго въ своемъ родѣ, мнѣ право ничего выразительнѣе сказать не остается.

Етотъ праздникъ давался Апрѣля 20-го, и я за мое искусство въ награду, чуть было отъ судьбы не пожалованъ въ кривые. Какое бы знатное прибавила она преимущество ко всѣмъ прочимъ наружнымъ моимъ прелестямъ! Долго ли до бѣды? Такъ мало надобно, чтобъ обезобразиться совершенно! Я ѣхалъ въ Контору мудрствовать о соляныхъ оборотахъ и по странной для многихъ но для меня полезной привычкѣ, потому что она сокращала мои переѣзды изъ мѣста въ мѣсто, а въ Москвѣ это такъ нужно; разстоянія всѣ такъ велики, время такъ тѣшето пропадаетъ, въ каретѣ читалъ книгу; это упражненіе меня ни мало не беспокоило; многія ему сперва смѣялись, называли меня чудачкомъ, но когда увидѣли, что насмѣшка меня не трогаетъ, и я чтенія моего въ каретѣ не прерываю, оставили меня въ покоѣ и никто привычкой моей

не сталъ болѣе заниматься. — Обыкновенное слѣдствіе равнодушія или презрѣнія къ насмѣшкамъ. И такъ я въ каретѣ читалъ книгу; чтобы лучше видѣть я держался ближе къ окошку; оно было открыто. Лошадь оторвавъ копытомъ камень изъ мостовой, кинула его на бѣгу въ боковое мое окошко; въ одну минуту глазъ мой закрылся, книга выпала изъ рукъ. Гдѣ больно тутъ тотчасъ руки. Ощупавши кровь, я велѣлъ поворотить домой. Приѣхавъ осмотрѣлся въ зеркало, и нашелъ не большую ссадку, такъ близко къ вѣки глазной, что ежели бы на полъ градуса ближе попалъ открывокъ етаго камня, конечно я бы сдѣлался циклопомъ. Куда бы тогда дѣвались комедіи наши? Княгиня Трубецкая пролила бы о такомъ жалкомъ со мной приключеніи хоть одну горестную слезу не меня ради, но комедіи. — Для чего бы то ни было пріятно возбудить сожалѣніе! Сoglасенъ; но что то я не тужилъ о томъ, что не успѣлъ сдѣлаться предметомъ слезъ Эммы, дражайшей Эммы, съ которой спокойное кораблекрушеніе на бумажномъ кораблѣ несравненно пріятнѣе, чѣмъ потеря глаза. Ни кому природа не дала лишняго; и такъ благодарю тебя натура, благодарю тебя случай, что размѣръ копыты моего коня и удачной бѣгъ кареты, счастливой поворотъ кисти моего кучера, которыя на градусъ отвели лошадей въ сторону, спасли меня отъ новаго безобразія. Натура посовѣстилась; она и такъ меня имъ наградила при рожденіи, вмѣсто бѣды сдѣлалась самая сносная болячка, которая не помѣшала мнѣ быть ни на одной репетиціи. Вотъ каковы иные говорили быть страннымъ, читать въ каретѣ. Глазъ мой зажилъ и я опять сталъ возить Реналя съ собой въ контору.

Наступило лѣто, оно имѣетъ свои прелести, оно богато удовольствіями другого рода нежели комедіями, а потому всѣ театры благородные съ весны закрылись до зимы. Съ лѣтомъ жена ободрилась, я обрадовался и воспользовался моей свободой; служа такъ какъ я служилъ, это значило числиться въ службѣ а не исправлять ее. Съ дозволенія Директора по праздничнымъ днямъ иногда отлучался за городъ. Тогда праздниковъ было много; еще съ етой части не знали экономіи и случалось мнѣ дней по пяти прогуливать сряду. Любопытство мое влекло меня посмотреть въ округъ лежащія мѣста; я хотѣлъ имѣть понятіе объ окрестностяхъ Москвы. Городъ въ буднія дни измѣривалъ пѣшкомъ по вечерамъ, а въ праздники ѣзжалъ за заставу; видѣлъ Воскресенской монастырь со многими его церквями. — Подлинно чудно какъ Никонъ патріархъ, столь знаменитый мужъ своего времени могъ уживаться въ такихъ хижинахъ какова была его пустыня. Едва можетъ въ ней помѣститься человекъ съ нѣкоторымъ благосостояніемъ и спокойствомъ. Тутъ большое число церквей состроенныхъ Императрицами и знатными особами. Тутъ всѣ мѣста имѣютъ тѣ же названія какъ и въ Іерусалимѣ, и дѣйствительно нѣтъ ничего страннѣе какъ слышать въ сорока верстахъ отъ Москвы наименованіе Фавора, Вифаніи, Капернаума, Лобнаго мѣста и прочее. — Послѣ етаго монастыря ѣздилъ я въ Савинъ; тамъ мощи лежатъ Звенигорскаго чудотворца. Тамъ остатки древностей Россійскихъ весьма примѣчательныхъ. Монастырь сей на самомъ лучшемъ мѣстѣ. Дорога къ нему отъ Москвы лежитъ по берегамъ Москвы рѣки, устѣянной прекраснѣйшими видами. О! какъ пріятно туда ѣздить самъ другъ, или съ пріятельской бесѣдой, съ хорошими книгами въ ясную погоду! Тамъ можно примѣтить съ любопытствомъ трехъ разныхъ архи-

тектуръ обрашки, въ обветшалыхъ дворцахъ Алексея Михайловича, Елизаветы Петровны и въ новыхъ Екатерины покаяхъ. Можно съ благоговѣніемъ прикоснуться къ тому далматіку въ которомъ хаживалъ царь Алексей Михайловичъ. Етотъ монастырь часто имѣлъ его посѣщеніе и когда онъ ѣзжалъ на поле, то проживалъ въ немъ иногда недѣли по двѣ, и за трапезой съ братіей тамошней доказывалъ часто самымъ дѣломъ, что Царь Давидъ догадливъ былъ, когда сказалъ: что вино веселитъ сердце человѣка. — Былъ также я у Троицы. Кто живучи въ Москвѣ не захочетъ видѣть етой знаменитой обители, которая украшалась тогда присутствіемъ въ ней Платона славнаго нашего проповѣдника? — 6 Августа у него бывалъ праздникъ въ Виоаніи, такъ называемой пустыни, гдѣ семинаристы дабы менѣе страшится ожидающаго ихъ со временемъ уединенія, обучаются играть на скрипкахъ. — Какая пріятная пустыня, гдѣ можно слышать Гайденовъ Адажіо или Пайзіелловъ Рондо! — Такова была пустыня Платонова. Онъ самъ въ означенный праздникъ служилъ обѣдню, самъ поучалъ насъ слову Божію, и я любя въ немъ риторъ богослова, ученаго мужа, даже пастыря церкви, весьма ненавижу свѣтскаго человѣка потому что онъ грубъ, гордъ, упрямъ; не умѣетъ ни жить, ни обращаться; принимаетъ худо; не сажаетъ въ кельѣ у себя никого, — словомъ онъ невѣжа въ свѣтѣ. — Мнѣ скажутъ что онъ Монахъ: — неправда. — Архіерей который носитъ нѣсколько лентъ и числится кавалеромъ (такъ завелось при Павлѣ I), который правитъ большей Епархіей, присутствуетъ въ Синодѣ, консисторіяхъ, читаетъ регламенты, рѣшитъ дѣла самыя соблазнительныя, слушаетъ то, отъ чего у монаховъ каковы были Антоній и Феодосій Печерскія, уши вяли, который пьетъ, ѣстъ хорошо, одѣвается роскошно, живетъ въ нѣгѣ и отдыхаетъ въ зеркальныхъ кабинетахъ, такой Архіерей по моему не монахъ, а какъ скоро духовнаго званія баринъ, то онъ долженъ быть вѣжливъ, учтивъ, благоприступенъ, и посѣтителей своихъ не окуривать отрывками пресыщеннаго желудка; но естли онъ въ комнатахъ у себя несносенъ, то сколь же онъ кажется преподобенъ въ храмѣ Божіемъ предъ Олтаремъ Всевышняго! всѣ его помышленія стремятся къ Богу! Онъ съ изображенія его не снимаетъ глазъ; онъ бесѣдуетъ мысленно съ Саваофомъ, и дары его суть жертвы умиленныя, жертвы исторгающія даже изъ сердецъ невѣрующихъ потоки слезныя. Ето я видѣлъ на лицахъ многихъ иноплемennыхъ. — Какая разница между его пустыней и Никоновой! Тамъ двумъ поворотиться негдѣ, а въ Вифаніи можно накормить человѣкъ тридцать. — Платонъ очень щеголяетъ своими церквами, ризницей, которая отмѣнно у Троицы богата, обогащаетъ ее своими дарами, охотно служитъ обѣдню, и уже заранѣе назначилъ тѣлу своему мѣсто. — Какъ жаль, что етотъ философъ въ рясѣ не умѣетъ обходиться и не старается присоединить къ славѣ отличнаго священника имени свѣтскаго просвѣщеннаго гражданина.

Прошло лѣто и за нимъ наступила пасмурная осень. Я накупилъ на всю зиму въ каминъ дровъ, потому что безъ камина нельзя жить какъ безъ воздуха, а чтобъ и сердечной каминъ всегда содержать въ теплѣ, я возобновилъ прежнія мои знакомства; ѣздилъ къ Нарышкиной которой заразъ уже я не боялся, къ Долгорукой, теткѣ моей, которой дружество отъ превратныхъ обстоятельствъ усиливалось, къ другой

Долгорукой вдовѣ, съ которой прежняя моя связь не потерпѣла никакой разстройки. И такъ между ими, то съ той, то съ другой, я прогонялъ на бѣломъ свѣтѣ тоску осеннихъ вечеровъ. — Въ сентябрѣ выпустили изъ конной Гвардіи съ чиномъ корнета въ драгунской полкъ Хостатова, стоявшій тогда въ Харьковѣ, брата моего Гришу Богданова. Это меня порадовало, ибо ему въ гвардіи служить становилось несносно. Никто не жаловалъ, а всякой билъ. Тяжкое состояніе! Мы съ нимъ повидались; онъ отправился въ полкъ и началъ вести свою службу, а я во всю зиму началъ какъ птица съ вѣтки на другую перескакивать съ печали на печаль. — Начались они тѣмъ, что сентября 21-го жена выкинула двухмѣсячнаго зародыша, который и похороненъ въ домѣ нашемъ подъ Дѣвичьемъ полемъ близъ домовой нашей церкви. Сей случай хотя не сопровождался болезненными приключеніями, но все былъ не въ радость, особливо послѣ ея немощей прежнихъ мало или ничего не предвѣщалъ хорошаго. — Сіе случилось съ нею такъ нечаянно, что на вечеринкѣ у насъ при многихъ гостяхъ едва она успѣла вытти изъ за картъ какъ уже все было кончено. Тотчасъ прискакалъ Политковской и начался опять ея карантинъ. — Увы! давно ли она изъ него бѣдная вышла! Природа мучила ее съ стороны физики за тѣ конечно возвышенныя чувства которыми она была одарена отъ Бога. — По нѣкоторомъ облегченіи ея въ домѣ Волконскихъ затѣяли театръ и меня играть пригласили. Етотъ домъ былъ сердцу моему милѣе всѣхъ прочихъ моихъ знакомствъ, слѣдовательно отказа имъ никогда не было; выборъ пѣсы умножилъ желаніе мое показаться опять публикѣ они назначили *Philosophe marié* и ту же ролю въ ней мнѣ дали, какую я игралъ и прежде у двора, да у принцессы Барятинской, то есть, Ариста. Хотя времена между собой были очень различны, но сіе удовольствіе театральнаго не уменьшало, и такъ, пьесу мы выучили. Я съ восторгомъ готовился ее играть; за то встрѣтили меня новыя непріятности. Учитель при дѣтяхъ нашихъ г. Тіери былъ мущина видной. Будучи позванъ съ дѣтьми на дѣтской балъ къ Гагариной, я его привезъ туда съ собой. Онъ полюбился хозяйкѣ и многимъ ея пріятелямъ, которые недовольны были м н о й, чтобъ поступить со мной во всей строгой честности, на самомъ етомъ балѣ посулили ему больше жалованья, подговорили отъ меня сойтись и Кн: Вяземской, тотъ самый который былъ Генераль губернаторомъ въ Пензѣ во время моей тамъ службы, у насъ его подбилъ; онъ отошелъ и поставилъ насъ въ новомъ затрудненіи искать на смѣну его другого. Немудрено конечно найти такого учителя какъ въ лицѣ г. Бральмана представленъ въ Недорослѣ. О! конечно, не мудрено благодаря французской революціи, которая ихъ изъ отечества выгоняла тысячами. Мы въ нихъ недостатка не имѣемъ, но сыскать настоящаго и хорошаго нравоучителя весьма трудно. Случай намъ послалъ челоуѣка по сердцу. — По рекомендаціи Долгорукаго Князя Юрія Владимировича сына, приняли мы Г. Венца, нѣмца, челоуѣка строгихъ правилъ, хорошаго поведенія и съ познаніями. Онъ не замѣшался къ намъ пріѣхать на тѣхъ же условіяхъ денежныхъ, какія имѣлъ прежній, и мы опять насчетъ ребятишекъ нашихъ успокоились. — Комедія шла своимъ чередомъ, но видно въ книгахъ судебъ написано было, что прежде нежели мы ее сыграемъ много воды утечетъ и пробѣжитъ обстоятельствъ всякаго рода.

(Продолженіе слѣдуетъ)

БИБЛИОГРАФІЯ.

1.

С. Тройницкій. Фарфоровыя табакерки Императорскаго Эрмитажа. Петроградъ. 1915. Тип. Сиріусъ. Изданіе журнала „Старые Годы“. Ц. 3 р. 50 к.

Въ отдѣлѣ драгоцѣнностей Императорскаго Эрмитажа находится замѣчательное собраніе фарфоровыхъ табакерокъ, сдѣланныхъ, преимущественно, нашимъ Императорскимъ Фарфоровымъ заводомъ во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Императорскій Фарфоровый заводъ былъ основанъ въ 1744 году. Первые годы его существованія какъ разъ совпали съ модой въ Европѣ на табакерки, что, естественно, вызвало усиленное изготовленіе таковыхъ на нашемъ заводѣ. Первые табакерки въ небольшомъ количествѣ были выдѣланы въ 1751 году. Въ 1753 году производство значительно увеличилось, особенно, когда появились, такъ называемыя „пакетовыя“ или „пакетошныя“ табакерки (форма запечатаннаго конверта), очень понравившіяся при дворѣ и непрерывно изготовлявшіяся затѣмъ во все царствованіе Елисаветы.

Насколько разнообразны были выдѣлки табакерокъ, можно судить по реестру вещей, оставшихся по смерти перваго русскаго мастера изъ „порцелина“ (фарфора) высокоодареннаго художника Дмитрія Ивановича Виноградова. Табакерки были осьмиугольныя, круглыя, четырехугольныя, гладкія и рѣзныя, на подобіе раковины, барабанчика, корзиночки, дыни, колыбели, гроздьевъ винограда, башмачка, комодика, тыквы, яблока, юбочки и т. д. На Императорскомъ заводѣ были даже спеціальныя „табакерочныя“ живописцы — Андрей Черный, Пименъ Тупицынъ, Ѳеодоръ Алексѣевъ и Левъ Терской. Левъ Терской писалъ исключительно адреса на „пакетошныхъ“ табакеркахъ, а остальные художники покрывали табакерки миниатюрной живописью.

С. Тройницкій сдѣлалъ довольно подробное описаніе 70 табакерокъ, находящихся въ Эрмитажѣ, снабдивъ его небольшимъ вступленіемъ съ историческими свѣдѣніями о русскомъ производствѣ и съ указаніемъ на живопись табакерокъ, по которой можно судить о политической, общественной и частной жизни XVIII столѣтія.

Иванъ Евдокимовъ.

2.

Гербы лейбъ-компаніи оберъ и унтеръ офицеровъ и рядовыхъ. Составилъ С. Тройницкій, рисовалъ О. Шарлемань. Петроградъ. 1915 г. Тип. Сиріусъ. 8°. 566 стр. съ рис. Ц. 7 рублей.

25 ноября 1741 года цесаревна Елисавета Петровна при помощи лейбъ-гвардейскихъ полковъ и особенно гренадерской роты Преображенскаго полка „безъ всякихъ дальностей и не учиня никакого кровопролитія“ стала Россійскою императрицей.

За ревностную службу, полки были осыпаны денежными наградами, а гренадерская рота Преображенскаго полка переименована въ лейбъ-компанію, и всѣ ея унтеръ-офицеры, капралы и рядовые пожалованы дворянскимъ званіемъ съ дарственными на земли, угодья и крестьянскія души.

По повелѣнію Государыни, Герольдія немедленно приступила къ составленію нѣсколькихъ сотъ гербовъ для новыхъ дворянъ.

Только при неустанномъ трудѣ всѣхъ художниковъ Герольдіи и за-прещеніи имъ заниматься всякими иными работами, кромѣ изготовленія дипломовъ лейбъ-компанцамъ, Герольдіи удалось выполнить столь отвѣтственный и безпримѣрный заказъ.

Всего Елисаветой Петровной было утверждено 220 лейбъ-компанскихъ гербовъ.

Книга С. Тройницкаго (въ рисункахъ О. Шарлеманя) воспроизводитъ эти гербы съ подлинной рукописи департамента Герольдіи.

Превосходно напечатанная въ тип. Сиріусъ красивымъ стариннымъ тисненіемъ, съ четко и образцово оттиснутыми гербами, эта книга выдѣляется даже среди предыдущихъ очаровательныхъ изданій С. Тройницкаго, какъ особливо технически удавшаяся. Но нельзя все же не по-сѣтовать на нѣсколько неумѣренную толщину ея и неумѣстный въ дан-номъ случаѣ форматъ въ восьмерку. С. Тройницкій могъ употребить болѣе тонкую бумагу и увеличить размѣръ до четверки, а то въ тепереш-немъ видѣ пользоваться книгою неудобно — она разламывается по корешку.

Отсутствіе воспроизведеній въ краскахъ хотя бы одного герба лейбъ-компанца, разочаровываетъ.

Въ „приложеніи“ на сотнѣ страницъ находимъ до сихъ поръ неиз-дававшіеся матеріалы, интересные какъ для исторіи лейбъ-компаніи, такъ, и что особенно важно, для исторіи русской геральдики.

„Указатель лейбъ-компанцамъ“ перепечатанъ изъ „Русскаго Архива“ за 1880 годъ.

Большую часть гербовъ лейбъ-компаніи С. Тройницкій издалъ впер-вые, что значительно увеличиваетъ цѣнность новаго труда нашего та-лантливаго гербовѣда.

Иванъ Евдокимовъ.

3.

Сочиненія К. С. Аксакова, Т. I. Редакція и примѣчанія Я. А. Ляцкого. Изд. „Огни“, Петроградъ, 1915.

1-е изданіе сочиненій К. С. Аксакова, предпринятое его братомъ П. С. Аксаковымъ въ 1861 году, осталось неоконченнымъ. Вышло только

3 тома, изъ намѣченныхъ шести и произведенія художественныя, критическія статьи и письма остались неизданными. Нынѣ племянница автора, О. Г. Аксакова, рѣшила обнародовать все, что не появлялось еще въ печати и пополнить то, что въ 1-мъ изданіи оказалось въ неполномъ видѣ.

Въ вышедшій томъ вошли стихотворенія, переводы и драматическія сочиненія, сопровождаемые примѣчаніями Я. А. Ляцкого.

4.

А. Э. Мальмгренъ. Русскія народныя картинки. Матеріалы для полнаго описанія ихъ со снимками. Ч. I. Вып. I. Митава, 1915 (31 стр.).

Народныя картинки со времени Д. А. Ровинскаго продолжаютъ интересовать нашихъ собирателей, и большое количество разновидностей этихъ листовъ, выходящихъ до настоящаго времени въ очень значительномъ числѣ, даетъ много матеріалу для желающихъ заняться ихъ описаніемъ. Событія нашихъ дней особенно вызвали появленіе множества лубковъ, и регистрація ихъ весьма интересна для исторіи русскаго народнаго искусства. А. Э. Мальмгренъ предпринялъ описаніе народныхъ картинокъ вышедшихъ послѣ 1839 г., которымъ Д. А. Ровинскій закончилъ свое знаменитое изданіе. Вышедшій выпускъ заключаетъ въ себѣ описаніе только 37 листовъ, что при огромности матеріала заставляетъ опасаться за возможность скорого окончанія этого труда. Жаль также, что выпускъ изданъ довольно небрежно, на плохой бумагѣ и съ плохими снимками.

5.

Л. Чижиковъ. Одесскіе букинисты. Страничка изъ недавняго прошлаго Одессы. Одесса, 1915. (15 стр.).

Небольшая брошюрка въ интересномъ изложеніи рисуетъ нѣсколько типовъ недавняго прошлаго изъ мало изслѣдованнаго нами быта книжниковъ - антикваровъ. Кое-что знаемъ мы о столичныхъ, преимущественно московскихъ букинистахъ, по трудамъ Д. Л. Ульянинскаго, провинція же въ этомъ отношеніи для насъ совершенно неизслѣдована. Брошюрка автора, давно уже близкаго всему, что касается книги и ея представителей, даетъ намъ любопытную бытовую картинку и читается съ большимъ интересомъ.

6.

В. Т. Георгіевскій. Фрески Панселина въ Протатѣ на Аѳонѣ. Альбомъ съ 32 таблицами фототипій и 3 цвѣтными снимками по способу Люмьера. Изд. Имп. Рус. Арх. Общ. СПБ. 1914 годъ.

Три года тому назадъ В. Т. Георгіевскій издалъ въ свѣтъ замѣчательную книгу „Фрески Ферапонтова монастыря“. Собственно, книга В. Т. Георгіевскаго въ части, касающейся изслѣдованія фресокъ отдаленной Новгородской обители, совсѣмъ не была замѣчательной, даже напротивъ, но ея великое значеніе было въ томъ, что въ ней В. Т. Георгіевскій впервые воспроизвелъ подписную работу гениальнаго иконника

Діонисія, о которомъ съ такимъ восторгомъ говорятъ русскія лѣтописи XIV и XV в.в.

И тогда уже, въ худшей части книги — характеристикѣ творчества Діонисія, В. Т. Георгіевскій обнаруживалъ какъ бы растерянность передъ открывшейся ему красотой.

Въ Ферапонтовской росписи, такой остро-индивидуальной, отмѣченной кистью „вѣнчаннаго геніемъ мастера“, такой русской, національной живописи (достаточно вспомнить русскія лица Николая Чудотворца, Спасителя и Богоматери), В. Т. Георгіевскій усмотрѣлъ разнообразныя вліянія Запада и въ одеждахъ, и въ удлинненныхъ пропорціяхъ фигуръ, и въ медальонахъ (сербскія росписи) и въ колоритѣ, и въ композиціи и тому подобное.

Нынѣ онъ выпустилъ альбомъ „Фрески Панселина въ Протатѣ на Аѳонѣ“, изъ коротенькаго предисловія къ которому видно, что В. Т. Георгіевскому работы Панселина кажутся первоисточникомъ, повліявшимъ благотворно на русскія росписи и въ частности на мастерство Діонисія.

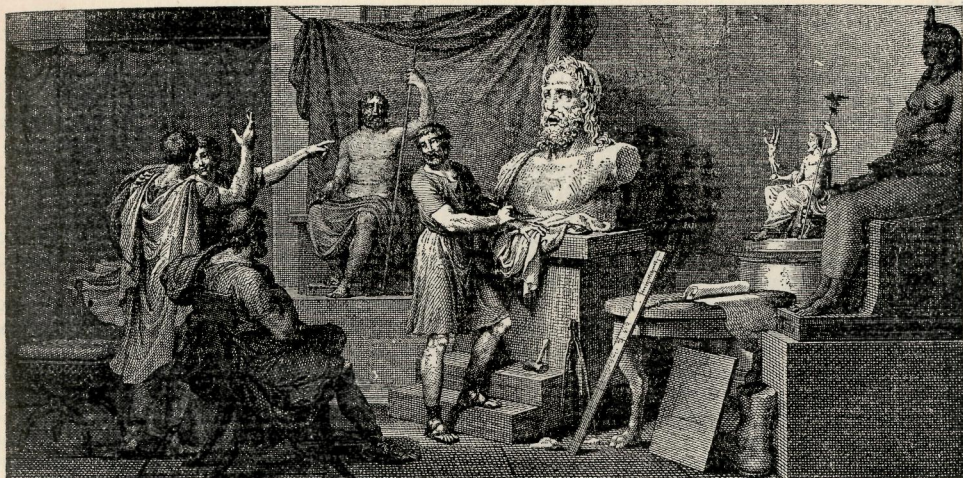
Панселинъ былъ знаменитый солунскій художникъ. На Аѳонѣ находится церковь во имя Успенія Божіей Матери, росписанная имъ и уже давно привлекавшая ученыхъ своими интересными фресками. Вотъ туда-то и поѣхалъ В. Т. Георгіевскій, вѣрный запавшему въ его душу сомнѣнію о несамостоятельности Ферапонтовской росписи. В. Т. Георгіевскій — въ результатѣ своихъ поѣздокъ — издалъ альбомъ съ 35 снимками якобы работъ Мануила Панселина. Однако, даже при бѣгломъ осмотрѣ снимковъ альбома можно заподозрить принадлежность ихъ одному художнику. Да если бы они, допустимъ, принадлежали и одному Панселину, то дарованіе его безпристрастному зрителю и тогда бы не показалось недостижимымъ. Дарованіе это сравнительно небольшое, будничное, непритязательное, вліять оно не могло — и не вліяло.

Искусство Діонисія и искусство Панселина взошли на Византійской почвѣ, но искусство каждаго изъ нихъ созрѣло и возмужало при совершенно различныхъ условіяхъ жизни и традиціяхъ иконописныхъ школъ. Сближеніе ихъ не даетъ благопріятнаго результата. Русская иконопись имѣла самостоятельныя устойчивыя традиции и преемственно сберегла ихъ до конца XVIII столѣтія. Скептическому отношенію къ своему искусству, бездоказательному предположенію, что оно заимствовано въ лучшихъ своихъ образцахъ, долженъ же придти когда-нибудь конецъ, хотя бы изъ національнаго самолюбія.

В. Т. Георгіевскій не будетъ первымъ при этомъ „возрастѣ Россіи“.

Иванъ Евдокимовъ.

ХРОНИКА, МЕЛКІЯ ЗАМѢТКИ.

ПЕТРОГРАДЪ.

Въ засѣданіи Императорскаго общества любителей древней письменности, подъ предѣтельствомъ гр. С. Д. Шереметева, первое сообщеніе о рукописи „Алфавитъ духовный, въ немъ же сущее содержаніе бытійское воспоминаніе“ было прочтено В. Гр. Дружининымъ. Сдѣлавъ обзоръ существующихъ въ старообрядческой письменности лѣтописныхъ записей и повѣствованій, референтъ перешелъ къ разсмотрѣнію содержанія означенной выше рукописи. Извѣстія изъ жизни старообрядцевъ въ рукописи передаются въ прозѣ или въ виршахъ; въ одной изъ главъ „Алфавита“ авторъ даетъ лѣтопись своего рода, впрочемъ не приводя своей фамиліи, а только инициалъ ея — Ш. Событія излагаются въ „Алфавитѣ“ въ 4 перечняхъ: одинъ заключаетъ въ себѣ событія общія, а три другихъ излагаютъ событія, приуроченныя къ Петербургу, Москвѣ и Литвѣ. Такъ какъ авторъ долго жилъ въ Курляндской губерніи, то онъ приводитъ небезынтересныя данныя о тамошнихъ старообрядцахъ. Въ виршахъ описываются также нѣкоторыя событія, но нѣсколько въ юмористическомъ тонѣ. Особенно цѣнны лѣтописныя замѣтки о времени написанія разныхъ сочиненій старообрядцевъ; нельзя также не отмѣтить извѣстія объ измѣненіи церковнаго пѣнія на Преображенскомъ кладбищѣ, о путе-

шествіи И. Ковылина въ Даниловъ монастырь и др.; все это представляетъ новый, доселѣ неизвѣстный матеріалъ для исторіи безпоповщинской общины. Второе сообщеніе В. Т. Георгіевскаго касалось Тетроевангелія 1531 г., даннаго архіепископомъ Новгорода и Пскова Макаріемъ (позднѣе — знаменитый митрополитъ московскій, собиратель Великихъ Миней Четій) вкладомъ въ мѣсто своего постриженія — въ Пафнутіевъ Боровскій монастырь. Это Евангеліе представляетъ интересъ не только со стороны художественности оклада и миниатюръ, но и со стороны вкладной записи, сохранившей точную стоимость написанія и украшенія означеннаго Евангелія: такъ, напр., „доброрписцу чернописному“ дано 2,000 сребреницъ; „живописцу иконному“ — 400 сребреницъ; „златописцу же заставочному писцу и статеіному писцу“ — 1,400 сребреницъ и т. д., всего же Евангеліе обошлось, съ серебрянымъ окладомъ и бархатной оболочкой, въ 200.000 сребреницъ, „московскимъ же числомъ собирается сто рублей и дванадцать гривенъ московскихъ“.

Состоялось общее собраніе профессоровъ Петроградской духовной академіи для выбора членовъ комиссіи по руководству надъ работами по исправленію и новому научному изданію текста славянской Библіи.

Для избранія перваго состава означенной комиссіи ректоръ Петроградской духовной академіи епископъ Анастасій входилъ въ сношеніе съ совѣтами Московской, Кіевской и Казанской духовныхъ академій, а также съ университетами и другими свѣтскими учебными заведеніями столицъ и провинцій и отдѣльными учеными, заявившими себя извѣстностью въ области изученія славянскаго библейскаго текста.

Въ числѣ лицъ, пожелавшихъ принять участіе въ работахъ комиссіи, числятся, кромѣ профессоровъ всѣхъ четырехъ духовныхъ академій: академики: А. И. Соболевскій, А. А. Шахматовъ, В. А. Перетцъ и многіе другіе члены Академіи Наукъ; московскіе профессора: М. Д. Муретовъ, Р. Ф. Брандъ, М. Н. Сперанскій; профессора Варшавскаго университета: А. В. Михайловъ, В. А. Погорѣловъ, А. В. Яцимирскій; профессоръ Петроградскаго университета Н. М. Каринскій; хранитель отдѣленія рукописей Румянцовскаго музея Г. П. Георгіевскій и друг. (Веч. Вр.).

Въ близкомъ будущемъ въ Петроградѣ начнеть функционировать новое общество взаимопомощи, членами котораго могутъ состоять всѣ художники, независимо отъ ихъ направленія въ искусствѣ.

Общество будетъ заботиться о привлеченіи заказовъ по иконописи, росписи новыхъ храмовъ и частныхъ домовъ, беря на себя и строительную часть, какъ въ Петроградѣ, такъ и въ провинціи; устраивать выставки, съ выдачей ссудъ подъ картины и т. п. Главнымъ же образомъ общество будетъ преслѣдовать цѣль непосредственнаго сношенія художниковъ съ широкой публикой. Для этого общество устраиваетъ свой собственный громадный художественно-эстампный магазинъ на одной изъ центральныхъ улицъ столицы.

Русское библиологическое общество приступаетъ къ изданію „Библиографическаго Сборника“. Первый выпускъ будетъ посвященъ русскимъ библиографическимъ организаціямъ. Въ первый первый выпускъ войдутъ очерки возникновения и дѣятельности русскаго библиологическаго общества, библиографическихъ обществъ при московскомъ и одесскомъ университетахъ, бюро международной библиографіи по математикѣ и естествознанію при академіи наукъ и др. Второй выпускъ „Сборника“ составятъ собранные Э. А. Вольтеромъ автобіогра-

фическіе и библиографическіе очерки, посвященные современнымъ библиографамъ. Третій выпускъ — „Толстовскія общества и толстовская библиографія“ — будетъ составленъ А. Л. Бемомъ.

Въ январѣ исполнилось 25 лѣтъ со дня выхода въ свѣтъ 1-го тома большого энциклопедическаго словаря „Брокгаузъ-Ефрона“. Словарь выходилъ въ теченіе 15 лѣтъ, и составилъ 82 тома. Въ немъ приняли участіе около восьмисотъ дѣятелей науки, литераторовъ и специалистовъ по разнымъ вопросамъ. Редактора проф. Андреевскаго смѣнилъ К. К. Арсеньевъ, доведшій до конца дѣло изданія словаря. Расходъ по изданію словаря исчисленъ въ суммѣ 4.636.777 руб., въ томъ числѣ расходы по редакціи составили 896.000 руб. Ко дню своего юбилея фирма Брокгаузъ-Ефронъ заканчиваетъ 23-й томъ выпускаемаго ею „Новаго Энциклопедическаго Словаря“.

МОСКВА.

Гр. С. А. Толстая получила отъ Академіи Наукъ, которой А. Л. Толстая предоставила авторскія права на рукописи Л. Н. Толстого, предложеніе предоставить Академіи Наукъ возможность снять копіи или передать рукописи академіи. Академія при этомъ соглашается при изданіи рукописей испрашивать согласія А. Л. Толстой и С. А. Толстой.

С. А. Толстая отвѣтила, что рѣшила передать рукописи Румянцовскому музею, академіи же предоставляетъ снять фотографическія копіи съ тѣмъ, чтобы академія предоставила Румянцовскому музею копіи хранящихся у нея рукописей. Относительно изданія дневниковъ С. А. Толстая поставила академіи условіемъ, что фотографическія копіи должны быть сняты въ двухъ экземплярахъ, одинъ изъ которыхъ долженъ храниться запечатаннымъ въ академіи до дня смерти послѣдняго изъ дѣтей Л. Н. Толстого, а другой представленъ С. А. Толстой, С. Л. Толстому и П. Л. Сухотиной для изыятія интимныхъ мѣстъ, которыя не должны быть опубликованы при жизни дѣтей Л. Н. За исключеніемъ этихъ мѣстъ, остальной текстъ академіи получаетъ право опубликовать, не испрашивая согласія С. А. Толстой.

Въ Москвѣ скончался извѣстный ученый, почетный членъ Московскаго университета, академикъ Ф. Е. Коршъ. Нѣсколько времени назадъ, у него было обнаружено сращеніе кишекъ. Была произведена операція, которую покойный въ виду преклоннаго возраста не могъ перенести. Въ апрѣлѣ прошлаго года вся ученая Москва чествовала академика Корша по случаю исполнившагося 70-лѣтія со дня его рожденія. Покойный родился въ Москвѣ 1843 г. Отецъ его былъ редакторомъ „Петербургскихъ Вѣдомостей“. Образование онъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, который окончилъ въ 1864 г., и былъ оставленъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію. Въ 1870 г. Ф. Е. Коршъ занялъ кафедру латинскаго и греческаго языковъ и классической филологии, читалъ лекціи въ продолженіе 30 лѣтъ и одновременно преподавалъ въ Лазаревскомъ институтѣ.

Въ происходившемъ на дняхъ засѣданіи физико-математическаго факультета университета, было установлено, что со времени начала войны фундаментальная библіотека университета никакихъ иностранныхъ журналовъ и книгъ не получаетъ по той причинѣ, что поставщикомъ книгъ и журналовъ московскаго университета состоитъ книжно-коммиссіонная фирма Фока въ Лейпцигѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ установлено, что нѣкоторыя лабораторіи и профессора получаютъ англійскія, французскія, итальянскія и американскія изданія по частной выпискѣ. Такъ какъ изъ средствъ, ассигнованныхъ на выписку книгъ и журналовъ, имѣется еще около 15,000 руб., факультетъ постановилъ обратиться къ библиотечной коммиссіи съ просьбой выписать иностранные книги и журналы отъ книжныхъ фирмъ изъ Стокгольма или Лондона.

Подъ предсѣдательствомъ В. Г. Венгерова происходило засѣданіе комитета снабженія лазаретовъ произведеніями печати. Подведенные итоги выяснили, что комитетъ обслуживаетъ 715 лазаретовъ Москвы. Въ каждый изъ этихъ лазаретовъ ежедневно доставляются московскія газеты, присылаемыя редакціями газетъ бесплатно. Лазаретныхъ библиотекъ до сихъ поръ разослано 435. Всѣ онѣ составлены изъ пожертвованныхъ книгъ. Въ настоящее время комитетъ озабоченъ разсылкой библиотекъ провинціальнымъ лазаретамъ. Такъ какъ коми-

тетъ не располагаетъ денежными средствами, выработаны слѣдующія правила: для полученія библіотеки на 25 чел. изъ 150 книгъ нужно прислать 1 руб. на покупку ящика и упаковку, на библіотеку для 50 чел. изъ 400 книгъ — 1 р. 50 коп. и на 100 чел. изъ 600 книгъ — 2 р. 50 коп. При этихъ условіяхъ комитетъ сможетъ широко обслуживать провинцію лазаретными библиотеками.

ПРОВИНЦІЯ.

Десятаго января с. г. состоялось годичное собраніе членовъ Харьковской общественной библіотеки. Изъ доложеннаго собранію отчета явствуетъ, что по интенсивности дѣятельности библіотека въ минувшемъ году стояла на первомъ мѣстѣ среди городскихъ библиотекъ Россіи, по числу же томовъ на третьемъ, уступая Виленской и Одесской библиотекамъ. По замѣчанію ревизіонной комиссіи, „исключительность переживаемаго историческаго момента прямо и замѣтно нисколько не отразилась на ходѣ жизни библіотеки: число подписчиковъ растетъ неудержимо, притокъ средствъ не прекращается, а, напротивъ, даже увеличивается“. Общее приращеніе книжнаго имущества за отчетный годъ составляетъ 7,713 томовъ, на сумму — 6,443 руб. 58 коп. Изъ нихъ: 4,397 томовъ на сумму — 1,714 р. 51 коп. получены въ даръ, остальные приобретены покупкой. Всего книгъ и журналовъ на 1 октября 1914 г. въ библиотекѣ числится 172,861 томъ, оцѣненныхъ въ 152,780 руб. 00 коп. Всего за 317 дней функционирования библіотеки удовлетворено было 389,347 требованій, изъ которыхъ 300,826 томовъ приходится на долю подписчиковъ (15,561) и 88,521 на долю посѣтителей кабинетовъ для чтенія (63,627). Слѣдовательно, въ среднемъ на каждый абонементъ приходится 19,3 книги или одна (съ небольшой дробью) на каждого жителя въ городѣ, т. е. почти въ такой же пропорціи, какъ въ лучшихъ американскихъ библиотекахъ (напр., въ Нью-Йоркской публичной библиотекѣ въ 1913 году приходилось 2 книги на каждую душу населенія и 21 на каждый абонементъ). Въ теченіе года обмѣнено 236,558 книгъ и 7,076 новыхъ журналовъ, т. е. въ среднемъ въ день — 746 книгъ и 22 новыхъ журнала.

Управление Варшавскаго музея промышленности и земледѣлія Царства Польскаго взяло на себя инициативу со-

зданія спеціального музею настоящей войны. Для музея будетъ собираться все относящееся до войны: фотографіи полей битвъ, портреты героевъ войны, вооруженіе воюющихъ армій, прокламаціи, воззванія, брошюры, карикатуры, газеты, осколки снарядовъ и проч. Собираніе матеріаловъ уже производится. По полученіи разрѣшенія, музей будетъ открытъ для публики.

Въ непродолжительномъ времени въ кievскихъ военныхъ училищахъ будутъ открыты особые залы—„музеи войны“. Въ нихъ будутъ сосредоточены предметы и документы, имѣющие отношеніе къ настоящей войнѣ: портреты русскихъ военачальниковъ и выдающихся героевъ, подробныя карты всѣхъ театровъ войны; кромѣ того, будутъ вывѣшены портреты всѣхъ офицеровъ, бывшихъ воспитанниковъ училища, нынѣ участвующихъ въ войнѣ. Для увѣковѣченія памяти героевъ, павшихъ въ славномъ бою, фамиліи ихъ будутъ занесены на мраморную доску, которая и будетъ выставлена на видномъ мѣстѣ. Затѣмъ будутъ собраны и систематизированы всѣ роды оружія и обмундированія австрійскихъ и германскихъ войскъ. Наконецъ, собирается коллекція копій всѣхъ писемъ офицеровъ съ театра военныхъ дѣйствій, среди которыхъ описываются столкновения съ непріателемъ, картины сраженій, геройскіе подвиги отдельныхъ лицъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имѣются въ виду и письма, развѣдочныя рапорты, донесенія, записки книжки и проч. принадлежності австрійскихъ и германскихъ солдатъ и офицеровъ, характеризующія постановку военного дѣла въ непріятельской арміи. („Кіевъ“).

По утвержденію почетнаго члена ростовскаго о-ва любителей древностей и природы Б. М. Краснянскаго, 15-го декабря исполнилось 165 лѣтъ со времени основанія города Ростова-на-Дону. Г. Краснянскій разыскалъ въ архивѣ гор. Новочеркасска подписанную Государыней Императрицей Елисаветой Петровной грамоту, датированную 15-мъ декабря 1749 г., которая, по мнѣнію г. Краснянскаго, даетъ основаніе утверждать, что основаніе городу Ростову было положено 165 лѣтъ тому назадъ. Первый поселокъ на мѣстѣ нынѣшняго Ростова официально назывался „Темерницкой Таможней“. Копія этой грамоты Императрицы Елисаветы Петровны въ настоящее время хранится въ ростовскомъ городскомъ музеѣ. („Утро Юга“).

ПОЛЬСКАЯ ХРОНИКА.

Одной изъ безконечныхъ жертвъ настоящей войны является литературный критикъ и историкъ литературы Валерій Гостомскій (Walery Gostomski) (1854—1915), скончавшійся въ январѣ въ Вѣнѣ, гдѣ онъ былъ задержанъ въ качествѣ военно-плѣннаго на возвратномъ пути изъ Италіи на родину.

Гостомскій, воспитанникъ петроградскаго университета и рижскаго политехническаго института, помѣшалъ многочисленныя статьи и очерки по литературѣ въ польскихъ ежемѣсячникахъ „Biblioteka Warszawska“, „Ateneum“ и „Przegląd Polski“, издалъ „Исторію всеобщей литературы“ (Варшава, 1898 г., 2 тома), изслѣдованіе поэмы Мицкевича „Панъ Тадеушъ“ (Arcydzieło polskiej poezyi“, Варшава, 1894 и 1898 г. г.), равно шедевра Станислава Wyspiańskiego. „Свадьба“ („Arcytwór Wyspiańskiego — Wesele“, 1908 г.), и кромѣ того состоялъ редакторомъ отдѣла всеобщей литературы въ издаваемой въ Варшавѣ „Wielka Encyklopedia Powszechna“. Покойный писатель обладалъ недюжиннымъ литературнымъ талантомъ и отличался большою эрудиціей въ своей области. По взглядамъ и направленію, Валерій Гостомскій былъ идеалистомъ опредѣленно католическаго оттѣнка.

79 лѣтъ отъ роду скончался въ Познани Эдвардъ Ликовскій, архіепископъ гнзненскій и познанскій, утвержденный въ этомъ санѣ прусскимъ правительствомъ лишь въ августѣ прошлаго года, что послѣднее считало большою уступкой мѣстнымъ полякамъ. Покойный Ликовскій въ продолженіи многихъ лѣтъ состоялъ предсѣдателемъ польскаго „Общества Друзей Наукъ“ въ Познани и въ польской научной литературѣ увѣковѣчилъ себя рядомъ цѣнныхъ изслѣдованій по церковной исторіи. Изъ его сочиненій наибольшей извѣстностью пользуются: „Исторія униі русской и римской церкви“ (1875 г.), „Исторія униатской церкви въ XVIII и XIX вѣкахъ“ (1880 г.) и „Исторія брестской униі“ (1906 г.).

Послѣ продолжительной болѣзни, умеръ въ Мюнхенѣ польскій живописецъ Альфредъ Вѣрушъ-Ковальскій (A. Wierusz-Kowalski), пользовавшійся до недавняго времени большою популярностью на западныхъ художественныхъ рынкахъ, но не оставив-

шій значительнаго слѣда въ исторіи роднаго искусства. Ковальскій (род. въ Суwalkахъ въ 1849 г.) принадлежалъ къ многочисленной группѣ польскихъ художниковъ со здравствующимъ еще понынѣ Иосифомъ Брандтъ во главѣ, которые въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ прошлога столѣтія сосредоточились въ Мюнхенѣ, и среди которыхъ, рядомъ съ покойнымъ живописцемъ особенно выделялись Максъ Герымскій, І. Хелмонскій, В. Косакъ и др. Ковальскій съ тѣхъ поръ на всегда остался въ баварской столицѣ и здѣсь занималъ довольно видное положеніе среди художественной братіи. Исполненныя бравурной и элегантной техникой, его картины изъ охотничьей жизни и народнаго быта Польши очень приходились по вкусу международной буржуазной публикѣ большихъ выставокъ и торгующихъ картинами фирмъ, и въ этихъ кругахъ Ковальскій вскорѣ сталъ моднымъ мастеромъ, произведенія котораго имѣли обезпеченный сбытъ. Художникъ довольствовался этимъ успѣхомъ, вызваннымъ первоначально свѣжестью и темпераментомъ его таланта, блескомъ его техники и извѣстной экзотичностью его мотивовъ, и до конца жизни не переставалъ варьировать понравившіеся опредѣленной публикѣ сюжеты.

Комитетъ „Кассы научной помощи им. Д-ра І. Мянковского“ въ Варшавѣ недавно распредѣлилъ годичныя преміи за 1913 г., завѣщанныя покойнымъ Э. Пилецкимъ въ пользу авторовъ выдающихся трудовъ изъ области польской исторіи, литературы, равно естественныхъ наукъ. Преміи признаны г.г.: Гавріилу Корбуту за „Жизнеописанія и характеристики польскихъ писателей“, помѣщенные въ VII томѣ изданія „Wiek XIX; Sto lat myśli polskiej“, Генрику Мосцицкому за „Исторію Литвы и Руси послѣ раздѣла Польши“ („Dzieje porozbiorowe Litwy i Rusi“, томъ I, 1772 — 1800), и Зыгмунту Л. Залескому за сборникъ статей „Произведеніе и творецъ“ („Dzieło i Twórca“).

Редакція варшавскаго еженедѣльника „Prawda“ издаетъ большую этнографическую карту Польши („Mapa etnograficzna ziem polskich“), размѣромъ въ 120×130 сантиметровъ. Карта, на основаніи новѣйшихъ статистическихъ данныхъ, даетъ обзоръ расселенія

поляковъ не только на территоріи трехъ главныхъ частей Польши, но и соседнихъ странъ. Процентное отношеніе польскаго населенія указано въ числахъ для каждаго уѣзда.

Издаваемый съ 1901 г. варшавскимъ книжнымъ магазиномъ Э. Веде и К^о критически-библіографическій журналъ „Książka“, который съ января 1914 г. сталъ печататься во Львовѣ подъ редакціей д-ра Людвика Бернацкаго, естественно пріостановился съ началомъ войны. Въ настоящее время, по порученію издателей, небезызвѣстный варшавскій бібліографъ г. Мечиславъ Руликовскій приступилъ къ изготавленію недостающихъ пяти выпусковъ журнала съ августа по декабрь 1914 г., которые появятся въ апрѣлѣ мѣс. въ видѣ отдѣльной книжки. Такимъ образомъ 1914 г. журнала „Książka“ будетъ доведенъ до конца, и подписчики получатъ 14-ый томъ изданія полностью.

Среди почти полного застоя варшавскаго книжнаго рынка, обращаетъ на себя вниманіе появленіе симпатичнаго сборника подъ заглавіемъ Nowina (Варшава, 1914 — 1915), изданнаго кружкомъ взаимопомощи при мѣстномъ „Обществѣ польскихъ литераторовъ и публицистовъ“ подъ редакціей г. Станислава Дзиковскаго. Изышно — за исключеніемъ неважной бумаги, недостатокъ которой сильно ощущается въ Варшавѣ — отпечатанная книжка отличается очень разнообразнымъ содержаніемъ, которое почти полностью затрагиваетъ проблемы и событія текущихъ дней. Рядомъ со стихотвореніями извѣстныхъ поэтовъ, какъ Тадеушъ Лишинскій, Янъ Леманскій, Эдвардъ Слонскій и др., тутъ помѣщены, между прочимъ, статьи: „Польша въ этнографическомъ отношеніи“ (К. Мошинскаго), „Восточная Галиція и Львовъ“ (Ст. Бачинскаго), „Возрожденіе прусской Мазовіи“ (Р. Вегнеровича), равно любопытные очерки Вл. Навроцкаго о роли такъ называемыхъ, „Polenlieder“ въ нѣмецкой поэзіи прошлаго и Яна Грабовскаго о значеніи польской литературы и польскаго языка въ культурѣ до-петровской Руси. Въ нѣкоторомъ родѣ балансъ состоянія пластическихъ искусствъ во всѣхъ частяхъ Польши на протяженіи XIX и начала XX вѣковъ даетъ Ст. К. Островскій въ своей статьѣ „Trójjrozbiór duchowy“, а Вл. Татаркевичъ съ грустью повѣствуетъ

о нѣсколькихъ замѣчательныхъ памятниковъ древнепольской архитектуры, погибшихъ въ настоящую войну. Последняя статья иллюстрирована рисунками В. Ястжембовскаго, а кромѣ нихъ сборникъ украшенъ рисунками З. Каминскаго и Адама Полтавскаго, который вообще руководствовалъ художественной стороной изданія.

Вышелъ изъ печати первый выпускъ затѣяннаго фирмой Э. Венде и К^о альбома военныхъ дѣйствій, „Polska w roku 1914—1915“, редактированного г. Ст. Дзиковскимъ и составленнаго исключительно изъ фотографическихъ снимковъ, воспроизведенныхъ цинкографіей и изящно смонтированныхъ на коричневый картонъ. Сняты преимущественно виды разрушенныхъ городовъ и селеній въ Польшѣ, костеловъ, усадебъ и отдѣльныхъ построекъ, равно „intérieur“ы жилищъ, созданные бомбардировкой и аэропланными бомбами — и эти нѣмые фотографическіе документы, конечно, краснорѣчивѣе всякихъ драматическихъ описаній рисуютъ кошмарные ужасы настоящей войны.

Закончилось печатаніемъ двухтомное изданіе Лещица о польскихъ гербахъ подъ заглавіемъ „Herby Słachty Polskiej“ (Варшава, Э. Венде и К^о). На 88 цвѣтныхъ таблицахъ здѣсь воспроизведены 440 польскихъ дворянскихъ гербовъ съ объяснительнымъ текстомъ. Предисловіе къ изданію написалъ г. В. Гонсіоровскій.

„Общество Поощренія Художествъ“ въ Варшавѣ устроило выставку видовъ и отдѣльныхъ архитектурныхъ мотивовъ Кракова работы исключительно Леона Вычулковскаго, профессора краковской Академіи Художествъ и одного изъ лучшихъ иконографовъ старинной польской столицы. Выставлены были краковскія акварели и пастели художника, а въ первомъ ряду великолѣпная серія его автолитографій, собранныхъ въ отдѣльную папку подъ заглавіемъ „TeKa Krakowska“, которая даже за границей доставили Вычулковскому славу одного изъ лучшихъ современныхъ польскихъ графиковъ.

Р. ЕТТИНГЕР.

ПО ЕВРОПѢ.

Какъ извѣстно, во всѣхъ торговыхъ и промышленныхъ кругахъ Германіи имѣются особыя складочныя мѣста, принадлежащія мѣстнымъ торговымъ палатамъ. Интересный видъ представляютъ собою эти огромные пакгаузы въ настоящее время. Такъ какъ болѣе 60 проц. германскихъ фабрикъ и заводовъ или совсѣмъ прекратили свою дѣятельность, или работаютъ исключительно на военное вѣдомство, то эти пакгаузы и огромные каменные склады для экспортныхъ товаровъ нынѣ должны были бы оставаться пустыми. Однако всѣ эти помѣщенія совершенно забыты различными предметами и матеріалами. Мало того: на площадяхъ вокругъ этихъ зданій лежатъ цѣлыя груды прикрытыхъ брезентами ящиковъ и тюковъ. Городскія управленія нанимаютъ частныя квартиры и амбары и въ нихъ складываютъ грузы. Это — имущество, награбленное въ Бельгіи и Сѣверной Франціи. Въ настоящее время нѣтъ болѣе помѣщеній для храненія почти ежедневно доставляемыхъ новыхъ партій „военной“ добычи, среди которой вмѣстѣ съ картинами великихъ мастеровъ встрѣчаются серебрянная церковная утварь, паровые котлы, домашняя посуда и могучія металлообрабатывающія машины. Правительство въ настоящее время назначило особую комиссію, которая производитъ оцѣнку всѣхъ награбленныхъ предметовъ и объявляетъ о рядѣ аукціоновъ, на которыхъ вся добыча будетъ продаваться съ публичнаго торга. („Нов. Вр.“)

Судьба богатѣйшей библіотеки покойнаго милліардера Пирпонта Моргана нынѣ можетъ считаться обезпеченной. Рѣшено, что библіотека эта распродаваться не будетъ и сохранится въ своемъ неприкосновенномъ видѣ. Въ библіотекѣ этой собрано покойнымъ коллекционеромъ множество драгоцѣнныхъ рукописей и рѣдчайшихъ изданій. Въ настоящее время готовится къ печати подробный ея каталогъ.

Въ числѣ другихъ рѣдкостей имѣется, между прочимъ, въ этомъ книжномъ собраніи полная коллекція книгъ, купленная Морганомъ въ Контскомъ монастырѣ Св. Михаила (въ мѣстности древней Оиванды), разрушенномъ арабами еще во времена калифа Омара. Книги хранились въ особой нишѣ, высѣченной въ гранитѣ и наглухо замурованной, гдѣ и были открыты случайно, черезъ тысячу лѣтъ, киркой одного мѣстнаго землекопа —

феллаха. Документы эти — великолѣпной сохранности — заключаютъ въ себѣ много сказаній о борьбѣ, выдержанной пустынниками-монахами противу своихъ преслѣдователей, и вообще — исторію первыхъ вѣковъ христіанства. Эти жизнеописанія святыхъ отшельниковъ и различныя религиозныя трактаты украшены богатыми миниатюрами и художественными иллюстраціями. Изъ того же тайника добыты экземпляры „полнаго Евангелія“, въ богатѣйшихъ переплетахъ, украшенныхъ фигурами изъ красной кожи и пергамента, вырѣзанными на золотомъ фонѣ — оригинальнѣйшій образчикъ подобной работы въ ту эпоху.

Вся эта коллекція была куплена цѣликомъ за большія деньги покойнымъ Морганомъ и неразрозненно вошла въ составъ его библиотеки. Эта именно цѣльность коллекціи составляетъ драгоцѣннѣйшее ея свойство, и этимъ самымъ Морганъ оказалъ громадную услугу наукѣ древняго востоковѣдѣнія. Всѣ документы датированы и, благодаря возможности сличенія съ ними, легко установить дату и многихъ другихъ подобныхъ экземпляровъ, разновременно найденныхъ и разбросанныхъ нынѣ въ различныхъ коллекціяхъ, музеяхъ и библиотекахъ всего свѣта, частныхъ и общественныхъ. На основаніи коллекціи Моргана выясняются полныя отдѣльныя картины жизни и трудовъ монаховъ-отшельниковъ, проникнутыхъ горячею вѣрой и борющихся упорно противу всякихъ окружающихъ ихъ притѣснителей и насильниковъ.

Всѣ остальные художественныя коллекціи Моргана, какъ говорятъ, будутъ распроданы. Вопросъ этотъ, впрочемъ, пока еще не рѣшенъ, такъ какъ наслѣдникъ Моргана, его сынъ, еще колеблется. На приобрѣтеніе всѣхъ своихъ коллекцій, вообще, покойный, какъ извѣстно, издержалъ въ теченіе своей жизни болѣе 350.000.000 франковъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Байэ, К.—Исторія искусствъ. Архитектура. Скульптура. Живопись. Пер. съ примѣчаніями и дополненіями В. Никольскаго. СПБ. 1914, 8°. 96 стр. Съ рис.

Бенешевичъ, В. Н.—Сборникъ памятниконъ по исторіи церковнаго права, преимущественно русскаго, кончая временемъ Петра Великаго. Вып. I и

II. ПГ. 1915. VI+120+250 стр.+3 табл.: Ц. 3 р.

Венгеровъ, С. А. проф.—Источники Словаря русскихъ писателей. Т. III. Карамышевъ—Ломоносовъ. ПГ. 1914. 8°. 524 стр. Ц. 3 р. 50 к.

Гаузенштейнъ, В. Д-ръ—Нагота въ искусствѣ. Перев.: А. Ф. Гретманъ. М. 1914. 8°. 224 стр. съ рис. Ц. 2 р.

Гернесъ, Морицъ, д-ръ—Первобытная культура. Часть I. Бронзовый вѣкъ (Древнѣйшія времена употребленія металловъ. Мѣдный и бронзовый вѣкъ въ Европѣ на востокѣ и въ Америкѣ). Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи. Ф. К. Волкова. Авторизованный пер. съ послѣдняго нѣмецкаго изданія Н. А. Лебедева. Рига, 1914. 16°. 159 стр. съ рис.

Гернесъ, Морицъ, проф.—Первобытная культура. Часть III. Желѣзный вѣкъ. Галльштатскій и Латенскій періоды въ Европѣ. Первое появленіе желѣза въ другихъ частяхъ свѣта. Подъ ред. и съ дополненіями относительно археологіи Россіи. Ф. К. Волкова. Авторизованный пер. съ послѣдняго нѣм. изданія Н. М. Лебедева. Рига 1914. 16°. 148 стр. Съ рис.

Извѣстія Императорской археологической комиссіи. Выпускъ 55-й. ПГ. 1914. 4°. 139 стр. Съ 63 рис.

Толстой, И. И. графъ.—Византійскія монеты. Вып. VIII. Монеты Юстиніана II, Тиверія Ансима, Филеника Вардана, Артемія Анастасія, Феодосія Адрамитянина, Льва Исаврянина и Константина Копронима. ПГ. 1914. 4°. 833—978 стр. съ рис. 7 табл. Ц. 4 р.

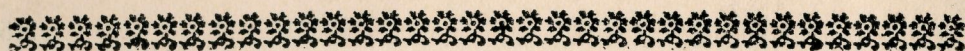
Худековъ, С. Н.—Исторія танцевъ. Часть II. Спб. 4°. IX+370 стр. Съ 229 рис. Ц. 7 р.

Бенуа, Александръ.—Исторія живописи всѣхъ временъ и народовъ. Часть первая. Пейзажная живопись. Вып. 14. ПГ. 1914. 4°. 273—360 стр. съ рис.

Вейлэ, Карлъ, д-ръ.—Элементы челоуѣческой культуры. Начатки и первичныя формы матеріальной культуры. Переводъ Анны Мейеръ. Подъ ред. Б. Адлера. Библиотека знанія. ПГ. 1914. 8°. 120 стр. Съ 40 рис. Ц. 50 к.

Грифцовъ, Б.—Римъ. Съ планами города и музеевъ. Справочники-путеводители. М. 1914. 16°. 3 зен.+156 стр.+2 план.

Зеленинъ, Д. К.—Описание рукописей Ученаго архива Императорскаго Русскаго Геогр. Общества. Выпускъ первый. ПГ. 1914. Изд. Имп. Русск. Геогр. Общества. 8°. X+483 стр.

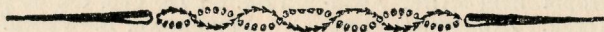

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	СТР.
Исторія одной жизни. — Н. В. Соловьевъ (Продолженіе)	7
Замѣтки о нѣкоторыхъ библіотекахъ. М. Т—въ	69
Современная русская иконографія на Московскихъ выставкахъ 1915 г. — П. Эттингеръ	74
Къ біографіи А. Н. Островскаго — А. Александровъ	81
Письма Пушкина — Н. О. Лернеръ	89
Къ вопросу о датѣ стиховъ Пушкина о Старомъ Дожѣ — Ю. Оксманъ	90
Записки кн. И. М. Долгорукова. (Продолженіе)	95
Библіографія: 1. С. Троицкій. Фарфоровыя табакерки; 2. Онъ же, Гербы лейбъ-компаніи — И. Евдокимовъ; 3. Сочиненія С. Т. Акса- кова т. I; 4. А. Э. Мальмгренъ. Русскія народныя картинки; 5. Л. Чижиковъ. Одесскіе букинисты; 6. В. Т. Георгіевскій. Фрески Панселина — И. Евдокимовъ	104
Хроника	109

ОГЛАВЛЕНІЕ РИСУНКОВЪ И АВТОГРАФОВЪ:

В. А. Перовскій. Портретъ	7
Н. М. Языковъ. Портретъ	13
Катя и Саша Воейковы. Портреты	23
Тоже	31
Андрюша Воейковъ	39
Акварель работы А. А. Воейковой	55
Автографъ А. А. Воейковой	59
Акварель работы А. А. Воейковой	61

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

(5-й годъ изданія)

РУССКІЙ БИБЛІОФИЛЬ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКИЙ

выходить 8 разъ въ годъ, книжками по 6 печ. листовъ со многими иллюстраціями.

По примѣру первыхъ 4-хъ лѣтъ изданія, наиболѣе обширнымъ отдѣломъ „Русскаго Библіофила“ явится отдѣлъ историко-литературный, въ которомъ будетъ опубликованъ рядъ неизданныхъ писемъ и произведеній виднѣйшихъ русскихъ писателей. Наряду съ этимъ, видное мѣсто займетъ отдѣлъ историческихъ воспоминаній и записокъ, въ которомъ, между прочимъ, будетъ продолжаться печатаніе обширныхъ записокъ кн. **И. М. Долгорукова**, начатое въ 1913 году.

Вопросы искусства вообще, и въ частности искусства графическаго, вмѣстѣ съ вопросами библіофилии и коллекціонерства будутъ также достаточно подробно затронуты на страницахъ журнала. Въ библіографическомъ отдѣлѣ, кромѣ рецензій на книги по исторіи, исторіи литературы и искусству и перечней вновь выходящихъ книгъ по этимъ вопросамъ, будутъ помѣщаться описанія частныхъ собраній и библіотекъ общихъ и специальныхъ.

РЕДАКЦИЕЙ ПРИОБРѢТЕНЪ И БУДЕТЪ ОПУБЛИКОВАНЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ 1915 г.

АРХИВЪ А. А. ВОЕЙКОВОЙ,

племянницы В. А. Жуковскаго, извѣстной „Свѣтланы“.

Архивъ состоитъ изъ множества отдѣльныхъ рукописей и десяти семейныхъ альбомовъ и заключаетъ въ себѣ рядъ неизданныхъ произведеній Жуковскаго, Языкова, Козлова, Баратынскаго и др. въ автографахъ. Обширная переписка даетъ множество интересныхъ свѣдѣній для біографій многихъ литераторовъ начала XIX вѣка, а изящные альбомы украшены рисунками и портретами нѣкоторыхъ изъ этихъ лицъ, которые будутъ воспроизведены на страницахъ „Русскаго Библіофила“.

Подписная цѣна **8 р. 50 к.** въ годъ съ пересылкой (за границу **35 фр.**); безъ доставки **8 руб.** Допускается при подпискѣ въ конторѣ журнала разсрочка: при подпискѣ **4 руб. 50 коп.**; **1 марта 2 руб.**; **1 августа 2 руб.**

Цѣна отдѣльнаго № **1 р. 75 к.**

ОБЪЯВЛЕНИЯ: $\frac{1}{1}$ стр. **50 р.**; $\frac{1}{2}$ стр. **25 р.**, $\frac{1}{4}$ стр. **15 р.**, $\frac{1}{8}$ стр. **10 р.**

При повторныхъ объявленіяхъ дѣлается скидка по соглашенію.

За перемѣну адреса **50 коп.**

Комплекты за прошлые годы: 1911 (распроданъ) 1912, 1913 и 1914 по **8 руб. 50 коп.**

Редакція: Петроградъ, Литейный, 51. Редакторъ-Изд. **Н. В. Соловьевъ.**

Пріемъ подписки въ конторѣ журнала: Петроградъ. Рыночная, 10.

Тип. — Сиріусъ — Тел. 583-67.

ИЗВѢСТІЯ

ОДЕССКАГО БИБЛІОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМЪ НОВОРОССІЙСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫХОДЯТЪ ДВУХМѢСЯЧНЫМИ ВЫПУСКАМИ ПО ЧЕТЫРЕ ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА КАЖДЫЙ.

Содержаніе: доклады членовъ Общества, рецензіи и статьи о книжныхъ новостяхъ (преимущественно изъ области историческихъ, соціальныхъ и гуманитарныхъ наукъ); біографическіе матеріалы; бібліографическіе обзоры и указатели; статьи и замѣтки по бібліотечковѣдѣнію и старинѣ Новороссійскаго Края, Бессарабіи и Крыма; краткіе протоколы засѣданій Общества; книжныя объявленія.

Цѣна выпуска 35 коп.

Цѣна перваго тома (за 1911 — 1912 г.г.) 3 руб.

„ второго „ (за 1913 г.) 2 „

Книги для рецензій (желательно въ двухъ экземплярахъ) направляются по адресу: Одесса, Преображенская ул., Библіотека Университета, Одесскому Библіографическому Обществу.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

НА ЕЖЕДНЕВНУЮ, БОЛЬШУЮ, ПРОГРЕССИВНУЮ, КРАЕВУЮ ГАЗЕТУ

„СѢВЕРО-ЗАПАДНАЯ МЫСЛЬ“

Въ газетѣ принимаютъ участіе приглашенные столичные литераторы, а также мѣстные и краевые общественные дѣятели и литераторы: д-ръ С. І. Айзенштадтъ, М. С. Антиповичъ, Ю. И. Богуславскій, пр. пов. Волынский, Е. А. Гурвичъ, п. пр. п. С. Я. Залкиндъ, И. Я. Залкиндъ, С. Н. Зусеръ, д-ръ Д. С. Иссайловичъ, д-ръ С. Д. Каминскій, М. Кислый, А. Киржницъ, М. С. Королицкій, Г. Ф. Королькевичъ, д-ръ Э. И. Ланда, И. А. Левъ, прис. пов. Мейчикъ, уч. агр. И. Неклепаевъ, Р. К. Островскій, д-ръ М. А. Полякъ, И. Рицкій, В. И. Самойло, д-ръ М. С. Слѣпнянъ, пом. пр. пов. М. В. Стучинскій, д-ръ Э. Л. Ульяновъ, Е. П. Урсыносичъ, прис. пов. В. И. Чаусовъ, прис. пов. Шабуня, А. О. Эльперинъ и др.

Собственные корреспонденты во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ С.-З. Края.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Минскѣ: На годъ — **5** р., на 6 мѣс. — **2** р. **50** к., на 3 мѣс. — **1** р. **50** к.
на 1 мѣс. — **60** к.

Въ другихъ городахъ: На годъ — **6** р., на 6 м. — **3** р., на 3 м. — **1** р. **85** к.
на 1 м. — **85** к.

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: При подпискѣ — 2 р., къ 1 марта 2 руб. и 1 мая для городскихъ — 1 руб., для иногороднихъ — 2 руб.

Учит., духов. лицамъ, военнымъ и учащимся при годовой подпискѣ скидка — 15%, при полугодовой 10%.

Адресъ редакціи и конторы: Минскъ губ., Преображенская, 23.

Редакторъ С. ЗУСЕРЪ.

ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

издаваемый Петромъ Бартечевымъ (младшимъ).

Открыта подписка на 1915 годъ. Годовая цѣна девять рублей.

Подписка въ Москвѣ (Арбатъ, Денежный, 3) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. — Вышелъ и разосланъ подписчикамъ первый январскій выпускъ.

ТИПОГРАФІЯ и КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО - СИРИУСЪ -

Пгг., Рыночная улица, № 10. Тел. 583-67.

ИМѢЮТСЯ НА СКЛАДѢ КНИГИ:

- Макаренко, Н. Е. „Путевые замѣтки и наброски о Русскомъ искусствѣ“
вып. I. Ц. 1 р. 75 коп.
- Волконскій, кн. С. М. Выразительное слово. Ц. 1 р. 50 к.
- Его же: „Отклики театра“. Ц. 1 р. 50 к.
- Врангель, бар. Н. Н. Наслѣдіе Великой Княгини Маріи Николаевны. Ц. 2 р.
- Его же: О. А. Кипренскій въ частн. собраніяхъ. Ц. 3 р. 50 к.
- Его же: А. Г. Венеціановъ въ частн. собраніяхъ. Ц. 1 р. 75 к.
- Его же: Памяти П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго. (Собр. картинъ). Ц. 3 р.
- Г. Х. Д. Осенніе листья. Стихотворенія въ прозѣ. Ц. 2 р.
- Казнаковъ, С. Н. Пакетовыя табакерки Импер. Фарфороваго Зав. Ц. 6 р.
- Левинсонъ, А. „Мастера Балета“. Ц. 4 р.
- Трубниковъ, А. А. Помнишь бывало. Ц. 85 к.
- Хвоцинскій, В. Тосканскіе художники. Ц. 2 р. 50 к.
- Шретеръ, М. В. „Пѣсни Чижика“ кн. II. Ц. 90 к.
- Тройницкій, С. Н. Гербовникъ А. Т. Князева. Ц. 10 р.
- Его же: Фарфоровыя табакерки Импер. Эрмитажа. Ц. 3 р. 50 к.
- Его же: Гербовые девизы Русск., Польск., Финл. и Прибалт. Дворянства. Ц. 1 р. 25 к.
- Его же: Гербы Лейбъ-Компаніи оберъ и унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ. Ц. 7 р.
- Стравинская, И. А. Христіанскій театръ. Ц. 1 р.
- Спасенная Россія въ басняхъ Крылова, рис. Е. Нарбута. Ц. 2 р.
- В. Лукомскій и С. Тройницкій. Списки лицамъ Выс. пожалов. Дипломами съ Гербомъ на Дворян. достоин. Всеросс. Имп. и Ц. Польск. Ц. 85 к.
- Лукомскій, В. и Тройницкій, С. Указатели къ общему Гербовнику.
Ц. 1 р. 40 к.
- Арсеньевъ, В. Списки дворянск. родовъ Съдлецкой губ. Ц. 45 к.
- „Гербовѣдъ“, журналъ. Комплекты за 1914 г. по 10 р. 1913 г. распроданъ.
- Лукомскій, В. и Модзалевскій, В. Малороссійскій Гербовникъ. Ц. 6 р.
- Оминъ, А. „Памяти Пушкина“. Ц. 1 р. 50 к. [Раскрашен. 30 р.]
- Его же: Къ исторіи вопроса о развитіи въ Россіи общественныхъ идей въ началѣ XIX в. Ц. 3 р.

Книгопродавцамъ обычная скидка.

СТАРЫЕ ГОДЫ

ЕЖЕМЕСЯЧНИКЪ
для любителей
искусства и старины.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Лѣтній выпускъ 1914 г. (июль-сентябрь), посвященный Гатчинѣ, отпечатанъ лишь отчасти и прерванъ печатаніемъ вслѣдствіе отъѣзда авторовъ на войну; онъ будетъ разосланъ дополнительно, вмѣстѣ съ указателемъ за весь годъ.

Въ ближайшихъ выпускахъ предполагено помѣщеніе ряда статей, посвященныхъ описанію памятниковъ старины въ Галиціи и Польшѣ, а также ниже слѣдующія статьи:

Бар. Н. Н. Врангель: Портреты „Princesse de Ligne“, „Пастели Гатчинскаго дворца“. — В. Н. Гернгроссъ (Всеволодскій): „Театральный костюмъ XVIII в. и художникъ Боккэ“. — Н. О. Лернеръ: „Путевые наброски Айвазовскаго“, „Пушкинъ-рисовальщикъ и его отношеніе къ изобразительнымъ искусствамъ“, „Пушкинъ и „Распятіе“ Брюллова“. — Э. К. Липгартъ: „Маньяско въ русскихъ собраніяхъ“. — Г. К. Лукомскій: „Бѣлостокскій дворецъ“. — С. Н. Тройницкій: Замѣтки по фарфору, серебру и др., „Россійскіе орденскіе знаки“. — Бар. А. Фелькерзамъ: „Слоновая кость и ея примѣненіе въ искусствѣ“. — В. А. Шавинскій: „Корнелисъ в. Хаарлемъ“, „Собр. С. И. Шидловскаго“. — Сергій Эрнстъ: „Семенъ Щедринъ“, „Русскіе медальеры“, „Рисунки XIX вѣка въ собраніи Е. Г. Шварцъ“. — П. Эттингеръ: „Станиславъ Августъ и его Дворъ“.

Цѣна въ годъ съ доставкою и пересылкою 15 руб., безъ доставки — 14 руб., за границу — 50 франковъ.

При подпискѣ черезъ контору редакціи допускается разсрочка: При подпискѣ — 7 руб., 1 апрѣля — 4 руб. и 1 июля — 4 руб.

За перемѣну адреса 50 коп.

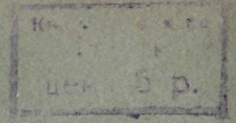
Подписка принимается: въ Петроградѣ — въ конторѣ редакціи (Рыночная ул., 10) и въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, Мелье, „Новаго Времени“, Клочкова, Лебедева, Соловьева, Карбасникова и Митюрникова; въ Москвѣ — въ книжныхъ магазинахъ: Вольфа, „Новаго Времени“, Шибанова, „Образованіе“, конторѣ Печковской и В. Н. Морозова и въ складахъ изданій Общины Св. Евгенія Краснаго Креста: въ Петроградѣ — Морская, 38 и въ Москвѣ — Кузнецкій мостъ, 11. Объявленія: стран. 90 руб., $\frac{1}{2}$ стр. — 55 руб., $\frac{1}{3}$ стр. — 40 руб., $\frac{1}{4}$ стр. — 30 руб., $\frac{1}{8}$ стр. — 20 руб.

Комплектовъ журнала за 1907 — 1913 годы не имѣется.

Заявленія о неполученіи номера принимаются въ редакціи въ теченіе 2-хъ недѣль со дня выхода слѣдующаго за недоставленнымъ номера.

Редакціонный Комитетъ: В. А. Верещинъ, бар. Н. Н. Врангель, I. I. Леманъ, С. К. Маковскій, С. Н. Тройницкій и А. А. Трубниковъ.

Редакторъ-Издатель П. П. Вейнеръ.

Br 002
P-8945

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА 1915 ГОДЪ:

съ доставкой въ Россіи 8 р. 50 к.,
безъ доставки 8 р., за границу 35 франковъ.

АДРЕСЪ КОНТОРЫ ЖУРНАЛА:

Петроградъ. Рыночная, 10.

W 188
5

ЖС-1632
1915-13

Р

БГ $\frac{002}{P-8948}$